

Рудольф Брендле

Иоанн Златоуст.

Проповедник, епископ, мученик

Оглавление

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	2
<i>Предисловие</i>	2
<i>Возвращение мученика</i>	3
В АНТИОХИИ (349-397)	5
Антиохия, венец Востока	5
Юность. Школа. Образование.....	8
Император Юлиан (361-363)	11
Аскет и отшельник	13
Диакон.....	15
Первые годы священства (386-387)	18
Антиохийское восстание (февраль 387 года)	22
Годы становления (387-397)	24
На путях социальных реформ.....	27
Антиохийское богослужение	30
Богословские темы	30
Неожиданное распоряжение	32
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (397-403)	34
Епископская хиротония.....	34
Первые успехи	41
Церковные реформы в Константинополе	44
Первые конфликты	46
Новые акценты	49
Падение Евтропия	52
Св. Иоанн и готы	55
Конфликт с Евдоксией.....	57
Церковно-политические дела.....	60
«Длинные братья»	66
Стратегия патриарха Феофила.....	70
Собор «Под дубом»	72
В ИЗГНАНИИ (403-407)	78
Первое изгнание и возвращение в Константинополь	78
Кровавая Пасха.....	83
Вторая ссылка	86
На смертном марше.....	96
Запоздалая реабилитация	98

Предисловие к русскому изданию

Иоанн Златоуст принадлежит к числу трех святителей, трех выдающихся отцов Православной церкви. Его икона почитается в бесчисленных храмах. Его имя носит главная литургия Православной церкви. Иоанн - величайший проповедник древней церкви. Петр Великий (1672-1725) в уставе, который он предписал Русской церкви, требовал, чтобы в России каждый человек духовного звания читал проповеди Иоанна. Кроме всего прочего, борясь за права бедняков, Златоуст дал церкви мощный импульс к общественной деятельности. Его бесстрашная солидарность с бедными, больными и слабыми имеет особенно важное значение на фоне того бедственного положения, которое царит сегодня в России.

Почти 30 лет я посвятил изучению грандиозного творчества этого отца церкви. В качестве плода этих штудий я опубликовал в 1999 году книгу о жизни и творчестве Иоанна Златоуста, предназначенную для широкой публики. Меня наполняет огромная радость, что эта книга, после французского и английского переводов, может увидеть свет и на русском языке. За это я глубоко благодарен издательству Библейско-богословского института св. апостола Андрея в Москве. Я должен также поблагодарить Дмитрия Бумажнова за его исключительно добросовестный перевод. Его необыкновенные познания как в немецком, так и в древнегреческом языке привели к этому прекрасному переводу, который, надеюсь, обретет в России многочисленных читателей.

Рудольф Брендле Август 2005 Базель (Швейцария)

Предисловие

Иоанн из Антиохии, епископ Константинопольский, именуемый потомками Хрисостомом (Златоустом), был выдающейся личностью церкви эпохи поздней античности. В то же время, он не оставляет нас и по сей день, присутствуя и в названной его именем литургии, которая каждый воскресный день служит в тысячах православных церквей, и в своих творениях, дошедших до нас в неисчислимом количестве рукописей, давших начало переводам на многочисленные древние и новые языки.

Около двадцати лет я интенсивно занимался наследием Иоанна Златоуста и опубликовал целый ряд книг и статей, посвященных этому отцу церкви. В беседах, на семинарах и докладах я раз за разом убеждался в том, что Иоанн способен вызывать восхищение и сегодня. Вот почему я и написал эту небольшую книгу, которая обращена не к специалистам, а ко всем интересующимся историей церкви. Знатоки не упустят заметить, сколь многим я обязан трудам моих предшественников. Прежде других здесь следует назвать Джона Нормана Девидсона Келли, автора ученой биографии «Golden Mouth. The Story of John Chrysostom. Ascetic, Preacher, Bishop», книги, на которую я во многом опирался, и которая побудила меня по-новому взглянуть на многие важные частности. Далее нужно упомянуть о мастерски написанной монографии Питера Брауна «The Body and Society. Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity», а также о выдающемся исследовании Роберта Луиса Уилкина «John Chrysostom and the Jews». Все еще полезной остается на протяжении десятилетий определявшая образ святителя двухтомная биография П. Хри- состома Баура «Иоанн Златоуст и его время». При переводе греческих текстов я, как правило, следовал Бауру; в то же время, я всякий раз перепроверял его перевод по оригиналу, что время от времени вело к исправлениям.

На страницах этой книги я пытаюсь рассказать историю Иоанна, останавливаясь при этом на наиболее значительных аспектах его проповеднической и церковной деятельности. Нередко я привожу цитаты из его творений. Однако часто я парафразировал то или иное рассуждение Иоанна, отказываясь в таких случаях от точных указаний.

Сценой, на которой будет разворачиваться наша история, являются два античных мегаполиса: Антиохия (ныне Антакья на юге Турции) и Константинополь. Мы хорошо информированы о ситуации и в том, и в другом городе во второй половине четвертого века. В Антиохии с 354 по 393 год жил и учил Ливаний — оставшийся верным языческой религии профессор риторики, наставник бесчисленного множества молодых людей из языческих, христианских и иудейских семей. Сохранились изданные им речи и вышедшие из-под его пера письма; число последних достигает 1544¹. В этом городе в течение семи месяцев находилась резиденция императора Юлиана (361-363), написавшего здесь некоторые из своих сочинений². В Антиохии Иоанн Златоуст произнес сотни проповедей, при этом немалая их часть дошла до нас; она дает детальное представление об обитателях этого города и их жизни. Антиохийцем был также и историк Аммиан Марцелин³.

Возвращение мученика

Поздно вечером 27 января 438 года в константинопольскую бухту Золотой Рог с азиатской стороны вошел корабль с драгоценным грузом на борту. Его встречало такое множество освещенных факелами лодок, что можно было подумать, что материк удлинился и вырос в сторону моря. На берегу в окружении свиты стоял император Феодосий II, готовый к встрече мощей Иоанна Златоуста. При свете бесчисленных огней гроб перенесли на сушу. Установилась глубокая тишина. Император опустился перед гробом на колени, прикоснулся к нему лбом и, прочитав молитвы, испросил у святого прощение за то, в чем по неведению оказались перед ним виноваты его родители, Аркадий и Евдоксия. Затем факельное шествие в сопровождении императора и патриарха двинулось через весь город мимо церкви св. Ирины и Святой Софии к церкви Святых Апостолов.

Сто лет тому назад Константин Великий повелел возвести это здание, предназначив себе в нем место последнего упокоения. В увенчанном куполом центральном нефе находился окруженный тринадцатью колоннами алтарь. Двенадцать из них соответствовали кенотафам⁴ двенадцати апостолов, тринадцатая — могиле императора. По словам своего биографа Евсевия Кесарийского, Константин предвидел, что его будут почитать как одного из апостолов. Именно в этом мавзолее, месте, где по традиции погребали императоров и патриархов, и был торжественно похоронен привезенный из далеких Коман гроб с мощами Иоанна Златоустого.

Здесь берет свое начало новая история — история святого Иоанна Златоуста. Каждый год в понедельник на Светлой седмице к его могиле приходили сопровождаемые торжественной процессией византийские императоры. В VI веке к его имени добавляется почетное прозвище Хрисостом — Златоустый. Его творения получают широчайшее распространение и переводятся на латинский, коптский, сирийский, армянский, грузинский, а позднее почти на все современные языки. Никакой другой отец церкви не может даже отдаленно сравниться с ним по необъятности сохранившегося рукописного материала. В своем Духовном Регламенте Петр Первый (1672-1725) предписал каждому русскому священнику обязательное чтение писаний Иоанна Златоуста. Его имя носит одно из важнейших богослужений Православной церкви — божественная литургия святого Иоанна Златоустого. Каждое воскресенье ее служат в тысячах православных церквей, храня живую память о великом святом. Текст службы в своих важнейших частях восходит к самому святителю. Прежде всего это относится к центральной части литургии — анафоре, которая включает в себя благодарственные молитвы, установительные слова, ходатайственную молитву и поминовение имен усопших.

¹ Ливаний. *Речи*, т. 1-Н, Казань, 1914-1916. Полный перевод писем Ливания на русский язык отсутствует.

* Полный перевод писем Юлиана Отступника на русский язык отсутствует.

⁵ Аммиан Марцелин. *История*. Киев, 1906-1908, вып. 1-П.

⁴ Слово «кенотаф» в переводе с греческого дословно означает «пустой гроб». Кенотаф представляет собой надгробный памятник, устанавлива-

Составленная Златоустом служба наложила неповторимый отпечаток на литургическое сознание Православия. Сохранилось предание о том, как незадолго до крещения Руси представители различных религий пытались убедить великого князя Владимира Киевского в превосходстве своей веры. Княжеские послы побывали на богослужениях мусульман, иудеев, христиан-католиков и православных. Их покорила православная литургия в Константинополе. Вот как они рассказывали о ней своему князю: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького»⁵.

Православное богослужение — как, впрочем, и синагогальное — не знает музыкальных инструментов: и сольные и хоровые партии имеют чисто вокальный характер. Это, однако, не помешало целому ряду великих русских композиторов — в первую очередь здесь следует назвать Чайковского и Рахманинова — положить литургию Иоанна Златоуста на музыку. Мы не знаем точно, начиная с какого времени главная литургия византийской церкви стала носить имя святого. Достоверно известно, что служившаяся в константинопольском храме святой Софии литургия связывалась с именем Златоуста уже при императоре Юстиниане (527-565). Память о святом Иоанне живет и благодаря его иконе, которую нередко можно увидеть на ведущей внутрь алтаря двери иконостаса.

⁵ Перевод Д. С. Лихачева по изданию Начало русской литературы. XI- начало XII века. Памятники литературы древней Руси I, М., 1978, 123-125.

ЖИЗНЬ И ТВОРЕНИЯ

В АНТИОХИИ (349-397)

Антиохия, венец Востока

«Среди городов земли нет ни одного, где бы величина столь же счастливо сочеталась с прекрасным местоположением. Пришедший сюда забывает свой город, ушедший отсюда этот город забыть не может». В таких словах хвалил свою родину пользовавшийся в IV веке громкой славой профессор риторики Ливаний в речи, которую он назвал «Антиохиец». Речь была произнесена в связи с олимпийскими играми, проводившимися в 359 году в Дафне, и затем опубликована в несколько расширенном виде. На этих играх, давно превзошедших славой игры греческой Олимпии, сирийская молодежь мерялась силами в беге, борьбе, стрельбе из лука, конских ристалищах. К состязаниям допускались и женщины. Победителей и победительниц манила награда — пожизненное освобождение от налогов. Дафна, по всей видимости, была чарующим местечком. В двух часах ходьбы к югу от Антиохии простирался украшенный парками и виллами богатых антиохийцев ландшафт, где были возведены термы и театр императора Тита, разбиты площадки для состязаний и увеселений самого разного рода. Древесная сень и освежающие воды Дафны привлекали к себе тысячи антиохийцев. Название пригорода напоминало о нимфе Дафне, которая, будучи, по преданию, преследуемой Аполлоном, взмолилась к богам и была ими превращена в лавровое дерево. Лоренцо Бернини запечатлел этот момент в выразительной скульптурной композиции: Аполлон протягивает руки, чтобы схватить Дафну, она же уже охвачена начавшейся метаморфозой: ступни покрывает кора, обращенные вверх руки превращаются в ветви лавра. Во времена св. Иоанна это дерево еще показывали. Праздничное предместье Дафну он будет время от времени упоминать в проповедях, предостерегая своих слушателей от демонстрируемых там разнузданных танцев и рискованных представлений. Однако в 359 году Иоанну было всего десять лет. Вполне можно себе представить, что он присутствовал на олимпийских играх в Дафне и слышал знаменитую речь своего будущего учителя Ливания. В годы учебы, по его собственным словам, Иоанн посещал и театры, и скачки, и цирковые представления. Трудно сказать, могла ли его мать Анфуса отпустить сына в Дафну в одиночку, или же она взяла его с собой. К тому времени она была уже долгие годы вдовой. Ее муж Секунд умер вскоре после рождения сына.

Антиохия была красивейшим городом, чей блеск удостаивался похвалы не только граждан этой метрополии, подобно Ливанию, но и приезжих. Одна из найденных в Дафне мозаик изображает заключенную в медальон Мегалопсихию — «Великодушие». Ее олицетворяет красивая женщина в роскошном наряде. Медальон окружают сцены охоты. По широким краям мозаики изображены здания Дафны и Антиохии и зарисовки из бытовой жизни, приглашающие зрителя на воображаемую прогулку. Прежде всего перед нами оказываются общественные постройки Дафны посреди оживляемого рекой пейзажа; вдоль дороги на Антиохию тянутся роскошные виллы богатых граждан. Мозаичное поле завершается группой деревьев, подразумевающих незаселенные уголья между городом и пригородом. Обрамляющая полоса на ближайшей длинной стороне мозаики вводит нас в город. Мы проходим ремесленной слободой и, миновав украшенную репрезентативными статуями площадь, оказываемся на знаменитой улице с колоннами, пересекающей Антиохию с севера на юг и с востока на запад. Следующая полоса на узкой стороне, к сожалению, не сохранилась. Противоположная сторона начинается сводчатым мостом. По нему мы переходим на омываемый Оронтом остров. Здесь на мозаике изображена большая церковь. Перед ней стоит человек с простертыми к небу руками.

Антиохия раскинулась на территории около 20 км² между склонами Сильпия и рекой Оронт. Городские стены охватывали и незастроенные пространства, так что в Антиохии можно было найти и крутые скалистые склоны, и бурные ручьи, и водопады, и пещеры. Доступ в город охраняли мощные

ворота. Некоторые из них назывались по местоположению, как, например, Дафнские ворота, через которые дорога вела на юг по направлению к блистающему своими виллами предместью. Чуть дальше вглубь города возвышались Херувимские ворота. Их украшали металлические фигуры, о которых в Антиохии говорили, что сюда они попали из разрушенного Титом в 70 году иерусалимского Храма. Город во всю его длину пересекала четырехкилометровая парадная улица. В центральной части она была выложена мраморными плитами и с обеих сторон обрамлена двойными рядами мраморных колонн, между которыми располагались бесчисленные магазинчики и лавки. Посередине, в том месте, где она пересекалась с перпендикулярной улицей, возвышались четверо роскошных ворот, украшенных рельефами, статуями и мозаиками. Этот перекресток и был центром античного города. Уже основатели города Селевкиды в подражание знаменитому дельфийскому омфалу — по верованиям греков, центру земли — повелели установить здесь каменный пьедестал с фигурой отдыхающего Аполлона. Здесь же находился и нимфей — монументальный фонтан с его неиссякающими водными потоками. Антиохия славилась изобилием воды. В каждом доме существовал водопровод. Город украшало несколько больших бассейнов для купания. Селевкиды и Ирод Великий, Тиберий и Валент, один за другим цари и императоры увековечивали свою память в постройках Антиохии.

Город был славен богатыми храмами, библиотекой, носившей название Мусейон и амфитеатром, сидения которого были высечены в скале городской цитадели — акрополя. Невдалеке от царского дворца находился ипподром, где проводились скачки и заезды колесниц. Подобно его знаменитому римскому прообразу Circus Maximus, антиохийский ипподром также называли цирком. Повсюду в городе можно было найти вместительные залы, предназначенные для судопроизводства и отправления общественных дел. Такие залы назывались базиликами. Именно из них развился одноименный тип храмового строения. Известны названия двух антиохийских церквей. Старая церковь была построена еще в доконстантиновские времена. Христиане Антиохии чтили ее как символ эпохи гонений. При императоре Константине на уже упоминавшемся острове реки Оронт в непосредственной близости от императорского дворца и ипподрома была заложена Большая церковь, именовавшаяся также «Золотой дом». Закончить ее удалось только при сыне св. Константина — Констанции II (337-361). Церковь была освящена 6 января 341 года при открытии созданного в Антиохии собора. В горизонтальном разрезе церковь представляла собой правильный восьмиугольник. Внутри, вокруг очень высокого подкупольного пространства, в два этажа располагались галереи, разделяемые колоннами попеременно на прямоугольные и закругленные ниши. Здание покрывал огромный золотой купол. Здесь в этом храме в течение одиннадцати лет проповедовал Иоанн Златоуст. Время от времени он обращал внимание своих слушателей на пышность мраморных инкрустаций, богатство золотых и бронзовых украшений и многочисленные рельефы на стенах. Прилегающую к церкви территорию окружала длинная стена. Здесь была построена странноприимница и четыре трапезные, отвечавшие потребностям обширного социального служения антиохийской церкви. Большой притягательной силой для верующих обладали часовня святого мученика Вавилы в Дафне и переделанная в церковь бывшая синагога квартала Кератейон. И о той и о другой у нас еще пойдет речь. Множество часовен других мучеников окружало город, наподобие защитного вала, как выразился однажды св. Иоанн. За Дафнскими воротами располагалось христианское кладбище. Расточительная пышность монументальных надгробных памятников покоившихся на нем состоятельных антиохийцев резко критиковалась в проповедях Иоанна.

В восточной части города Оронт образовывал остров, на котором помимо Большой церкви и ипподрома находился императорский дворец, построенный по приказу Диоклетиана (284-305). Мы можем составить себе представление о великолепии этого сооружения по тому, что сохранилось до наших дней от возведенного при том же императоре дворца в Сплите (Далмация). Остров соединяли с материком пять мостов. Через один из них проходила улица, ведущая к Большой церкви от

расположенного на перекрестке главной улицы Нимфея. Через другой мост шла еще одна важная улица, также отходившая от главной городской оси по направлению к Тетрапилу — обрамленной четырьмя воротами площади в центре острова. На расстоянии примерно двадцати километров к западу было море и антиохийский порт Селевкия Приэрия. В древности по Оронту могли ходить небольшие суда, поднимавшиеся со своими грузами до самой Антиохии. Старейшая торговая площадь города — Агора — раскинулась на берегу реки. Здесь неподалеку корабли разгружались, груз переносился на склады или непосредственно к торговым рядам.

Ныне бывшая Антиохия — это небольшой городок Антакья, который находится на принадлежащей с 1939 года Турции территории, узкой полосой вклинивающейся в сирийскую границу в южном направлении. Однако в эпоху поздней античности Антиохия была метрополией Сирии, значительным центром торговли на Великом Шелковом пути, местом оживленного культурного обмена между Востоком и Западом, а также важнейшим военным форпостом Римской Империи. Император Юлиан, знавший город по собственным впечатлениям, называл Антиохию благосостоятельной, счастливой и многолюдной. В то же время, самих антиохийцев, которые не упустили случая позубоскалить в адрес аскетичного правителя и посмеяться над его философской бородкой, Юлиан порицал, считая их поверхностными и падкими на развлечения. «Праздников у них, как деревьев», — говорил император, утверждая, что в Антиохии больше плясунов, флейтистов и актеров, чем граждан.

Пестрое оживленное движение не прекращалось ни днем, ни ночью. Наиболее важные площади и улицы имели ночное освещение. Господа появлялись окруженные рабами, облеченными в одежды с золотым шитьем. Знатные дамы передвигались по городу в паланкинах. Состоятельные люди одевались в шелка и тонкопрядные ткани с золотой нитью. Богатые женщины блистали драгоценностями. Св. Иоанн восклицает в одной из проповедей: «Чтобы тебе украсить себя одной единственной жемчужиной, голодает тысяча нищих!» В роскошных лавках продавались духи, персидские, арабские и эфиопские благовония, а также местная розовая вода, которой славилась Антиохия.

Модную обувь носили не только женщины, но и мужчины; для малорослых имелись специальные фасоны. Рано по утру на рынок приходили закупщики из знатных домов, чтобы запастись лучшими продуктами для обильных трапез. Сюда же, на рынок в поисках поденной работы спешили и бедняки. Не было недостатка и в нищих. Для того, чтобы привлечь к себе внимание прохожих, одни паясничали или показывали трюки, другие старались разжалобить публику, выставляя напоказ своих больных детей. Рынок был также местом работы врачей, которые делали операции прямо на глазах у толпы. Нищие любили собираться возле церкви. Возвращающимся домой после службы часто приходилось идти коридором из выстроившихся шпалерами нищих. По ночам бездомные собирались во дворах перед банями и спали в еще неостывшей золе из печей.

Антиохия была многонациональным городом. Основным разговорным языком был греческий, но уже в разбросанных в округе деревнях говорили, главным образом, на сирийском, которым св. Иоанн не владел. Императорские чиновники и военные в деловой сфере пользовались, как правило, латынью. Кроме того, в город непрерывно прибывали все новые иноземцы из разных стран. Ливаний был поэтому прав, утверждая, что в Антиохии каждый может найти земляка. Неоднородным был и религиозный состав населения. Язычники, нудей и христиане жили по соседству друг с другом, обменивались приветствиями и новостями. На ипподроме, вмещавшем восемьдесят тысяч зрителей, многие из них имели постоянные места, с которых из общей толпы следили за бегом коней. Между религиозными группами могли возникать споры, которые подчас проходили с пылом, настораживавшим их лидеров, подобных св. Иоанну. Во второй половине четвертого века в метрополии насчитывалось порядка четырехсот, возможно, до пятисот тысяч жителей. Во время опустошительного землетрясения 551 года, по свидетельству древних историков, в течение одного дня погибло двести пятьдесят тысяч человек.

Юность. Школа. Образование.

О детстве Иоанна известно немного. Он рос вместе со старшей сестрой под опекой матери. Имя сестры до нас не дошло. Безвестность объединяет ее со многими другими женщинами древности, чьи братья достигли знаменитости. Дети жили в достатке. Их отец, Секунд, был чиновником высокого ранга при верховном главнокомандовании римской армии на Востоке. Латинское имя необязательно должно указывать на его западное происхождение, хотя имя его сестры Сабинианы, с которой нам еще предстоит встретиться ближе к концу этой книги, скорее, поддерживает подобное предположение. Мать святого, Анфуса, выходя замуж, получила большое приданое. На эти средства она смогла дать сыну — дочь, как кажется, умерла довольно рано — образование, сохранив в неприкосновенности отцовское наследство, что составляло предмет ее особой гордости. Отношения между Иоанном и матерью были близкими. Она любила повторять ему, что он — живой портрет отца. После ее смерти Иоанн напишет, что никогда даже тень раздражения не омрачала их взаимную любовь. Памятником матери стал, возможно, наиболее читаемый трактат св. Иоанна «О священстве», из которого мы узнаем некоторые подробности о жизни Анфусы и о ее отношениях с сыном — кстати, гораздо меньше, чем сообщает о своей матери Монике блаженный Августин в написанной всего несколькими годами позже «Исповеди».

Следует полагать, что в возрасте пяти или, возможно, шести лет Иоанн стал ходить в начальную школу, где учитель грамматики давал уроки чтения, письма и основ арифметики. Класс помещался в своего рода лавке на агоре. Занятия проходили почти на открытом воздухе: от уличной толчеи учеников отделяла лишь занавеска. Дети сидели на деревянных табуретках; столов не было — писали на коленях. В центре, на специальном сидении (кафедре), возвышаясь на одну ступеньку над окружавшими его учениками, размещался учитель. Школьные впечатления Иоанна мало чем отличаются от впечатлений маленького Августина, который вспоминает в «Исповеди», что самой первой его молитвой была молитва об избавлении от порки в школе. Возвращаясь к школьным годам, Иоанн говорит о жаре и жажде, плетке и розгах, о залитых слезами лицах.

Через три года следовал переход на более высокую ступень. Класс все по-прежнему был одной стороной открыт на агору, но на стенах теперь красовались бюсты знаменитых поэтов, а учитель носил плащ философа. Грамматик — так назывался учитель этой ступени — брал с учащихся примерно в четыре раза больше, чем учитель младшей школы, хотя и эта сумма оставалась достаточно скромной. На шкале общественного признания учителю отводилось место в самом низу. Грамматик преподавал греческую литературу, историю, метрику, поэтику, геометрию и географию. К четырнадцати или пятнадцати годам школьное обучение заканчивалось. Кто хотел и мог себе позволить получать дальнейшее образование (учеба стоила немалых денег), переходил в риторскую школу.

Иоанн, как и приличествовало молодому человеку из состоятельной семьи, решил продолжать учение. С 363 года он начал посещать занятия Ливания, хорошо известного на Востоке Римской Империи профессора риторики. Среди антиохийских ораторов Ливаний почитался звездой. В своем родном городе Антиохии он появился после многолетней отлучки в 354 году. Антиохийцы приняли его тепло. Во время его первой публичной речи слушатели от восторга неоднократно вскакивали с мест. Позднее Ливанию было суждено познакомиться и с тягостными сторонами учительской профессии. В одной из обращенных к молодежи речей он с горечью сетует на отсутствие у его студентов интереса к учебе: «Одни стоят, скрестив ноги, в позе статуи; другие ковыряются в носу; третьи, оставаясь безучастными к самым красивым местам, продолжают сидеть или же понуждают сесть тех, кто вскакивает. Четвертые болтают и подсчитывают количество пришедших. Некоторые просто хулиганят, хлопая там, где не нужно, или заглушая заслуженные аплодисменты. Другие бродят по залу, разговаривают, приглашают друг друга в баню». Как правило, тщеславие побуждало Ливания смотреть на подобные помехи сквозь пальцы. Между тем, в Антиохии посмеивались над шуткой, которую позволил себе в отношении Ливания старый генерал и консул Рихомер. Возвратясь домой из

Константинополя, он рассказал ритору о том, что император спросил его, что же ему нравится в Антиохии больше всего. Рихомер ответил: «Ливаний». На это император сказал, что как-нибудь приедет в Антиохию посмотреть на Ливания. Ливаний не почувствовал иронию и аккуратно увековечил словцо императора в своей автобиографии.

Аудитория, где читал Ливаний, находилась в здании городской магистратуры. Четыре ассистента, получавшие, также как и он сам, государственное жалование, помогали ему в преподавании риторики — предмета, открывавшего в античности путь к карьере. Тот, кто хотел чего-нибудь добиться будь то на государственной службе или в городском самоуправлении, в качестве судьи или адвоката, первым делом отправлялся изучать риторское искусство. В программу входили, как зафиксировал в одном из писем Ливаний, «Гомер, Гесиод и другие поэты; Демосфен, Лисий и другие риторы; Геродот, Фукидид и другие историки». Лекции профессора дополнялись практическими занятиями: студенты с напряженным вниманием следили за ходом общедоступных судебных процессов. Речь оратора была в те времена своего рода «перформансом». Ритор прилагал все усилия к тому, чтобы изложить дело в как можно более привлекательной словесной форме. Слушатели же, ловя и взвешивая каждое слово, не скрывали ни своего восторга, ни своих эстетических разочарований.

Почти сорок лет Ливаний обучал отпрысков зажиточных семей Антиохии и ее окрестностей. К нему ходили и язычники, и христиане, и иудеи. Всех их объединяли греческие классики. Это хорошо видно по письму Ливания иудейскому патриарху Гамалиилу V. У Ливания учился сын патриарха, который, однако, отдавался риторическим штудиям без ожидаемого отцом усердия. Этого последнего Ливаний утешает, говоря, что в подобном поведении молодого человека нет ничего противоестественного: в этом возрасте все стремятся путешествовать. Он указывает патриарху на пример Одиссея, которого также влекли странствия, после которых, однако, он, помня о долге, все же вернулся домой.

Таким образом, общий культурный фон школы Ливания нес на себе ярко выраженный языческий отпечаток. Но мало этого, дух язычества носился, казалось, даже в самом антиохийском воздухе. Ливаний мог еще говорить о родном городе как об обители богов. Языческий характер имели главные праздники. То же самое еще долгие годы относилось к обрядам, связанным с рождением, браком и смертью. Древние храмы стояли, как и прежде, и богиня города Тюхе продолжала оставаться покровительницей Антиохии. Мастерски выполненная скульптура Евтихида, относящаяся к эпохе основания города (300 года до РХ), показывает нам ее в виде сидящей женщины в короне из зубцов крепостной стены; в правой руке она держит пучок колосьев. Тюхе сидит на скале, изображающей близлежащую гору Сильпий. Ее нога покоится на плече изображенного по пояс мужчины с длинными волосами. Отведя голову в сторону, он делает руками энергичные движения пловца. Это символическая фигура реки Оронт. Статуя Тюхе находилась в нише обращенной к зрителям стены театра, перед которой располагалась сцена. В городе ее уменьшенные копии продавались в качестве сувениров. Оригинал статуи утрачен, однако сохранилось немало копий. Одну из них можно увидеть в галерее Канделябри Ватиканского музея.

В творениях св. Иоанна имя Ливания нигде не называется прямо. Однако, без сомнения, именно на него указывают следующие строки: «Когда я был еще молод, помню, как учитель мой (а он был одним из самых богобоязненных из всех язычников) в присутствии многих удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновению, от окружающих его, кто я таков, и услышав от кого-то, что я сын вдовы, он спросил меня о возрасте моей матери и о времени ее вдовства. Когда я сказал, что ей сорок лет от роду, и что двадцать лет уже прошло, как она лишилась моего отца, он изумился, громко воскликнул и, обратившись к присутствовавшим сказал: “Ах! Какие у христиан есть женщины!” Напротив, следующие приписываемые Ливанию Созоменом слова носят несомненно легендарный характер: «Друзья спросили у умирающего Ливания, кого бы он хотел видеть своим преемником. Он ответил: “Иоанна, если бы его не похитили христиане”.

Мы не знаем, какие цели ставил перед собой Иоанн, проходя свое обучение. Не исключено, что, по примеру отца, он стремился получить должность в императорской администрации. Между тем, известно, что вместе со своим другом Василием он, в конце концов, пришел к убеждению, что им необходимо стремиться к «счастливой жизни единственно живущих, к стяжанию истинного любомудрия». Поясним, что христиане любили противопоставлять хорошо им знакомой греческой философии истинное любомудрие, т. е. любомудрие христианской веры. О личности друга св. Иоанна было высказано немало догадок; скорее всего, речь идет о будущем епископе гарнизонного города Рафаней между Антиохией и Эмессой.

Иоанн воспитывался по-христиански, однако, как нередко случалось в те времена, не был крещен. Обучение у Ливания подошло к концу, скорее всего, летом 367 года. Весьма вероятно, что Великим постом 368 года. Иоанн проходил подготовляющую к крещению катехизацию. В день Христова Воскресения он был крещен епископом Мелетием, который оставил многообещающего молодого человека при себе и рукоположил его в 371 году в чтецы.

С 367 по 372 год Иоанн учился у Диодора, ставшего впоследствии епископом города Тарса. Диодор вел аскетерий. Этим словом обозначался не монастырь и вообще не место жительства, а своего рода учебная программа для узко ограниченной группы молодых антиохийцев, стремившихся к аскетическому образу жизни. Диодор был увлекательным и разносторонним учителем, которого занимали, между прочим, и естественнонаучные вопросы: известно его исследование о том, насколько горячим может быть солнце. Однако его истинным призванием было истолкование Библии, экзегеза. Диодор — первый представитель так называемой антиохийской экзегетической школы, о жизни и трудах которого мы имеем достаточно ясное представление. Одному из соучеников Иоанна, Феодору, позднее епископу г. Мопсуэстии, было суждено стать наиболее значительным экзегетом этого направления. Его представители в первую очередь концентрировали свое внимание на конкретно историческом смысле того или иного библейского места. Наличие наряду с ним типологического значения признавалось ими лишь в виде исключения, как, к примеру, в рассказе о жертвоприношении Исаака, которое понималось и как событие в ходе истории, и как прообраз распятия Иисуса Христа. В отличие от этого, экзегетическая школа Александрии была прежде всего обращена к аллегорическому, таинственному смыслу Писания, усматриваемому между, по ту сторону слов. Ориентацию антиохийских экзегетов на исторический, буквальный смысл того или иного места Библии можно рассматривать как реакцию на бытовавший в кругу императора Юлиана стиль понимания языческих мифов. Друг и соратник Юлиана Саллюстий Серен компактно и выразительно сформулировал его суть в следующих словах: миф — это то, что всегда есть и никогда не происходило.

Годы учения у Диодора не были наполнены одними лишь занятиями, их живым нервом сделался тот новый образ жизни, который соответствовал сформировавшимся христианским убеждениям Иоанна. В эти годы возникают и его первые богословские труды. Трактат «Сравнение царя и монаха» написан как рассуждение на популярную философскую тему, отголоски которой обнаруживаются уже у Платона. Возможно, подобные сочинения задавал своим ученикам Диодор. Как похвала монашеству написана и небольшая книга «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни». Повод для ее создания подали враждебные выпады, жертвами которых стали жившие в окрестностях Антиохии отшельники, принявшие на себя заботу по обучению и воспитанию городской молодежи. Насколько мы можем судить, часть этих молодых людей приняла решение остаться вместе с аскетами. Возмущение родственников обратилось на монахов. Дело дошло даже до потасовок. Злорадствующие победители оживленно обсуждали на рынке подробности побоища отшельников. В своей книге Иоанн обращается к двум вымышленным персонажам — отцу-язычнику и отцу-христианину. И тому и другому он стремится доказать, что среди монахов их сыновья будут счастливы, ведь уже древние знали, что поистине счастливым может быть только поистине хороший человек. Третье произведение этого периода обращено к некоему Феодору — молодому человеку

высокого рода, который, встав на путь воздержанной жизни в сообществе аскетов, в один прекрасный день погрузился в воспоминания о прелестной Гермione и, в конце концов, вернулся в ее объятия. Иоанн, укоряя, призывает его, несмотря ни на что последовать своему первоначальному устремлению: «Ты изгладил себя из списка братии, поправ завет с Христом. Оставившим строй угрожает тяжкое наказание, если они, предавшись отчаянью, не поспешат вернуться туда, откуда отошли». В письме, тематически примыкающем к увещанию Феодора, эта мысль получает развитие: купец может стать жертвой кораблекрушения, атлет — потерпеть поражение, воин — обратиться в бегство. Но ни один из них не сдаётся. Падал и царь Давид; падал — и вновь поднимался. Обращаясь к Феодору, св. Иоанн упоминает о его друзьях Валерии, Флорентин и Порфирии, погруженных в скорбь, вызванную уходом Феодора в мир. В конце письма св. Иоанн говорит о том, что не теряет надежды увидеть Феодора среди подвижников Христа. «Если ты сохранил хоть какое-то внимание ко мне, — пишет он, — и не до конца изгнал меня из своей памяти, напиши мне. Этим ты меня очень обрадуешь». Мы не знаем, ответил ли Феодор на это письмо. Весьма вероятно, что он остался в городе, предпочтя монашеству жизнь в миру.

Зима 371/372 годов запечатлелась в памяти Иоанна с особой отчетливостью. Как раз в это время был раскрыт заговор, якобы составленный против императора Валента в придворных кругах. Следствие по этому делу повлекло за собой длинную череду смертных казней. На форуме любой желающий мог стать свидетелем повергавших зрителей в ужас сцен. Осужденных душили, обезглавливали или даже, как в случае с философом Симонидом, подвергали сожжению. Строгому преследованию по закону подлежали все виды магической практики; под страхом смертной казни запрещалось хранение соответствующих книг. В более поздние годы Иоанн вспоминал об одном эпизоде тех лет. Вместе с одним из своих друзей он шел вдоль Оронта. Неожиданно они заметили на воде белый сверток и вытащили его на берег. Развернув его, они обнаружили внутри одну из запрещенных книг. В ту же секунду мимо них прошел солдат. Каким-то чудом спутнику Иоанна удалось скрыть книгу под одеждой и затем незаметно бросить ее обратно в реку.

Император Юлиан (361-363)

За десять лет до этих событий, в августе 362 года император Юлиан вместе со своим двором остановился в Антиохии. Иоанну было тогда тринадцать лет. Краткое правление Юлиана и связанные с ним антицерковные мероприятия должны были глубоко запечатлеться в его памяти.

Племянник Константина Великого Флавий Клавдий Юлиан получил христианское воспитание, однако уже с юных лет начал проявлять интерес к греческой философии и религии. В 355 году его двоюродный брат Констанций II назначил его кесарем с военными полномочиями в Галлии. Чередой блистательно проведенных битв, важнейшая из которых произошла близ Страсбурга, Юлиан существенно укрепил положение римлян в этой провинции⁶. Когда войска провозгласили его императором, он принял решение двинуть свою армию из Парижа, где это произошло, навстречу Констанцию II. Неожиданная смерть Констанция (3 ноября 361 года в Киликии, на юго-востоке современной Турции) сделала Юлиана единоличным правителем империи.

Придя к власти, Юлиан незамедлительно стал благоприятствовать древним культам. О его личных истовых жертвоприношениях различным богам ходила шутка: если бы Юлиан правил дольше, быки бы вымерли. Однако подобное рвение — и не в последнюю очередь, в Антиохии — било мимо цели: большинство языческих храмов давно пустовало, некоторые стояли в руинах. Юлиан повелел обновить храм Аполлона в Дафне. Однако именно здесь его ждало глубокое разочарование. В день храмового праздника Юлиан, как и подобает набожному паломнику, отправился пешком в Дафну. По дороге он думал о том, какая его ожидает встреча; ему рисовались празднично одетые толпы народа,

⁹ Одним из его опорных пунктов была Августа Рустика недалеко от Базеля. Вопреки высказывавшимся ранее предположениям, найденный там в 1961 г. серебряный клад Юлиану не принадлежал.

хоры самозабвенно поющих юношей и молодых женщин. Придя на место, он застал, однако, одного лишь старого жреца, который в качестве жертвы принес из дома своего единственного гуся.

Спустя немного времени, Юлиан позаботился о достойном бога жертвоприношении: по его приказу была заколота тысяча белоснежных птиц. Вслед за тем он хотел получить оракул, но ответа на его вопрос не последовало. Жрецы объяснили императору, что оракул умолк с тех пор, как у стен храма Аполлона был погребен христианский мученик Вавила. Приказ о перезахоронении мощей мученика, которые до того покоились на городском кладбище, отдал более старший по возрасту сводный брат Юлиана Галл. Юлиан распорядился вернуть останки на их прежнее место. Саркофаг был извлечен из могилы и передан христианам. Огромные толпы народа вышли в ночь на 24 октября 362 года для того, чтобы при свете факелов сопровождать мученика на его пути в город. Слышалось пение гимнов, нараспев повторялись слова 96 псалма: «Да постыдятся все, служащие истуканам, хвляющиеся идолами». Этой же ночью загорелся храм Аполлона. Пламя уничтожило изобильно украшенную золотом и слоновой костью, уходившую под самый потолок статую бога, работу афинского мастера Бриаксиса. Причина пожара осталась невыясненной. Может, кто-нибудь из усердных богомольцев оставил горящую свечу? Христиане утверждали, что храм загорелся от молнии. Юлиан обвинил самих христиан. В качестве ответной меры он повелел закрыть Большую церковь и наложить арест на священные сосуды из ее сокровищницы. Ливаний написал траурную монодию на разрушение храма. Чуть позже св. Иоанн посвятит событиям октября 362 года особый трактат «О св. Вавиле против Юлиана и язычников».

Таким образом, борьба императора против ненавистных ему христиан вступила в новую фазу. Одним из первых решительных шагов был изданный 17 июня 362 года закон о школах, разрешавший преподавание только морально состоятельным учителям. В сопроводительных разъяснениях уточнялось, какой смысл Юлиан вкладывал в эту формулировку. Истолкование мифов Гомера и Гесиода разрешалось лишь тем, кто в них верил. Сам самодержец подверг христианство резкой критике в написанном им в Антиохии трактате «Против галилеян». Уничжительное наименование «галилеяне» было избрано для того, чтобы показать, что, с точки зрения императора, христиане были необразованными и некультурными людьми, подобно галилейским рыбакам. В ответ на непочтительные колкости антиохийцев, не желавших отдавать должное его аскетическо-философскому образу жизни, Юлиан создал сатиру «Ненавистник бороды» («Мисопогон»), в которой не поскупился на едкие слова в их адрес.

В Антиохию Юлиан стянул большие военные силы. 5 марта 363 году они в маршевом порядке были брошены на Восток для нанесения удара по Месопотамии. Прежде чем покинуть город, император заявил, что возвращаться сюда он не намерен, а после победы над персами остановится в Тарсе. Этому обещанию было суждено скорое исполнение. 26 июня 363 года Юлиан был убит при невыясненных обстоятельствах в битве с войсками шаха Шапура II. Сообщается, что его последними словами были: «Ты победил, Галилеянин!» Вскоре разнесся слух, что императора убил свой же солдат-христианин. Мертвое тело Юлиана было перенесено в Таре и предано там погребению.

Краткие полтора года, в течение которых Юлиан находился у власти, глубоко врезались в память современников. Некоторые надеялись на то, что он возобновит древние культы и потеснит христиан. Сами христиане видели в нем ожесточенного противника их веры, что выразилось в возникшем через некоторое время прозвище Апостат, т. е. Отступник. Целый ряд христианских писателей выступили с направленными против Юлиана произведениями. Первым из них был св. Григорий Богослов, написавший против Юлиана две остро полемические речи. Против Юлиана была обращена и уже называвшаяся речь Иоанна Златоуста о мученике Вавиле. Заглавие «Против Юлиана» несло также обширное творение св. Кирилла Александрийского (| 444), в котором книга Юлиана «Против галилеян» в целях аргументированного опровержения цитируется столь подробно, что ход ее рассуждений вполне может быть восстановлен.

Аскет и отшельник

Как мы помним, после школы Ливания Иоанн становится учеником знаменитого экзегета Диодора, а в 371 году начинает свое церковное служение в качестве чтеца. Приблизительно в этот период (точная дата неизвестна) умирает мать Иоанна. Вскоре после ее смерти он, следуя своему давнишнему намерению, уходит из города на гору Сильпий, отроги которой тянулись до самой Антиохии. При жизни матери он однажды попытался уйти туда, но, как он сам пишет в трактате «О священстве», остался, тронутый ее словами: «Не делай меня вдовой еще раз. Пока я не умру, побудь со мной».

То, что этот шаг был предпринят именно в 371 году, связано с различными внешними обстоятельствами. За год до того, в 371 году, император Валент, следуя проводимой им церковной политике, отправил в очередную ссылку епископа Мелетия. Церковные дела находились в расстройстве. Хотя немногим более половины жителей и составляли христиане, они принадлежали нескольким не признававшим друг друга группировкам. Временами в городе было до трех различных епископов. Наиболее значительная группа концентрировалась вокруг епископа Мелетия. Однако и Александрия и Рим поддерживали епископа Павлина с его крошечной общиной. Несколько лет в городе существовала также и арианская община со своим собственным епископом. Ариане получили свое название по имени александрийского пресвитера Ария, учившего, что Христос, будучи хотя и первым, но все же одним из творений Бога, не может быть равен Ему — Единому, Безначальному и Неизменному. Сын, согласно Арию, был до создания времени сотворен Отцом, и при том не из Божественной сущности, а из ничто. Потому, учил Арий, Сын не разделяет с Богом Отцом единую Божественную природу и, следовательно, не равен Отцу, будучи подверженным изменению. Это лжеучение было торжественно предано осуждению на соборе, который созвал в 325 году в г. Никея (ныне г. Изник в Турции) император Константин. Несмотря на это, подобный взгляд на отношения между Богом Отцом и Богом Сыном не был искоренен и даже стал определяющим церковную политику ко времени правления сыновей Константина.

В этой непростой ситуации партия епископа Мелетия приняла решение укрепить свои позиции. Для этого следовало рукоположить в пресвитеры несколько способных молодых людей. Именно от этой акции и хотел уклониться Иоанн, уходя на склоны Сильпия. Он не чувствовал в себе достаточно сил для священнического служения. Его влекли кельи святых ангелов в человеческом облике, жизнь которых должна была стать на ближайшие годы его жизнью. Пройдет около двадцати лет, и в одной из своих последних антиохийских проповедей он будет, не жалея высоких слов, превозносить эту равноангельскую жизнь и посылать своих слушателей отправится в далекий путь, чтобы увидеть этих людей своими глазами. Дорога до их жилищ совсем коротка, но долог внутренний путь, как бывает долог путь от земли до неба. Город заполнен суетой, здесь нет меры в пище и питье, голова тяжела и сон приносит кошмары. В горах же святые, не раздеваясь, забываются легким без сновидений сном. С первым криком петуха появляется старший. Легким толчком он будит одного из спящих. И вот уже вся братия поет псалмы. Вместе с ними поют ангелы, — мысль важнейшая и для нашего сегодняшнего понимания православной литургии. После утренних молитв и трапезы следует чтение Священного Писания. Затем работа: возделывание огорода, плетение корзин, переписывание книг, ткачество. Скромный ужин: хлеб, вода, соль. Некоторые добавляют оливковое масло. Немощные едят и овощи. По окончании все воспевают благодарственные молитвы и уходят на покой. В другой проповеди Иоанн, рассказав о жизни монахов, замечает, что он не имел в виду принизить этим рассказом городскую жизнь своих прихожан. Живущий в городе по заповедям в духе служения ближнему несомненно творит волю Божию. Встречается у Иоанна и мысль о том, что человек в миру, если он заботится о своих ближних и помогает неимущим, будет перед Богом выше отшельника, озабоченного только своим собственным спасением. Строго аскетический образ жизни останется для св. Иоанна тем идеалом, которому он будет по мере сил следовать и на первосвятительском месте столичного града.

Но при этом мало по малу у него будет складываться взгляд, согласно которому «келий святых» должен стать каждый дом, каждая семья, а весь город — своего рода монастырем.

Вернемся, однако, в семидесятые годы. Через четыре года Иоанн совершает следующий шаг. Епископ города Еленополя Палладий в своем житии св. Иоанна сообщает, что, победив чувственные страсти, он на два года удалился в пещеру, где жил по невероятно тяжелому правилу. Спать он себе позволял только сидя, да и то урывками. До крайности был доведен и пост. Чтобы дать пищу духу, он учил наизусть «заветы Христа»; скорее всего, имеются ввиду Евангелия. Однако через два года Иоанн вынужден был прервать процесс умерщвления плоти из-за тяжелой болезни. На всю оставшуюся жизнь его здоровье осталось подорванным и хрупким. Он мог принимать лишь легкую пищу в небольших количествах, страдал бессонницей и приступами озноба.

Подобный аскетический стиль жизни, который на сегодняшний взгляд может показаться излишне суровым, был весьма распространен в те времена, а у молодых людей, можно сказать, даже вошел в моду. При этом, аскеза привлекала не одних христиан, но и приверженных древним культам философов. Их ориентиром в этом смысле был живший в III в. неоплатоник Плотин, который сказал, что он стыдится того, что находится в своем теле, и потому стремился, насколько это было возможным, урезать его потребности. Идеалами воздержания руководствовался и такой человек, как император Юлиан, который не прикасался к женщинам и последовательно ограничивал себя в пище. В последующие десятилетия появились подвижники, жившие еще строже, чем Иоанн во время своего двухлетнего пребывания в пещере. В пятом веке неподалеку от Антиохии на каменную колонну (столп) взойдет св. Симеон (390-459). Столп, к которому он был прикован цепями, постепенно наращивали, пока он не достиг двадцати метров в высоту. После смерти святого место его подвига сделалось центром монастырского комплекса Калат Семан, о былом величии которого и по сей день свидетельствуют его руины.

Зимой 378/379 годов Иоанн вернулся в город и, тем самым, в мир. Предполагается, что к этому его побудил епископ Мелетий. Так это или нет, но последующие два года Иоанн прослужил чтецом при епископе. Еще во время его пребывания в пещере восточную часть империи постигла катастрофа. Вот как пишет об этом сам Иоанн в утешительном послании к молодой вдове: «Варвары, оставив свои земли, глубоко вторглись в наши пределы, выжгли их огнем, захватили города и не повернули вспять, а как будто танцую, а не воюя, насмеваются над нашими войсками». Счастлив тот, кто не погиб в ⁷ битве или не томится в плену! Получательница его послания должна черпать утешение в мысли о том, что ее мужу было суждено умереть своей смертью. Его тело было с честью погребено и не осталось брошенным в неведомом поле. 9 августа 378 года при Адрианополе (ныне Эдирне в европейской части Турции) катастрофа достигла своего апогея: войска императора Валента были разбиты готами, сам он пал на поле битвы. В этой тяжелой ситуации император Грациан (367-383) назначил осенью 378 года испанского генерала Феодосия главнокомандующим на Востоке, а 19 января 379 года своим соправителем. Феодосий сумел проявить как свои военные, так и политические таланты. Он разбил готов и поселил их в качестве союзников в одном из приграничных регионов. Новый император был убежден в том, что критическое положение государства диктует необходимость его внутреннего религиозного единства. Исходя из этого, 28 февраля 380 года он издал в Фессалониках эдикт, в котором провозгласил христианство государственной религией.

В январе 381 года епископ Мелетий рукоположил Иоанна в диаконы. В конце месяца он отбыл в столицу с тем, чтобы председательствовать на соборе, который император был намерен созвать весной. Отцы собора приняли Символ веры, который позднее стал известен под названием никео-цареградского и до сего дня продолжает играть большую роль в христианских церквях. Именно он исполняется в качестве Credo в мессах Бетховена и Баха. Церковь — по крайней мере, на Востоке —

⁷ К молодой вдове, 4.

пришла, тем самым, к столь желанному для императора единству. Еще до окончания совещаний умер Мелетий. На антиохийскую кафедру вместо него был назначен Флавиан — наиболее выдающийся в то время пресвитер Антиохии.

В последующие годы Феодосий издал ряд законов против еретиков. По отношению к язычникам он начал с политики религиозной терпимости. Язычники могли как и прежде занимать самые высокие государственные должности. Посещение храмов и принесение жертв оставалось пока незапрещенным. В то же время, не редко случалось так, что пустующие языческие храмы сносились благодаря рвению чиновников. В 384 году Ливаний составил обращенную к императору Феодосию речь, в которой просил его взять под свою защиту находившиеся под угрозой храмы. В 386 году Феодосий приказал способствовать занятию язычниками в Египте постов, связанных с попечением о древних храмах, на том основании, что только они были в состоянии по-настоящему заботиться как о самих зданиях, так и об отправляемых в них священнодействиях. На фризе храма Адриана в Эфесе Феодосий и его семья изображены между Афиной и Артемидой. Совсем другой образ императора возникает перед нами на так называемой миссории Феодосия, массивной круглой серебряной пластине, которые императоры позднеантичной эпохи в особых случаях дарили высоким сановникам. Феодосий возвышается на троне между своими сыновьями Аркадием и Гонорием. Он принимает положение, усвоенное в последствии изображениям византийских императоров и характерное также для образа восседающего на троне Христа. Феодосий облечен в императорский пурпур и увенчан диадемой из слоновой кости. От его головы исходит сияние. Как можно убедиться, средневековые изображения нимбов святых берут свое начало в образном языке придворного искусства.

Диакон

Предполагается, что в Антиохии, подобно тому, как это было в Риме, на службе церкви находилось семь диаконов. Они имели литургические, административные и душепопечительские обязанности. Именно диаконы подготавливали евхаристическое богослужение⁸: следили за опрятностью священных одежд и чистотой в алтаре, готовили хлеб и вино. Они должны были принимать добровольные приношения верующих и раздавать по окончании богослужения нищим то, что не было использовано за литургией. Перед чтением Священного Писания диакон призывал присутствующих ко вниманию. Диакон же читал и великую ектению — предстательственную молитву за епископа, живых и усопших членов церкви, а также за оглашенных⁹. Затем диакон побуждал оглашенных и кающихся покинуть церковь. После евхаристии диакон произносил молитву о мире и отпуст, который означал конец богослужения.

Важной функцией диаконов было управление церковным имуществом. Благодаря дарам и пожертвованиям церковь обладала земельными угодьями, строениями и славаемыми внаем квартирами. Большая церковь в Антиохии была обнесена длинной стеной. За ней стоял ночлежный дом и четыре трапезные. За пределами обнесенного стеной участка находился приют для неизлечимых больных. Церковь несла заботу о чужестранцах и вдовах, об инвалидах и узниках. Это служение было так неподдельно, что с уважением к нему отнесся даже сам император Юлиан, который лично дал указание жрецам языческих культов впредь не пренебрегать социальным попечением. В письме Арсакию, назначенному Юлианом на должность верховного жреца Галатии, император пишет:

⁸ Евхаристией с конца I века называли последнюю трапезу Иисуса Христа с учениками, в воспоминание которой совершалось соответствующее церковное богослужение с тем же названием. Во времена Иоанна Златоуста евхаристия совершалась три-четыре раза в неделю. Участвовать в ней могли лишь крещенные христиане, оглашенные покидали храм по возгласу диакона после чтения Священного Писания. Об оглашенных см. следующую сноску.

⁹ Оглашенными (греческий термин: κατεσβιτεσ) назывались готовившиеся к принятию крещения. Наиболее существенной частью подготовки были огласительные беседы, проходившие во время Великого поста. Сохранились тексты подобных бесед, составленных Иоанном Златоустом.

«Безбожные галилеяне помимо своих собственных питают еще и наших нищих, наши же испытывают недостаток в нашей заботе».

Разрыв между бедными и богатыми в Антиохии был столь же чудовищным, как и везде. Дома состоятельных граждан строились в местах с наилучшим климатом, как правило, они имели три-четыре этажа. Внизу помещались мулы и рабы. К дому примыкали сады и бани, нередко также галереи и портики; внутри украшением служили мраморные колонны, статуи, фрески. Случалось, что стены и потолок, а иногда даже крыша покрывались позолотой. «Крыши сияют, как звезды на небе», — свидетельствует об этом Ливаний. До наших дней дошли осколки этой роскоши: примером может послужить мозаика одного из антиохийских дворцов, изображающая состязание в винопитии между Дионисом и Гераклом. Размаху построек соответствовало великолепие обстановки. Стены гостиных и спален увешивались дорогими коврами, кушетки изготавливались из слоновой кости, кровати, стулья и кресла — из черного дерева с золотыми и серебряными накладками, даже скамеечки для ног могли быть из благородных металлов. Экипажи отделялись серебром, лошадиная сбруя могла равняться целому состоянию. К услугам знати в каждом доме находились целые отряды рабов, для увеселений наготове были карлики, клоуны, дрессированные медведи и дикие животные. А у бедных не хватало самого необходимого. Летом их жизнь была еще более или менее сносной: нужды в одежде и особенно в обуви они практически не испытывали, пропитание находилось сравнительно легко. Время от времени какой-либо строительный подрядчик или судовладелец мог предложить им подработать. Зимой голод и холод брали свое. Св. Иоанн предстал перед своей общиной как уполномоченный посол этих людей, нуждающихся в помощи ближних.

За пять лет своего диаконского служения Иоанн успел много написать. В апологии¹⁰ «О блаженном Вавиле и против язычников» Иоанн восхваляет ясно ощущаемую и в его дни силу Христову. Св. Вавила, принявший в 250 году мученическую смерть епископ Антиохии, продолжает действовать, как живой. Он заставляет умолкнуть оракула Аполлона и низводит на его храм небесный огонь в наказание за нарушение покоя своих мощей. Полемическое воодушевление, с которым написан этот трактат, показывает, насколько серьезными противниками еще являлись приверженцы языческих культов в восьмидесятые годы.

Большинство творений этих лет посвящены аскезе. В блестящем трактате 383 года «О девстве» звучат смелые тона. Земля уже полностью заселена, поэтому времена супружеской близости ради продолжения рода подошли к концу. Век проходит, близится Воскресение мертвых. Христос сошел с небес для того, чтобы сделать людей ангелами и научить их жизни небесной. Поэтому сейчас возможно то, о чем не могли даже мечтать языческие философы: жизнь в воздержании.

Брак, тем не менее, продолжает сохранять свою силу, однако его назначение меняется. Деторождение как средство обеспечения существования города в будущем уходит на второй план. Юноши и девушки должны вступать в брак для того, чтобы помогать друг другу держать под контролем свои собственные тела. Брак становится надежным портом, который должен уберегать супругов от бурь искушений большого города. Вот почему родителям следует как можно раньше женить и выдавать замуж своих детей. Тот же самый совет, к слову сказать, давали и раввины. Браки должны заключаться в кругу семьи в присутствии специально приглашенного для этой цели священника. Иоанн тщетно пытался бороться с практиковавшимися на свадьбах обычаями откровенно языческого характера. Невесту с непокрытой головой вели через весь город к дому ее будущего мужа. Исполняемые при этом сопровождающими песни и танцы имели недвусмысленно эротический подтекст. В процессии шли специально по этому случаю приглашенные проститутки. Против

¹⁹ Христианские апологии возникают во II веке для защиты новой религии от обвинений языческих авторов. Среди первых апологетов можно назвать св. Иустина Мученика, Афинагора, Татиана, Тертуллиана. Более поздние христианские писатели используют некоторые апологетические мотивы. Так, говоря о мученике Вавиле, Златоуст полемизирует против язычников: творимые мучеником посмертные чудеса подтверждают истинность христианской веры.

подобного нечестия св. Иоанн раздражается в одной из своих константинопольских проповедей: «Разве брак — это театр? Брак таинство, образ отношений Христа и Его церкви!» Он не соглашается с возражением, что никто не танцует, пока не начнут жених и невеста. А зачем вообще нужны танцы? Танцуют язычники на своих мистериях, у нас же все должно проходить в благопристойной тишине. Прежние обычаи продолжали существовать и при родах, болезни и переходе в иную жизнь. Повитухи помазывали лобик новорожденного калом, золой, солью или сажей, чтобы оградить его от дурного глаза. Чтобы выбрать имя, зажигали несколько факелов с предполагаемыми именами; имя факела, который догорал последним, давали ребенку. Часто останавливались на имени одного из покойных родственников; это служило утешением в скорби по усоп- тому. Вопреки этим обычаям св. Иоанн советует называть дитя в честь кого-либо из праведников, мучеников, святых епископов или апостолов подобно тому, как сам он был назван в честь апостола Иоанна.

Питер Браун справедливо заметил, что развиваемая св. Иоанном концепция брака была нацелена на укрепление христианской семьи в противовес влияниям свободных нравов большого города. Его целью при этом было создание новой формы внутригородской социальной ячейки, базой для которой и должна была стать обновленная христианская семья. В проповедях Иоанн, прибегая к таким античным авторам, как Плутарх, часто дает советы, каким образом следует вести образцовое домашнее хозяйство. Усилия супругов должны быть объединенными, мужу при этом подобает первенство. Он берет на себя, к примеру, дела на форуме и в суде. Жена служит опорой и поддержкой для мужа, она несет попечение о доме и детях, больше остается в семье. Работу за пределами дома ей брать на себя не следует. В одежде и украшениях, особенно же в благовониях и косметике она должна соблюдать сдержанность.

С другой стороны, Иоанн не советовал мужьям устанавливать для жен слишком тесные рамки. Современные исследователи любят повторять, что Иоанн Златоуст, как и отцы церкви в целом, способствовал своими установками тому, что церковь оценивала роль женщины ниже той, которая давалась в дохристианской традиции. Между тем, во второй половине четвертого века женщина, и в первую очередь, аскетически живущая женщина приобретает немалое значение. Известно более десятка христианских произведений, обращенных к женщинам или, как «Житие Олимпиады», описывающих жизнь той или иной святой.

Сэкономленные деньги хорошо каждый день складывать в копилку для милостыни, стоящую в спальне возле супружеского ложа — иудейский обычай, свое восхищение которым св. Иоанн не считал нужным скрывать. Подобное откладывание милостыни есть столь же действенное средство против лукавого, как и повешенное на стену «Евангелие»; такие же «Евангелия» — вероятно, имеются ввиду переписанные отрывки священного текста, обладавшие особой силой, — женщины носили на шее. Говоря об этом обычае, св. Иоанн напоминает о филактериях¹¹, небольших капсулах с написанными на пергамене отрывками из Торы, прикреплявшихся иудеями к левой руке и ко лбу во исполнение Божественного повеления из Второзакония 6:8. На фасадах домов, окнах, кроватях и на плащах уместно изображать знак Креста. Его же запечатлевают сложенными пальцами на лбу и сердце. Матери крестят заболевших детей. Перед вкушением пищи читается торжественная молитва. По воскресениям после церковной службы отец пересказывает проповедь и обсуждает ее со своими домашними. Дома, где живут подобные семьи, становятся небольшими монастырями. Они руководствуются теми же евангельскими заповедями, что и обитатели возвышающихся на окрестных горах монашеских обителей. Так посреди шумного и жестокого города должно поддерживаться пламя христианского совершенства.

Концепция христианской жизни в миру, христианской семьи как подобия монастыря является центральной для пасторской мысли св. Иоанна. Сам он не один год прожил отшельником и никогда

¹¹ В церковно-славянском и русском переводах «хранилища», ср. Мф 23:5.

не отказывался от высочайшей оценки монашества. Однако став городским священником, он не мог не видеть опасности в том, что у определенной части семейных христиан преувеличенное восхищение монахами способно было превращаться в своего рода алиби, освобождавшее их от обязанности самим стремиться к совершенству. Вот почему Златоуст усиленно подчеркивает, что заповеди блаженства и Нагорная проповедь обращены ко всем христианам. Жить истинно христианской жизнью возможно и в браке, полноценными христианами могут быть не одни монахи. Отрицание этой мысли означало бы, с его точки зрения, крушение всей христианской веры. У Иоанна Златоуста мы не находим ни намека на столь важное для зрелого средневековья разделение заповедей Божьих на обязательные для всеобщего исполнения («предписания») и «евангельские советы», ориентированные на избравших путь превышающего естество совершенства.

За годы священнического служения в Антиохии, и позднее на константинопольской кафедре, Иоанн модифицировал свою точку зрения на брак и его достоинство. Теперь — в разрез со своими ранними формулировками — он говорит о том, что Бог установил брак для продления человеческого рода. В одной из проповедей на Евангелие от Матфея он замечает, что на земле нет большего счастья, чем быть мужем и отцом, большего утешения при смерти, чем остающиеся дети. Тем не менее, в системе его ценностей воздержание всегда было предпочтительнее брака. В этом он солидарен со многими своими современниками. От нас сегодня часто ускользает, что подобная точка зрения по прямой линии восходит как к апостолу Павлу, так и к Самому Господу (ср. Мф 19:12; 1 Кор 7:7).

От св. Иоанна дошел трактат, в котором он советует вдовцам и вдовицам не вступать во второй брак. Тем самым он вступает в противоречие с государственным законодательством, поощрявшим подобную практику. Два других творения посвящены много обсуждавшейся в то время проблеме так называемых «духовных браков», т. е. совместного проживания женщин и мужчин, давших обет воздержания. Златоуст не жалеет желчных насмешек в адрес «атлетов Христовых» — обычное тогда наименование аскетов, — которые вместо того, чтобы подвизаться ради Христа, не жалеют времени и сил, разыскивая для своих компаньонов любимые духи или подходящее украшение. Такой мужчина, по меткому замечанию Иоанна, превращается в евнуха¹². Истинные же девственники и девственницы прилепляются ко Христу, окружая Его подобно тому, как херувимы и серафимы окружают Бога. Долгие годы проживший в Антиохии блаженный Иероним¹³ критически намекает в своем обращенном к одной высокородной римской даме трактате «О сохранении девства» на этот смелый образ св. Иоанна, не называя его имени. «Его собственное послание, пишет бл. Иероним, «обойдется без риторической помпезности, что уже готова поместить тебя посреди ангелов и, изобразив блаженство девства, чуть ли не бросает к твоим ногам весь мир» .

Первые годы священства (386-387)

Накануне Великого поста 386 года епископ Флавиан рукоположил Иоанна в пресвитеры, предопределив тем самым его проповедническую карьеру. Сохранилась самая первая проповедь Иоанна. В ней еще и сейчас можно ощутить нечто от того заинтересованного напряжения, с которым собравшиеся в Золотой церкви толпы верующих наблюдали за тем, как Иоанн в первый раз подходил к амвону¹⁴. Златоуст сумел сплести в этой проповеди чудесный венок своей общине, не упустив воздать хвалу покойному епископу Мелетию и выразить свое благоговейное почтение присутствующему владыке Флавиану. Интересно отметить, что в этой своей первой проповеди Златоуст говорит о том, что идеальный священник не подвергает себя «умерщвлению», что можно

¹² Сам Иоанн, как остроумно отмечает в связи с этим Джон Келли, проявляет себя тем самым в качестве несправимого женофоба.

¹³ О его знакомстве со св. Иоанном неизвестно ничего достоверного.

¹⁴ Амвоном в древней церкви называлась предназначавшаяся для чтения Священного Писания и произнесения проповедей кафедра, которая размещалась перед перегородкой, отделявшей хор от церковного помещения. На Западе нередко встречались храмы с двумя амвонами: с левого читался Ветхий Завет, с правого — Новый.

расценить как своего рода смягчение сурово-аскетических идеалов, которым он следовал, подвизаясь в пещере.

Вскоре последовали проповеди против аномеев, еретической группы, не соглашавшейся с тем, что Бог Сын равен или подобен по Своей природе Богу Отцу. Иисуса Христа они радикально мыслили как одно из творений Бога. Аномеи, среди которых было немало интеллектуалов, сами просили молодого пресвитера выступить с разъяснением позиции православных. Иоанн призвал свою общину протянуть заблудшим братскую руку.

Его тон становится намного резче в восьми речах против иудеев, произнесенных незадолго до начала еврейских праздников осенью 386 года. Иудаизм притягивал к себе христиан Антиохии. Иоанн боится за души огромного количества своих пасомых, которые полагали, что могут участвовать в празднике кущей, справлять еврейский новый год и Пасху, соблюдать субботы, обращаться к еврейским врачам, заверять клятвой сделки в синагогах и чуть ли не обрезать своих сыновей, не совершая при этом предательства по отношению к собственной вере. Особенно возмущает Иоанна то, что некоторые верующие продолжали сохранять древний обычай празднования Пасхи в один день с иудеями. Вся церковь при этом, следуя решению Никейского собора 325 года, праздновала Пасху в один и тот же день, который не должен был совпадать с иудейским праздником. Таким образом, выходило, что в Антиохии величайшее христианское торжество праздновалось в различных кругах в разные дни. Пасхе предшествовал сорокадневный пост. И вот покуда одни еще постились, другие уже радовались Воскресению Христову. Подобный вызов церковному единству глубоко ранил Иоанна.

Речи Златоуста дают нам возможность взглянуть на ситуацию в сирийской митрополии изнутри. Хотя иудеи и составляли всего только около седьмой части городского населения, они, по всей видимости, пользовались значительным уважением. Иудаизм второй половины четвертого века демонстрировал удивительное разнообразие форм и не имел ничего общего с тем монолитным единством, которое обычно приписывают эпохе после разрушения второго Храма в 70 году. Многообразной была и культура иудеев того времени. В 392 году антиохийские иудеи приняли участие в украшении синагоги соседнего города Апамеи, взяв на себя часть расходов по выкладке мозаики. Богатые антиохийские евреи завещали хоронить свои останки в селении Бет Шеарим на земле их отцов в Галилее. Между иудейской и христианской общинами разгоралась борьба за ту треть населения города, что оставалась верной древним языческим культам. И та и другая сторона прекрасно отдавала себе отчет в своем призвании. По словам Иоанна, евреи утверждали: «Мы были побеждены и повержены, чтобы сделаться учителями всей земли». Со своей стороны, Иоанн желал, чтобы и иудеи, и язычники Антиохии убедились в том, что истинными спасителями, защитниками, хозяевами и наставниками города являются христиане. Все три группы, т. е. христиане, иудеи и язычники полемизировали друг с другом. Иудеи, по всей видимости, спрашивали христиан: «Почему вы не храните прежних постов? Почему вы не соблюдаете Закон, как это делал ваш учитель?» Над христианскими притязаниями они откровенно смеялись. В одной из проповедей на Послание к Римлянам Златоуст передает их слова: «Это же просто смешно! Выходит, давал Он обещания одним, а исполнил другим. Происходил по крови от одних, а спасение даровал другим. Нашим праотцам Он дал обетования, а их потомков бросил на произвол судьбы. Наслаждаться же их дарами Он позволил тем, которые до того Его никогда не знали. Те тратили столько сил на соблюдение Закона и изучение пророков, а эти, не успев отойти от языческих алтарей, обошли их? Где же здесь провидение, где промысел?»

Вопрос о том, почему христиане не исполняют иудейские обряды и, в то же время, ссылаются на священные книги евреев, задавал в своей направленной против христиан книге и император Юлиан. Кроме того, язычникам не было понятно значение Креста, они указывали на противоречащие друг другу истолкования Библии; христианство, на их взгляд, ставило весь установленный жизненный порядок с ног на голову, оно отнимало рабов у господ и вообще не останавливалось перед насилием.

В спорах с так называемыми «иудействующими» христианами св. Иоанн отчетливо понимал, какие доводы его противников были для них решающими. Их наиболее сильным аргументом являлось использование в синагоге входивших в христианскую Библию «Закона и Пророков». Большое смущение вызывало также и то, что иудеи, будучи хронологически более ранними адресатами этих книг, понимали их совсем не так, как христиане. При этом, именно в Антиохии никогда не было недостатка в настаивавших на том, что богословские положения следует обосновывать при помощи Ветхого Завета. Другая группа «иудействующих» полагала, что между иудеями и христианами вообще не существует значительных различий, а споры ведутся по мелочам. Наперекор подобным мнениям Златоуст требует ясного разграничения: «Если жизнь и учение иудеев хороши и достойны почитания, то наши собственные — лживы; если же наши — истинны, то те — исполнены обмана». На разграничении же настаивали и иудейские авторитеты. Так, они не рекомендовали своим адептам обращаться к врачам-христианам.

Призывы Иоанна произрастали из отчетливо сформулированного сознания ответственности за спасение доверенных ему душ. Уверенным же в спасении может быть лишь тот, чье сердце безраздельно принадлежит Христу. Возможно, мы лучше поймем эту позицию, если примем во внимание, что многие из «иудействующих» были новообращенными, пришедшими в церковь после вышеупомянутого эдикта 380 года императора Феодосия. При этом они зачастую не порывали со своими прежними языческими культами или же стремились приобщиться к древней религии иудеев. Не пренебрегали они и магическими обрядами, заклинаниями и оберегами. Около двухсот дошедших до наших дней магических папирусов используют для заклинаний тексты Ветхого Завета. Магические ритуалы соответствовали духу времени и находили применение как у язычников, так и среди иудеев и христиан.

Порицая иудеев, Иоанн прибегает к выражениям, способным заставить содрогнуться современного читателя, знакомого с историей христианских гонений на иудеев и страшными событиями XX века. Синагога уподобляется не только театру, но и борделю, притону разбойников, прибежищу нечистых животных, логову Сатаны. Иудеи живут для чрева, ищут только земных богатств, мотовство и погоня за удовольствиями уравнивает их со свиньями и коалами. В этих и подобных поношениях обращают на себя внимание две характерные черты. Во-первых, Иоанн подтверждает свои ругательства критическими словами ветхозаветных пророков в адрес еврейского народа. При этом он забывает о том, что апеллирует к внутрииудейской критике, использование которой противниками иудеев представляет собой известную проблему. Во-вторых, в своих речах Иоанн приписывает иудеям черты той самой моральной нечистоплотности, которую он, к своему глубокому прискорбию, вынужден констатировать у членов собственной христианской общины. Ведь и сумасшедшая погоня за богатством и неумеренное потакание чреву в других его текстах выступают как порицания христианам. Некоторых из них он, не стесняя себя выбором выражений, даже называет похотливыми жеребцами, от которых женщин не оберегают сами церковные стены¹⁵. Для того, чтобы исторически корректно оценить полемику св. Иоанна, необходимо видеть, что нагнетание ужасного соответствовало вкусам времени точно так же, как и односторонняя пристрастность. Преуменьшение не добавляло славы античному ритору. Не экономить на выразительных средствах учил своих студентов и Ливаний, сам допускавший в речах заведомо ложные утверждения. Так, атакуя монахов, он сказал, что они редкие пьяницы, а жрут больше слонов.

В спорах с иудеями для христиан центральное значение имело разрушение иерусалимского Храма, попущенное Богом после захвата города римскими войсками в 70 году. Тем самым, по их глубокому убеждению, Бог прекратил и отверг иудейский культ. В своей аргументации Златоуст использует ссылку на Мф 24:2, где Иисус говорит, глядя на Храм: «Истинно говорю вам: не останется

¹⁵ Пп Майбаешп, Богп. 88, 4.

здесь камня на камне; все будет разрушено». Именно эти слова примерно за 25 лет до описываемых споров побудили императора Юлиана пообещать иудеям заново отстроить их святыню. Тем самым ему хотелось довести до абсурда слова Христа об окончательном разрушении Храма и одновременно пополнить готовыми к компромиссам иудеями ряды участвующих в языческих жертвоприношениях. Приказ позаботиться о всем необходимом для выполнения этого плана был отдан вице-префекту Британии Алипию и другим высоким чиновникам. 5 марта 363 года Юлиан выступил во главе своего войска на Восток навстречу персам. По дороге он издал манифест, в котором, обращаясь к иудеям Месопотамии и Вавилона, говорил о том, что он «ревностно берется за восстановление Храма Высочайшего Бога». Однако до восстановления дело не дошло. Строительные работы не успели продвинуться дальше сноса прежних руин, когда «страшные клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло». Так пишет об этом событии языческий историк Аммиан Марцеллин, по словам которого «это начинание так и прекратилось из-за упорного сопротивления стихии»¹⁶. Сообщение Марцеллина вызвало продолжительную дискуссию. Не стоит ли за ним сфабрикованная христианами легенда? Или «страшные клубы пламени» следует связывать с засвидетельствованным в 363 году землетрясением? Как бы то ни было, больше иерусалимский Храм отстраивать не пытались. Юлиан погиб в битве с персами 26 июня 363 года.

После его смерти иудейская община Антиохии была вынуждена передать христианам расположенную в квартале Кератейон синагогу, которая была превращена в церковь. Эта синагога представляла собой значительный религиозный центр, поскольку или в ней самой или на ее территории находились почитаемые могилы семерых братьев Маккавеев и их матери, принявших при Антиохе IV Епифане (предположительно, в 168 году до РХ) мученическую смерть в Антиохии¹⁷. Поклониться мученикам приходили бесчисленные толпы иудеев, но помимо них также и язычники и христиане. Благодаря превращению синагоги в христианский храм после смерти императора Юлиана в 363 году Маккавеи стали христианскими святыми, память которых совершалась церковью в день их мученической кончины. Речи, произнесенные в этот день, дошли до нас и от Иоанна Златоуста. Сохранилось датированное приблизительно 570 годом свидетельство паломника из г. Пьяченца в северной Италии, который говорит, что над могилами братьев Маккавеев в Антиохии висят орудия их пыток. Мощи мучеников, в конце концов, попали в Константинополь, а от-туда в Рим, где они по сей день выставлены для почитания в церкви святого апостола Петра «в веригах» (Chiesa di S. Pietro in vincoli).

К раннему антиохийскому периоду относится и ряд проповедей на праздники антиохийских мучеников и мучениц Пелагии, Верники, Домнины, Вавилы, Филогония, Лукиана и Игнатия¹⁸, которые Златоуст произнес в посвященных им часовнях. Св. Иоанн высоко чтит мученический подвиг и отдавал себе отчет в том, что и в его время — хотя и за пределами Империи, в Персии — христиане умирали за свою веру. Сохранились также проповеди на важнейшие праздники: Пятидесятницу, Рождество, Богоявление. Любопытно, что неизвестна проповедь на Пасху. Возможно, в этот великий праздник проповедовал сам епископ. Проповедь на Рождество 386 года представляет значительный интерес, так как она свидетельствует о том, что впервые антиохийская община отмечала этот праздник именно в этом году. На Западе Рождество начинает праздноваться около 330 года. Не случайно для этого избирается день зимнего солнцестояния, на который приходился языческий праздник Непобедимого Солнца. В упомянутой проповеди Иоанн прилагает трогательные усилия к тому, чтобы убедить своих прихожан в правильности новой даты. Путем сложных вычислений он приводит доказательство того, что Иисус родился 25 декабря.

*о Аммиан Марцеллин, История, 23,1,3; Киев, 1906-1908, вып. 1-III.

¹⁷ См. 2 Макк 7.

¹⁸ Антиохийский епископ Игнатий был в начале II века брошен на растерзание львам в римском Колизее.

Антиохийское восстание (февраль 387 года)

Менее чем через два месяца после упомянутой выше рождественской проповеди, 21 февраля 387 года Иоанн произнес в Большой церкви слово на совет апостола Павла Тимофею «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим 5:23). Он говорил, что Божье творение «добро зело», что поэтому даром Божиим является и вино и что лишь человеческое злоупотребление превратило его в пагубу. Предполагалось, что Златоуст будет снова проповедовать в ближайшие субботу и воскресенье. Начиная с понедельника 1 марта, он намеревался начать череду великопостных проповедей. Однако все сложилось иначе. В четверг или, возможно, в пятницу в Антиохии вспыхнул бунт. Он был вызван объявлением о значительном увеличении налогов. Соответствующий указ был публично зачитан из здания суда, расположенного на том же острове, что и императорский дворец. Немедленно множество членов городского совета хлынуло к наместнику провинции с протестом против нового обложения. В то же самое время большая толпа собралась у дома епископа Флавиана в надежде, что он сможет что-то изменить, используя свои связи при императорском дворе. Флавиана не оказалось дома. Тогда чернь устремилась мимо городских терм ко дворцу наместника и перерезала канаты, на которых висели большие лампы. Попытка взять дворец штурмом не удалась. Тут гнев толпы, обратился на стоявшие перед дворцом бронзовые статуи императора и членов его семьи. Их свергли с постаментов и, привязав к ним веревки, протащили по улицам. Благодаря этому инциденту восстание получило название «восстания против статуй». В этот момент вмешались войска, которым удалось рассеять недовольных. Комит Востока¹⁹ — высшая власть в городе — немедленно распорядился провести аресты и казнить зачинщиков. К полудню всяческий раж полностью выветрился и сменился глубоким унынием. Все знали, что низвержение императорских статуй приравнивается к покушению на особу императора. Статуя означала присутствие в городе самого самодержца. Совсем недавно Феодосий даровал право искать защиты у своих изображений. В течение десяти дней прибегавшие к ним не могли быть удалены даже императорскими чиновниками. Вспыльчивость Феодосия была хорошо известна. Антиохию охватил страх.

Три года спустя, испытать на себе гнев императора выпало другому крупному городу. В Фессалониках военный комендант арестовал чрезвычайно популярного колесничего. Собралась толпа, которая линчевала высокопоставленного офицера прямо посреди улицы. Надругательства претерпели и другие чиновники. Феодосий повелел наказать город. Возмущенные убийством своего генерала войска устроили резню, в которой погибло около семи тысяч человек.

Антиохии повезло. Однако прежде нужно было пережить недели тягостного ожидания. В напряженном молчании люди стояли перед зданием суда, прислушиваясь к глухим ударам плети и стонам заключенных. Все, кто только мог, покинули город. Св. Иоанн и, видимо, также Ливаний остались в Антиохии. Иоанн посещал арестованных. Через неделю после бунта епископ Флавиан отправился в Константинополь. Он хотел попытаться умиловить императора. Перед отъездом он распорядился, несмотря ни на что, начинать предусмотренную череду великопостных проповедей. Так возникли так называемые проповеди о статуях, получившие название по недавнему бунту и принесшие Златоусту славу как в Антиохии, так и далеко за ее пределами. Первая из их числа (всего была произнесена двадцать одна проповедь) — это уже упомянутое слово, сказанное в начале беспорядков. В соответствии с установленной церковью для этого времени последовательностью богослужебных чтений Иоанн истолковывал в своих проповедях тексты из книги Бытия. При этом он то и дело останавливается на всем известной угрозе. Из шестнадцатой проповеди (Златоуст прочел ее

²⁹ Титул комита, который первоначально выражал особую близость к императору, начиная с эпохи Константина Великого, получает дальнейшее распространение и присваивается занимающим различные высшие военные и государственные должности. Комит Востока был, в качестве наместника императора, одним из наиболее значительных государственных чиновников в Восточной Римской империи.

13 или 14 марта) мы узнаем, что в этот день в храме присутствовал префект Антиохии язычник Тисамен, пришедший для того, чтобы успокоить испуганный народ. 15 марта в город прибыли два высокопоставленных императорских сановника Кесарий и Эллебих с распоряжением провести расследование имевшего место инцидента. По их приказу был арестован весь городской совет, который также воспротивился новому налогу. В городе было объявлено чрезвычайное положение; общественные бани и театр были закрыты. Антиохия лишилась статуса столицы Сирии. Был вынесен ряд новых смертных приговоров, однако их исполнение задерживалось до ратификации императором. Этой отсрочки смогли добиться монахи. Ранним утром они спустились с гор, вошли в город и встали на пути скакавших в суд императорских чиновников, моля их о милосердии. По окончании следствия Кесарий отбыл вместе с курьерской императорской почтой в Константинополь. Здесь, однако, уже некоторое время находился епископ Флавиан, который сумел добиться аудиенции и склонить Феодосия к снисхождению. Будучи умелым ритором, Златоуст вставил в свою последнюю проповедь о статуях как произнесенное в присутствии императора прошение Флавиана, так и благосклонный ответ самодержца. «Когда епископа ввели в царские палаты, то поначалу он остался стоять вдалеке от императора. Закрыв, подобно кающемуся, лицо, он молча потупил глаза, на которых показались слезы». Император сказал, что его глубоко уязвила неблагодарность города, который он неизменно и щедро поддерживал. Флавиан пылко заверил государя, что знает о его большой любви к Антиохии. «Мы опозорили себя перед всем миром. Самое строгое наказание не было бы чрезмерным за такую неблагодарность. Накажи нас, но не лишай своей милости. Не погуби наш город! Укрась свой царский венец драгоценнейшим из сокровищ — снисходительностью. Этим ты воздвигнешь себе статую не из бронзы, но из благодарности в сердцах антиохийцев». Приводя речь Флавиана, Златоуст ссылается на пересказ лично слышавшего ее свидетеля. Однако на самом деле, речь была, наверняка, составлена в свободном стиле и вложена в уста Флавиана. То же самое относится и к ответному слову Феодосия, который говорит именно так, как подобает христианскому императору. «Что же в том великого и необычайного, если я буду снисходителен к своим обидчикам, между тем как Царь мира нас ради стал человеком и, когда Его распинали, сказал: “Отче, прости им, ибо не знают, что делают”?» Антиохия была помилована, и Флавиан поспешил доставить эту добрую весть в город как можно быстрее. По своему возрасту он уже не мог выносить непрерывную скачку. Поэтому епископ выслал вперед курьера, который и сообщил о решении императора. Радости антиохийцев не было предела. Все население вышло на улицы, форум был украшен цветами и гирляндами, то и дело вспыхивали огни фейерверка. Незадолго до Пасхи прибыл и сам епископ. Пасхальную проповедь произнес Иоанн Златоуст. В самых возвышенных выражениях он поблагодарил своего архипастыря за благоуспешное исполнение его миссии. В конце проповеди он обращается к своим слушателям с призывом: «Теперь же украсьте не одни только ваши дома, но и свои сердца и непрестанно воздавайте Богу хвалу за Его милость».

О драматических событиях марта 387 года мы знаем из двух источников: один из них — это проповеди о статуях св. Иоанна, другой — пять речей Ливания. Помимо значительных совпадений между этими двумя собраниями текстов есть определенные расхождения, которые, в своем большинстве, по-видимому, объясняются разницей точек зрения их авторов. Заслугу умилоствления императора Ливаний приписывает Кесарию, епископа Флавиана он не упоминает. Можно быть уверенным, что это обстоятельство связано с его язычеством. С другой стороны, свои акценты расставил и св. Иоанн, прежде всего, сконцентрировав свой рассказ на Флавиане и Феодосии. Тем самым, он впервые показал себя мастером политической речи.

Годы становления (387-397)

Двенадцать лет св. Иоанн проповедовал в Антиохии, и проповеди принесли ему славу. Златоуст — последний великий городской ритор античности. Его церковному слову всегда предшествовала тщательная подготовка. По поводу одного стиха из Евангелия от Матфея он признался: «Чтобы понять это место необходимы напряженные занятия и усердная молитва». Однако, на удивление слушателям, проповедовал он всегда свободно, без записей и без книги в руках. Если повод для проповеди возникал неожиданно, как например, после одного из антиохийских землетрясений, он не затруднялся импровизацией. Проповеди могли быть самой разной продолжительности: от, приблизительно, десятиминутных до полуторачасовых. Сказанное записывалось стенографами. Златоуст прочитывал, перерабатывал и затем издавал полученный текст. Обращался он всегда только ко всей общине, никогда не выделяя интеллектуалов. Он не терпел церковной сословности и говорил для всех; его слова должны были быть понятны для слуги и торговки, для моряка и крестьянина. Оставшиеся непоясненными вопросы всегда можно было обсудить после окончания проповеди. Златоуст говорил прямо и без околичностей, что иногда задевало его слушателей. В таких случаях он был готов принести извинения. По его твердому убеждению, слова проповедника не должны были быть лишены способности жалить. При этом он хорошо понимал, что не следует ни травмировать, ни насилловать душу слушателей. Свою надежду Златоуст возлагал на Божью благодать, помогающую наставлять, не рая.

Прямота Иоанна сочеталась с его редким даром проникновения в мир слушателей. В его зачастую выстроенных в форме диалога проповедях находят отражение человеческие предубеждения, заботы и страхи. Он не обходит стороной споры между прихожанами и высказывается, к примеру, по поводу утверждения, что слова апостола Павла «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (1 Фес 3:10) освобождают от обязанности подавать милостыню. Или он выступает против бытовавшего мнения о том, что любовь Бога делает Его неспособным к наказанию. Он разбирает пародии на слова Писания. То и дело отвечает на вопросы своих слушателей. Иногда он отсылает к предыдущей проповеди. Или же отталкивается от известного: «Большинство из вас, наверняка, знает историю о прелюбодейке, которая убила своего мужа». Он может опереться на начитанность части публики: «Другой философ, корифей языческих времен, советует брать девушек в военные походы и предоставляет их всеобщему пользованию». Таким образом в проповедях Златоуста фигурирует не один Платон; говоря, например, о шепелявом ораторе, св. Иоанн намекает на Демосфена. Его речи пестрят цитатами из поэтов и философов, пословицами и образными выражениями из самых разных сфер жизни, здесь особенным предпочтением пользуется медицина и мир спорта, а также военное дело. Священное Писание он уподобляет усеянному цветами лугу, бесконечно богатому месторождению или коллекции драгоценных камней. Место упокоения мученика сравнивается с воинским шатром, стены которого увешаны обгаренным кровью оружием. В риторическом арсенале Златоуста — все средства античной риторики; он использует метафоры и аллитерации, применяет тропы и фигуры речи.

Стиль его правилен и высок, однако несколько менее изыскан, чем у Ливания и св. Григория Богослова. В его речах всегда множество жизненных наблюдений. При этом в том или ином конкретном случае почти невозможно решить, использует ли он свой личный опыт или прибегает к литературной традиции. Он дает точные указания по поводу подробностей конской упряжи, отмечает принятый в древности жест приветствия, при котором ладони поворачивались вверх, или упоминает об обычае наматывать на пальцы конопляные волокна или нить, чтобы не забыть что-то важное. Живописными красками он изображает поведение актеров и фокусников на агоре, дает зарисовки работы ремесленников. Златоуст рассказывает о верующих, целующих церковный пол, о школьниках, которых целый день не оставляет мысль о заданных уроках, об играющих в войну мальчишках. Он говорит о погребальных обрядах: о вырванных от горя волосах, о движениях плакальщиц, о сиянии лампад и траурных гимнах. Он передает обрывки случайно услышанных на улице разговоров.

Слушатели и слушательницы внимали его словам с восторгом, иногда перебивая проповедь аплодисментами. Если овации не раздавались в конце, проповедник мог смущаться и грустить. Изредка Иоанн признавался, что хлопки одобрения его радуют. Время от времени он просил не мешать ему аплодисментами, но аплодировать, когда он кончит. Он мог сказать и так: «Лучшая овация — если вы будете делать, что я говорю». Златоуст был очень привязан к своей общине. После долгой отлучки он признавался: «Я не забывал вас ни на минуту... Сидел я или стоял, шел или отдыхал, был на пути к дому или уходил, мысль моя всегда была с вами и даже во сне она меня не оставляла». Часто церковь, в которой он проповедовал, была переполнена настолько, что воры-карманники без труда находили свою добычу. Иоанн прекрасно понимал, что обладает неимоверной притягательной силой, заставляющей публику валом валить в храм для того, чтобы послушать блестящего оратора. Не менее ясно было для него и то, что по окончании проповеди люди покидали церковь так, как будто они были зрителями на спортивном состязании. Жизнь вынуждала его с внутренней болью признать, что восторгам слушателей отмерен недолгий срок, что настоящая вера в его общине проблескивает далеко не у всех, что многие являются христианами лишь по имени. Иногда Иоанн говорит о полухристианах. Что многие из новообращенных весьма поверхностны в своем христианстве, замечал и Ливаний. К разочарованию Златоуста, число его слушателей значительно уменьшалось в те дни, когда на ипподроме проводились скачки. Он с грустью замечал, что многие из христиан знают клички лошадей-фаворитов лучше, чем имена пророков. Ливаний, со своей стороны, сетовал на то, что тот или иной колесничий вызывает больше интереса, чем профессор.

После «Восстания против статуи», как считается, был написан трактат «О священстве». В нем св. Иоанн облек свои мысли в излюбленную тогда форму диалога, который ведут сам Иоанн и друг его юности Василий. В первой книге содержатся некоторые автобиографические воспоминания, в следующих пяти Златоуст с вдохновением говорит о высоком достоинстве и трудностях священнического служения. Одной из целей написания трактата было, по-видимому, ограждение автора от, возможно, все еще распространявшихся слухов, согласно которым Иоанн хотя и утверждал, что он вместе со своим другом Василием весьма рано почувствовал призвание к священству, однако в решающий момент уклонился от рукоположения, хитростью подтолкнув товарища к его принятию. Не удержала ли его в тот момент мысль о возможной высокой светской должности? «Нет», — отвечал на это своей книгой Иоанн, «отноудь нет, тогда я просто еще не чувствовал себя готовым к исполнению столь почетного и столь сложного служения». Еще и теперь, пишет он в конце своего творения, его иногда с угрожающей силой посещают желания мирских радостей. Противостоит он им лишь уединенностью своего образа жизни. Страсти подобны диким зверям: их можно укротить, если лишить их пищи.

Св. Иоанн относился к своим священническим обязанностям с исключительной серьезностью. Он глубоко осознавал свою ответственность за порученную ему общину. В качестве священника он был предстоятелем и духовным отцом прихода. Рано или поздно Бог потребует от него отчета. В проповеди на Послание к Ефессянам он говорит: «Возлюбленные, мы не дерзаем ни присваивать себе власть над вашей верой, ни раздавать в этом отношении державные распоряжения. Мы поставлены на наше место не ради власти и управления, но для назидания. Нашей должности подобает лишь совет и научение. Советчик советует, но не принуждает. Принять или отвергнуть сказанное он оставляет на выбор слушающего. И лишь тогда понесет он ответ, если будет говорить не по совести. Мы повторяем это для того, чтобы в день оный не могли вы сказать: “Нам никто не говорил, нам ничего не объяснили. Мы не знали, как надо. Мы не знали, что это грех”».

Именно в этом чувстве ответственности — глубочайший корень усердия и рвения св. Иоанна, проявлявшихся в его борьбе за единство церкви и обличениях заблудших в вере противников этого единства, в том числе, и «иудействующих» христиан.

В 393 году Златоуст пишет первое в истории христианской литературы руководство для

воспитания детей. Прообразом ему, по всей видимости, служил античный трактат, дошедший под именем Плутарха. В соответствии с бытовавшими античными представлениями о воспитании Иоанн предостерегает от излишнего потакания потребностям юношеского самоутверждения. В трактате разрабатывается новая педагогическая концепция. Цель воспитания — сделать детей «гражданами неба», «философами», «подвижниками Христовыми». Иоанн дает конкретные указания по катехизации маленьких детей. Он обсуждает подходящие для этой цели библейские истории и предлагает в качестве образца две беседы: о Каине и Авеле, а также о Иакове и Исаве. Даются советы по стилю бесед и их языку, который должен быть хорошо понятен детям. Дети с ранних лет должны учить наизусть псалмы и отрывки из пророческих книг. Отцам вменяется в обязанность приводить детей в храм. Дома за трапезой можно обсудить содержание проповеди. Необходимо непрерывно следить за развитием ребенка. Его возрастание можно уподобить высечению статуи или написанию картины. Телесных наказаний следует, по возможности, избегать.

Начиная с 390 года, становятся заметны изменения в поведении Иоанна. В проповедях ранних лет иногда проглядывает определенная неуверенность и — возможно, чрезмерная — скромность. Высказывания подобного рода встречаются особенно часто, если среди слушателей находился епископ. Однако постепенно Иоанн начинает обретать все большую уверенность в своей церковной власти. Он велит диаконам не допускать к причастию недостойных, даже если это весьма высокопоставленные лица. «Если вы боитесь, ведите их ко мне, ибо бесстыдства я не потерплю». По-видимому, этот процесс связан и с тем, что епископ Флавиан стал все чаще опираться на Златоуста в церковных делах. В связи с этим интересно заметить, что Иоанн со временем все смелее критикует видных церковных мужей, по-видимому, сознавая свою принадлежность к этой группе.

К антиохийскому периоду относится большинство крупных циклов проповедей, объединенных единой темой. В целом, сохранилось свыше шестисот гомилий²⁰ Златоуста, хотя не все они были произнесены им с амвона. Источником всяческого истинного познания для св. Иоанна является Библия. Толкуя ее, проповедник старался при помощи исторических и психологических размышлений проникнуть в первоначальный смысл разбираемого текста, избегая смелых богословских трактовок и аллегорических спекуляций. Он зорко подмечает различия между библейскими книгами. Цель же его трудов — заставить текст заговорить для церковной общины, донести до нее в проповеди живой голос Христа или Его апостолов. В проповедях и других творениях Иоанна использовано около семи тысяч цитат из Ветхого и почти одиннадцать тысяч цитат из Нового Завета.

Великим постом 389 года Златоуст приступил к объяснению книги Бытия. В 35 гомилиях он истолковывает текст стих за стихом. После праздника Пятидесятницы была произнесена вторая половина из 67 проповедей этого цикла. За ними последовал цикл на избранные псалмы. Здесь особый акцент был сделан на объяснение псалмов как части богослужения. «Ничто не может так возвысить и окрылить душу, подвести ее к молитве, оторвать от мира, приподнять над земным, освободить от плотских уз, как стройноголосое пение и божественные мелодии». Большое значение приобрел цикл из девяти проповедей на Евангелие от Матфея. Они ходили в бесчисленном количестве списков и через несколько сотен лет привели в изумление и восторг небезызвестного Фому Аквинского (1225-1274). Как правило, св. Иоанн начинает проповедь с подробного истолкования евангельского текста. Значительная ее часть посвящается назиданию, что, по убеждению Иоанна, было насущно необходимо. В 88 проповеди на Евангелие от Матфея он расставляет акценты подчеркнуто резко: «Мы возвещаем: Христос сотворил великое, возведя людей в ангельское достоинство. Если же нас спросят о доказательствах и потребуют для примера вывести кого-нибудь из нашего стада, то придется нам приумолкнуть, боясь, как бы вместо ангелов не привести свиней или же похотливых жеребцов ...

²⁰ Гомилией называется церковная проповедь, обычно посвященная истолкованию того или иного библейского текста. В случае, если последний имеет значительный объем, на него может быть произнесено несколько гомилий. Тематически в гомилиях затрагиваются, преимущественно, морально-практические темы.

Воистину, все ныне растлилось и пало. Церковь не отличается от ослиного или верблюжьего хлева, и если я выхожу, чтобы отыскать хоть одну овечку, то не могу найти ни одной. Все брыкаются, как кони или дикие ослы, все вокруг в их навозе — такие они изрыгают речи». Позитивная программа речей Златоуста нацелена на воспитание страха Божия и любви к ближнему.

Почти половина всех дошедших проповедей Иоанна Златоуста посвящена посланиям апостола Павла. Ни одно послание Златоуст не оставил без истолкования, и все эти гомилии сохранились до наших дней. Семь речей составлено в похвалу апостолу. Доведя в 33 гомилии объяснение Послания к Римлянам до последнего стиха, в котором апостол молится о ниспослании благодати Иисуса Христа христианам Рима, Иоанн говорит: «Кто же помолится о нас, после того, как с нами не стало Павла? Сделают это те, кто ему подражают. Лишь бы были мы сами достойны такого предстательства, чтобы нам не только в сем мире услышать голос Павла, но и удостоиться в мире ином его лицецерения. Тогда вы увидите его просиявшим при самом престоле Христовом, там, где славят Бога херувимы и окружают серафимы. Там будем мы созерцать Павла рядом с Петром, первоверховных в ангельских хорах, там насладимся мы его неложной любовью. Ибо тот, кто в дольном мире возлюбил людей так, что предпочел остаться здесь, а не разрешиться, чтобы быть со Христом, будет любить нас там еще горячей. Потому и дорог мне Рим: не из-за величины и древности, не ради красоты и многолюдства, не по причине его власти над миром, богатств и побед. Хотя все это и достойно похвалы, не о том я хочу сказать. Я ублажаю этот город потому, что Павел, возлюбив римлян, написал им послание, потому что он жил среди них и жизнь его закончилась там. Этим одним Рим славнее всех городов. Тела сих двух святых подобны сияющим очам на теле огромного града». Св. Исидор Пелусиот напишет через несколько лет после смерти великого проповедника: «Сам божественный Павел не говорил бы иначе, будь он обучен аттическому сладкогласию Иоанна». Живописное отображение духовного единства Иоанна Златоуста и апостола Павла донесла до наших дней фреска XVIII века из монастырской библиотеки г. Санкт-Галлен (Швейцария): рядом с сидящим за столом и пишущим Иоанном стоит Павел. Обняв его за плечи, он диктует ему на ухо.

Слушатели Иоанна принадлежали к самым разным социальным слоям. Здесь были и рабы, и люди, ночевавшие в церкви, поскольку у них не было крова. Приходили и состоятельные граждане. Подчас они обижались на то, что их священник порицает богатство, жалуясь, что люди оглядываются на них, когда речь заходит об этом. Забота о неимущих всегда была в центре внимания св. Иоанна. В девяноста проповедях на первое Евангелие он не менее сорока раз заговаривает о помощи бедным, ярко рисует их положение, обличает жадность и злоупотребление богатством. Делает это он столь часто, что имущие члены общины упрекают его: «Когда ты перестанешь поминать в проповеди бедняков и нищих и пророчить нам гибель и разорение, которые нас самих должны привести на паперть?»

На путях социальных реформ

Антиохия была весьма зажиточным городом, окружающие земли отличались плодородием. Бедность здесь вызывали не засухи или неурожай, как это происходило, по сообщениям св. Василия Великого, в Кессарии Каппадокийской, а сами сложившиеся структуры городской жизни. Антиохийские неимущие зарабатывали трудом своих рук, богатые жили доходами от имений. Из различных замечаний Иоанна Златоуста можно сделать вывод, что в его время в Антиохии несколько тысяч человек были вынуждены побираться, и, возможно, около пятидесяти тысяч находились на грани нищеты. Св. Иоанн хорошо знал, что бедность особенно тяготит перед лицом демонстративно предьявляемого богатства. Златоуст обвиняет крупных землевладельцев в том, что они эксплуатируют зависимых от них работников как мулов или ослов. Он выражается намеренно резко: «Можно ли найти людей еще более несправедливых, чем владельцы угодий, которые выколачивают состояние из

земли?» Особенно жесткие слова Иоанн находит для наживающихся на чужой беде спекулянтов. Он говорит о торговцах, мечтающих о голоде, который умножил бы их золото. Чтобы поднять цены, они либо придерживают, либо дурным хранением умышленно портят зерно и вино. Многие императоры — последним по времени был Юлиан — безуспешно пытались покончить с подобными злоупотреблениями, установив твердые цены. По убеждению Иоанна, богатство обязательно проистекает из несправедливости, даже если она была совершена много поколений назад. Бог сотворил человека для жизни в сообществе. Он дал нам землю, солнце, воздух, воду как совместное достояние. Конфликты же возникают лишь тогда, когда звучат дышащие ледяным холодом слова «твое» и «мое». Св. Иоанн убежден в том, что «общность имущества — более подобающая и естественная форма для человеческой жизни, чем частная собственность». Весьма вероятно, что многие были готовы с этим поспорить. В одной из проповедей Златоуст разбирает чье-то утверждение, что всякое богатство — дар Божий. Авторы этой апологии накопленного имущества ссылались на слова пророка Аггея (2:8): «Мое серебро и Мое золото, говорит господь Саваоф». По словам Златоуста, они дополняли этот библейский стих фразой «И Я дам их, кому захочу». Иоанн дает нелюбезную отповедь этому искажению Священного Писания.

Самого себя Иоанн ощущал посланником бедных людей. В проповеди на 1 Послание к Коринфянам он говорит о них: «Как собаки бродят они по аллеям города, толпятся на углах улиц, заходят во дворы больших домов. Из подвалов доносятся их крики и мольбы о подаении». В надежде на милостыню нищие вынуждены паясничать и фиглярствовать; Иоанн с болью говорит о том, что некоторые даже намеренно ослепляли своих детей, рассчитывая собрать со слепым ребенком больше денег. И все это происходит в городе, где «ученики впервые стали называться христианами» (Деян 11:26), в том месте, которое, как говорит Иоанн, породило просвещеннейших людей.

Златоуст наставляет своих слушателей: «Если вы уже устали от молитв и все равно не получаете просимого, подумайте, как часто вы слышали мольбы нищего и не ответили на них». «Бог услышит вас не оттого, что вы простираете руки», — этот молитвенный жест известен нам по позднеантичным воспроизведениям живописи катакомб, — «простирайте руки не к небу, а к нищим!» Центральное значение для Иоанна имеет понятие сострадание, от которого происходит немецкое Almosen (милостыня). Однако сострадание означает для Златоуста нечто гораздо большее, чем просто милостыня. Сострадание — это любовь и открытость по отношению к ближнему, она может проявляться в самых разных делах милосердия: от доброго слова до конкретной материальной помощи. Сострадание — это сила, низводящая Бога к человеку и возводящая человека к Богу. «Возлюбим же эту добродетель, — восклицает Иоанн, — возревнуем о ней ни день и не два, а всю нашу жизнь, чтобы она узнала нас, как своих. Если признает нас она, признает и Господь. Если она отречется от нас, отречется и Он и скажет: “Я не знаю вас”. Не дай нам, Боже, услышать эти слова! Да прозвучит для нас сей блаженный призыв: “Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира”». Приведенный отрывок из Евангелия от Матфея имел для св. Иоанна величайшее значение. Слова облеченного Божественной славой Христа о том, что сострадание и милосердие, оказанные самым незначительным из окружающих нас людей, относятся лично к Нему (Мф 25:31-46), стали фундаментом социальной этики антиохийского пресвитера²⁶. Златоуст призывает своих слушателей посвятить самих себя на служение обездоленным, доставляя им непосредственную помощь. Он говорит также о пожертвованиях, предназначенных для поддержания социального служения церкви, и убежден в том, что нищету, ставшую роком для тысяч антиохийцев, можно заставить отступить. В антиохийской церкви существовал список, куда входило около трех тысяч вдов, получавших регулярную поддержку. Помимо этого церковь несла попечение о больных, инвалидах, чужестранцах, приезжих и узниках. Неподалеку от храма св. Иоанна существовал приют для страдавших неизлечимыми недугами, такими как рак или элифантиаз.

Однако мы отдалимся от истины, если резкие выпады Иоанна против назойливой роскоши и

маниакальной расточительности богатых, а также его призывы неустанно жертвовать для бедных подтолкнул нас к тому, чтобы увидеть в нем социального революционера. В самом деле, незадолго до Первой мировой войны отдельные социально-религиозные группы стремились превратить Златоуста в родоначальника социализма или даже коммунизма, а Николай Бердяев полагал, что перед заостренной критикой св. Иоанна бледнеет сам Маркс. Этот взгляд безусловно улавливает нечто исключительно существенное для Иоанна Златоуста. При этом ускользает из виду то, что фундаментальное изменение существующего общественного порядка не только не попадало в поле зрения Иоанна, но и вообще, за немногочисленными малозначащими исключениями, оставалось вполне чуждым для античной мысли. Златоуст настойчиво и методично призывал свою аудиторию к помощи бедным. Развивал он и социальные утопии, однако такие, которые, по его убеждению, были не пустыми фикциями, но реальной силой, влияющей на современную ему практику. Показательным примером здесь может послужить его отношение к рабовладению.

Разделение общества на свободных и рабов являлось всеми признаваемой реальностью общественного порядка, и св. Иоанн не составлял в этом смысле исключения. Более того, благодаря дарственным и завещаниям обладательницей рабов сделалась сама церковь. В переданных ей по воле усопших дарителей латифундиях жили сотни рабов. Рабы же обслуживали и находившиеся в ведении церкви пекарни. Иоанн нередко говорит о покупке рабов, ни в какой мере не ставя ее под вопрос. Вслед за апостолом Павлом (1 Тим 6:2) он учит рабов оказывать хозяевам всяческое почитание. При этом имеющие рабов христиане не имеют права забывать, что Бог удостоил и их самих и их рабов одной и той же благодати и что причащаются они от одного и того же святого престола. Во Христе нет ни «раба, ни свободного» (Гал 3:28) — вот принцип, действующий в христианской общине. Поэтому недопустимо бить раба или пороть рабыню. Для социальной мысли св. Иоанна показательна оценка рабства как противоречащего природе явления. В этом он солидарен с другими христианскими авторами и резко расходится с «mainstream» греческой культуры. Рабство — следствие греха. Его порождают любостяжание и жажда власти. Если бы заповедь любви к Богу и ближнему исполнялась, рабство бы исчезло. Иногда в своих проповедях Иоанн дает совет отдавать рабов в обучение какому-нибудь ремеслу и затем отпускать на свободу.

Питер Браун выразительно акцентировал то новое значение, которое приобрело для св. Иоанна человеческое тело. Слушавшие его проповеди антиохийские христиане должны были научиться с состраданием сознавать, что «у безымянных нищих есть такое же тело, как и у них самих: подверженное опасностям и лишениям, глодаемое голодом, болезнями и нищетой». Особое внимание к телу сказывается и в том, как Златоуст мыслит о браке, сексуальной сфере и воздержании. Он терпеливо объясняет, что тела женщин и мужчин принадлежат им самим, а отнюдь не стоят на службе города. Для Иоанна важно подчеркнуть общность происходящей от Адама человеческой природы, неизбежную для всех и независимую от положения в обществе уязвимость тела. Тем самым, он бросал вызов всему, что считалось нормой в его городе. Показательным в этом отношении является феномен наготы. Социальный статус наготы имел две стороны. Состоятельный человек купался и появлялся обнаженным перед прислугой, не испытывая при этом никакого стыда. Когда знатная дама раздевалась в присутствии своей разнополой свиты, ее сознание социальной пропасти между ними было столь всеобъемлющим, что она была далека даже от мысли о стеснении. С другой стороны, эта же идея социального разрыва делала беззащитными девушек из низших слоев. В роскошных водных представлениях антиохийских театров их обнаженные, усеянные мелкими брызгами тела должны были изображать нимф, которым город был обязан изобилием своих водных богатств. Все та же пропасть отделяла этих дочерей бедноты от с восторгом наблюдавших за ними богатых зрителей, среди которых находились и прихожане Иоанна. У этих девушек не было права на связанный с полом стыд. Именно против обрисованного социального барьера и восстает св. Иоанн, опираясь на идею об общей природе всех людей. «Не говори мне, что та обнаженная — проститутка, и проститутка, и

свободная имеют одну природу, одно и то же тело». Тем самым, Златоуст формулирует мысль, которой в будущем было суждено приобрести большое значение. П. Браун отмечает носящийся в воздухе того времени сдвиг общественного сознания, нарастающее «чувство, что все люди уравниены в мрачноватой демократии сексуального стыда». Жертвой этого сдвига стали смешанные общественные бани. Теперь, даже если их строят язычники, в них устраивают два отдельных отделения для женщин и мужчин. В Большой антиохийской церкви в те времена, когда Иоанн произносил там свои искрометные проповеди, женскую сторону от мужской отгораживала незадолго до того поставленная деревянная перегородка.

Антиохийское богослужение

Воскресное богослужение начиналось в девять часов и продолжалось примерно до полудня. Верующие омывали руки в притворе. Затем народ, клир и епископ торжественно входили в храм. Молились стоя, в особых случаях — всю ночь. Прежде чем занять свое место на кафедре²¹, епископ приветствовал присутствующих словами «Мир вам!» Ему отвечали: «И духу твоему!» После этого на амвон выходил чтец, который зачитывал отрывки из Ветхого Завета или апостольских посланий. Чтения перемежались с псалмопением, которому придавалось особое значение. Иоанн говорил, что Бог соединил горние истины с пением для того, чтобы сделать их более доступными. Как и по сей день у православных, церковная музыка не предполагала никаких инструментов: они были допущены только в ветхозаветном Храме для укрепления веры иудеев.

После того, как чтец уходил, диакон нараспев прочитывал воскресное Евангелие, которое слушали стоя. В Константинополе на большие праздники Евангелие читал сам епископ. Вслед за этим бывала проповедь, которую епископ произносил, сидя на своей кафедре, а священник — с амвона. После следовавших затем молитв оглашенные, т. е. готовящиеся к крещению, должны были покинуть храм. Церковная завеса задергивалась, закрывая алтарь. Все преклоняли колена, и диакон призывал к совместной молитве. Молились лицом на Восток с простертыми вверх руками. Храм наполнялся кадильным благоуханием. Чтения из Священного Писания мужчины слушали без головных уборов, женщины — с покрытой головой.

Евхаристия бывала по воскресениям и праздничным дням. Св. Иоанн предостерегал верующих от недостойного принятия Святых Даров. Реальность евхаристической жертвы он подчеркивал выразительно и сильно. У принявшего в себя тело и кровь Христовы язык обогреть кровью; этим языком невозможно злоречить на ближнего. Некоторые из верующих имели обыкновение сплевывать после причастия; нет ли здесь связи с упомянутыми представлениями? Предполагается, что именно Златоуст, став константинопольским епископом, ввел обычай съесть после причастия кусочек хлеба или выпивать глоток воды.

Богословские темы

Константинопольский собор 381 года положил конец долгому спору о православном понимании отношения трех Божественных ипостасей друг к другу. Годы служения св. Иоанна приходятся, тем самым, на эпоху затишья после ожесточенной богословской полемики. Здесь, безусловно, кроется одна из причин, объясняющих его исключительную сдержанность в высказываниях о христианском учении и догматах. Еще одна причина заключалась в том, что непростое церковно-политическое положение Антиохии подсказывало политику осторожности в

²¹ Кафедрой назывался помещавшийся в апсиде кафедрального собора (отсюда его наименование) епископский престол, с которого епископ проповедовал. Во время проповеди епископ сидел, слушали его стоя.

вопросах веры. Помимо этого, практика жизни по вере интересовала Иоанна в большей степени, в силу его личных склонностей и убеждений. Прихожане могли услышать из его уст слова о том, что «Бог прославляется не догмами и формулировками, а истинно христианской жизнью». Для его богомыслия характерно сочетание теологических аспектов с этическими. Это хорошо видно на примере центрального для него понятия снисхождения или самоуничужения, которое могло употребляться Златоустом в весьма различных контекстах. В первую очередь, это понятие важно для понимания Священного Писания. Бог идет навстречу ограниченности человеческой способности постижения и позволяет говорить о Своем гневе или Своей любви, о Себе как об Отце, т. е. согласно человеческим представлениям. Тем же самым принципом должен руководствоваться и проповедник: нужно отдавать себе отчет в том, что может быть понятным и непонятным для слушателей, нельзя говорить поверх голов. В то же самое время, понятие самоуничужения ведет в самую сердцевину богословия Златоуста. Сотворение мира есть проявление любви Бога к людям. В еще большей мере это относится к Его самоуничужению на Кресте. Снисхождение Бога ведет к восхождению человека. Однако, тем самым, милосердное снисхождение к ближнему становится идеалом высшего совершенства и для нас, людей. Ибо в лице каждого нищего наше подаяние принимает Сам Бог. Христос не оставляет нас и после Своей искупительной смерти и Воскресения. Во многих проповедях Златоуст подчеркивает, что Господь и по сей день претерпевает голод и жажду, чтобы завоевать наши сердца. Потому нет «ничего бесполезнее, чем человек, не умеющий любить», и «ничто не характеризует человека так, как милосердие». Одна правая вера сама по себе нас не спасет. Без смирения и милосердия к ближнему прощения не заслужить. В гомилии на Послание к Ефессянам Иоанн говорит: «Мы не спасемся ни одними делами, ни одной благодатью, но и тем и другим вместе». Все добродетели творит любовь. «Слушайся Бога в Его заповедях, чтобы и Бог услышал тебя в твоих молитвах!» Особой силой дышит следующий отрывок из четвертой проповеди на Первое Послание к Фессалоникийцам: «Если в наши души врывается огонь Солнца Правды, то он не оставляет в них ничего омертвевшего или жестокого, вредоносного или бесплодного, но животворит все в кротость, сладость и приятность. Если будем любить друг друга, этот луч посетит и нас». В одной из гомилий на Послание к Римлянам Златоуст произносит от имени Христа трогательные слова: «Я могу дать тебе горний венец и без этого (имеются ввиду дела милосердия), но Я хочу быть твоим должником, чтобы ты мог носить его без преткновения. Вот почему Я, Который может прокормить себя Сам, хожу нищим, становлюсь у дверей и протягиваю руку. Я хочу, чтобы ты накормил меня, потому что люблю тебя. Поэтому Я прихожу и сажусь за твой стол, как за стол друга».

Если бы мы спросили, что же все-таки предшествует — Божья благодать или действие человека, то этот вопрос оказался бы несоответствующим образу мысли святого отца. Златоуст не сталкивает противоположности, его мысль движется по своего рода кругу, не имеющему ни начала, ни конца. В конечном счете, однако, для Иоанна совершенно ясно, что первична именно благодать, изменяющая человеческую волю, но не природу. Намеченное у Златоуста приобрело в богословии восточной церкви важное значение.

Совершенно иначе вышеназванная проблема осмыслена у блаженного Августина, чье влияние в аспекте учения о первородном грехе ощущается в западной христианской мысли и по сей день. Подобно Августину и, в согласии с ап. Павлом, св. Иоанн также мог говорить об искуплении одной лишь Божественной благодатью безотносительно к добрым делам.

Однако данное учение Златоуст не воспринимал как средоточие богомыслия ап. Павла, будучи в этом отношении солидарным с другими свв. отцами Востока, для которых на первом месте стояло благовестие Павла о новой жизни во Христе. Эта трактовка, вне всякого сомнения, по своей глубине ничем не уступает взгляду западных богословов, усматривавших главную мысль апостола в его учении об оправдании.

Иоанн Златоуст убежден в том, что люди содействуют своему спасению. И содействуют не

потому, что Бог не может даровать нам его без нашего участия, но потому, что Он хочет этого участия. Позднее взаимодействие Бога и человека в деле человеческого спасения, получившее название «синергизм», на Западе было отвергнуто как богословски неадекватное.

Среди богословов Запады неизменно пренебрежительно об Иоанне Златоусте отзывался Мартин Лютер, считавший его ничего незначащим болтуном. Однако, по собственному признанию, читал Лютер одни лишь гомилии на Послание к Евреям. Напротив, базельский реформатор Эколампад признавался, что чувствует необычайную тягу к этому святому отцу. Эколампаду принадлежат значительные части перевода в осуществлявшемся под руководством Эразма издании творений Златоуста, которое вышло в Базеле в 1522/1526 и 1530/39/ 57 годах Эколампад снабжал святоотеческими цитатами Цвин-гли. В корпусе богословских сочинений последнего фиксируется 42 места со ссылками на св. Иоанна. Высоко ценил Златоуста и Кальвин. Об этом свидетельствуют многочисленные заметки на полях принадлежавшего ему парижского издания 1536 года, хранящегося ныне в университетской библиотеке Женевы. Различие в оценке Иоанна Златоуста между Мартином Лютером и лютеранами, с одной стороны, и швейцарскими реформаторами, с другой, отражает богословские разногласия в вопросе о соотношении оправдания и освящения, продолжающие и поныне вызывать острые дискуссии.

Неожиданное распоряжение

В конце октября 397 года Иоанн получил от комита Востока и антиохийского наместника срочное распоряжение без промедления прибыть к часовне мучеников, что у Римских ворот. Ворота назывались Римскими потому, что через них проходила дорога на Константинополь, новый Рим. Этот приказ коренным образом изменил жизнь Иоанна.

Иоанн к тому времени уже заявил о себе как наиболее одаренный проповедник Империи, завоевав своими речами бессмертную славу. С VI века его начинают именовать Хрисостомом, т. е. «Златоустым». Из всех проповедей, дошедших до нас со времен древней церкви, пожалуй, лишь его гомилии можно читать в качестве таковых и в наши дни. При этом едва ли приходится говорить о сколь либо заметном вкладе Иоанна в развитие христианского вероучения. Его значение связано с совершенно иной областью. Свои усилия Златоуст вкладывал в то, чтобы сроднить доверенную ему общину с основами христианской веры и нравственности и таким образом создать общую для всех систему ориентиров, сравнимую с той, что предлагало для высших общественных слоев классическое образование. Вопрос о соответствии между христианской верой и христианским образом жизни был поставлен им с беспрецедентной в святоотеческой литературе остротой. В церковном сознании глубоко укоренилась его мысль о том, что, если христиане не хотят отступить от своего призвания, они обязаны быть защитниками обездоленных.

Впрочем, его радикальная концепция замены городского сообщества на совокупность частных христианских семей не имела успеха. Используя формулировку Питера Брауна, можно сказать, что целью Иоанна было «лишить город его живучего мифа, утверждавшего, что граждане обязаны приумножать вечную славу родной Антиохии». Иоанн объявил брак частным делом каждого и обратил свое внимание, в первую очередь, на семью. Город с его блеском и развлечениями, ужасами и жестокостью, т. е. сферу, в которой семья существовала в повседневной жизни, он рассматривал, преимущественно, с одной точки зрения, а именно, с точки зрения конфликта между богатством и бедностью. В его проповедях не фиксируются важные городские события как, например, заставившая Антиохию содрогнуться казнь комита Востока Лукиана, который в начале 395 году был насмерть заперт плетью со свинцовыми набалдашниками по приказу всесильного префекта претория Руфина. Чтобы усмирить готовую разразиться бурю народного возмущения, Руфин повелел построить рядом с царским дворцом на острове Оронта новый общественный портик. Тем самым, он проявил себя по

отношению к городу как меценат, хотя и из сомнительных побуждений.

Готовность богатых граждан украшать родной город величественными зданиями, чинить за свой счет акведуки или мостить улицы, жертвовать средства на постановку театральных представлений или организацию спортивных состязаний была одним из столпов античного общества. К концу IV века поток инвестиций начал перемещаться от общественных построек, культовых действий и праздников к частному строительству и демонстрации богатства и власти в общегородских мероприятиях. В одном из своих произведений Иоанн весьма наглядно изображает появление подобного благотворителя в театре: «Они рукоплещут ему как защитнику и благодетелю города», называют его «Нилом или даже океаном пожертвованый»²². Однако Златоуст данный феномен расценивает однозначно критически как пример тщеславия. Ничего положительного не усматривал он и в соревнованиях колесниц, ставших тем церемониалом игры власти и счастья, на котором окрепшие города восточной части Империи опробовали свое новое нерелигиозное чувство стабильности и удачи²³. Эти заезды были его соперниками, они опустошали его храм и манили его верующих совсем иным чувством взаимной связи, чем то, которое хотел воспитать у них он.

Св. Иоанн отказывался рассматривать Антиохию в качестве общности горожан, которая для повышения ощущения своей монолитности остро нуждается в грандиозных празднествах. Совместное наслаждение жизнью было чем-то большим, чем простым плаванием по течению. Речь шла о «роскошном ритуале, празднике воли к выживанию»²⁴. Если бы над шумными ристалищами и иными местами коллективных радостей установилась тишина, это, как нельзя более, удовлетворило бы Златоуста. Однажды идеал был почти достигнут. Во время «восстания против статуй» уполномоченные императора в качестве первой из мер наказания распорядились закрыть бани, театр и ипподром. В одной из проповедей этого времени Иоанн сказал: «Что же из того, что нет доступа к театрам и на ипподром? Я бы желал, чтобы сии источники всяческого нечестия никогда бы не открывались впредь»²⁵. Общественная жизнь города была для него «свалкой сатаны»²⁶.

Ближайшие десятилетия и даже два последующих столетия не слишком сильно изменили Антиохию. Желая превратить город в совокупность христианских семейств, Иоанн переоценил свою возможность повлиять на позднеантичную городскую культуру²⁷. Общественные церемониалы оставались, в основных чертах, языческими, жестокими и эротическими. Обнаженные девушки по-прежнему изображали нимф на искрящихся водяными брызгами сценах. А в конце VI века антиохийский епископ вернулся из Константинополя с деньгами, переданными ему как уполномоченному представителю города для ремонта ипподрома.

Итак, в конце октября 397 года св. Иоанн появился у Римских ворот. Здесь его уже ожидала колесница антиохийского наместника Астерия. Он пригласил Иоанна занять место рядом с ним, и вот уже кони мчатся к Паграм, первой почтовой станции по дороге на Таре.

⁵⁵ О тщеславии и о том, как родителям следует воспитывать детей, 4. De inani gloria et de educandis liberis, 4.

⁵⁴ См. об этом Peter Brown, Die letzte Heiden. Eine kleine Geschichte der Spätantike, Berlin, 1989, 86.

⁵⁵ Peter Brown, Die Keuschheit der Engel, 323-324.

⁵⁶ Беседы о статуях, 17, 2.

⁵⁷ In epistulam i ad Corinthios, 12:6.

⁵⁸ См. об этом Peter Braun, Die Keuschheit der Engel, 323-330.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (397-403)

Епископская хиротония

Лишь по пути Астерий рассказал Иоанну, что там его ожидают два чиновника из Константинополя с императорским приказом сопроводить его в столицу. Ему предстоит быть рукоположенным в епископы. В особом послании император распорядился соблюдать при исполнении этой миссии строгую секретность: очевидно, из опасения беспорядков, которые могли возникнуть, если бы антиохийцам открыто объявили о перемещении их обожаемого проповедника. Тем не менее, епископ Флавиан, как кажется, был посвящен в планы двора. Астерий оставил Иоанна в неизвестности относительно причин его избрания на столичную кафедру. Вероятно, точных сведений не было и у него самого. В Паграх он препоручил Иоанна заботам прибывших из Константинополя придворного евнуха и личного адъютанта коменданта дворцовой стражи. Ехали с императорской курьерской почтой сначала в Таре — родной город апостола Павла, затем через Таврские горы в Анкиру (нынешнюю столицу Турции Анкару) и, наконец, проехав Никомедию (ныне Измит), на Константинополь.

Протяженность пути составляла примерно 1200 километров. Курьер-скороход, менявший лошадей на каждой станции, мог домчаться из Антиохии в Константинополь за шесть дней. Иоанн путешествовал гораздо дольше, возможно, около сорока дней. Мы не имеем возможности судить о том, чем были заняты его мысли в пути. Столь же мало у нас сведений и о том, какие из своих вещей он просил привезти из Антиохии в столицу. Вероятно, это были книги. Скорее всего, в его библиотеке были и греческие классические авторы. Хотя Златоуст никогда напрямую не говорит о своих языческих книгах, однако он нередко вплетает в свои проповеди цитаты и примеры из них. Одного Платона он цитирует более сорока раз.

Подобно большинству христианских авторов своего времени, св. Иоанн относился к языческой классике достаточно амбивалентно. В связи с этим, можно вспомнить о сие блаженного Иеронима, в котором Господь сказал Своему любимшему латинских классиков последователю: «Ты не христианин, а Цицеронианец». В одном из писем Иероним уверяет, что с того часа он даже не прикасался к языческим писателям. Златоуст познакомился с ними во время своей учебы, оттачивал на их образцах свой стиль и язык, однако все они вместе со своими мифами о богах и героях были для него явлениями уходящего в небытие мира. Истинная философия была теперь на стороне христиан, которые были готовы не просто говорить об аскезе, но и жить как аскеты. Поэтому единственная книга, которую Иоанн рекомендует для чтения наряду с Библией, это «Житие святого Антония Великого» — жизнеописание родоначальника египетского монашества, написанное в 357 году александрийским епископом Афанасием. «Житие» за короткое время снискало невиданный успех: его читали во всех уголках тогдашнего мира. Блаженный Августин рассказывает, какое ошеломляющее впечатление на него, находившегося в то время в Медиолане, произвел рассказ о том, как в Трире под влиянием «Жития» два императорских чиновника сменили блеск своего обеспеченного существования на простую и суровую жизнь отшельников.

В Константинополь Иоанн прибыл в начале декабря. Город был заново основан и торжественно освящен при Константине Великом 11 мая 330 года на месте небольшого селения Византий. Своим именем он был обязан императору и во времена Златоуста воспринимался уже как город с большой буквы. В восточной части империи, имея в виду Константинополь, говорили просто «Едем в город». Слова «в город» дали современное турецкое название Истанбул. Перед глазами приезжего Константинополь представлял как один из мегаполисов Римской Империи, поражавших размахом площадей и общественных зданий, шириной, по большей части, прямых, как стрела, улиц. Все это

пространство было отвоевано при помощи насыпных террас. План и устройство «Нового Рима» были даже в частностях, насколько это возможно, заимствованы у западного прототипа вплоть до разделения на 14 частей и привязки к 7 холмам. Император Константин богато украсил свою новую столицу. По его приказу из Рима и Сицилии, Антиохии, Афин и Малой Азии в Константинополь были доставлены прекраснейшие статуи богов и знаменитых людей древности. Из этих сокровищ на Западе нам более всего известна чудесная четверка коней Лисиппа, которую он велел привезти из Рима. История этого скульптурного изображения представляет собой хрестоматийный пример «грабежа» предметов античного искусства: при Нероне она была доставлена в Рим с острова Хиос и установлена на триумфальной арке императора. Венецианцы похитили ее в 1204 году в ходе четвертого крестового похода и увезли в Венецию, украсив ей собор св. Марка, который они построили по образцу церкви Святых Апостолов в Константинополе. При Наполеоне она некоторое время красовалась на Триумфальной арке в Париже. В свое время бл. Иероним сетовал на то, что Константинополь оснащен награбленным из почти всех прочих городов.

По дороге из Никомедии колесница с новым епископом достигла застроенного вилами предместья Константинополя Халкидона. Незадолго до того перед путешествующими промелькнула высокая роскошная церковь апостолов Петра и Павла. Она была выстроена по приказу казненного три года назад министра Руфина. Он же построил и дворец, рядом с которым находился небольшой монастырь. В честь Руфина дворец называли Руфинианай, однако более известным было название «Под дубом». Сам того не зная, Иоанн проехал мимо мест, которым было суждено сыграть в его судьбе важную роль. Из Халкидона на корабле переправились в столицу; там уже ждала колесница, доставившая нового архипастыря в епископскую резиденцию, которая находилась к юго-западу от Священного Дворца. Десять лет назад арианская чернь подожгла резиденцию епископа Нектария. Толчком для этого акта послужило известие о поражении императора Феодосия в битве с узурпатором Максимом в Северной Италии. Впоследствии эти слухи оказались ложными. К моменту приезда Златоуста восстановительные работы еще не были закончены.

Издав в 380 году специальный эдикт, Феодосий Великий решительно изменил status quo между православными и арианами (о богословских убеждениях последних мы уже говорили). Если с 339 по 379 год ариане находились в большинстве, то теперь они были вытеснены с ведущих позиций. До 380 года православным было запрещено использовать находившиеся на территории города храмы. Теперь молиться за пределами городских стен были вынуждены ариане. Все это накаляло обстановку, в воздухе витали взаимные обвинения в актах насилия вплоть до убийства целых групп инакомыслящих. Таким было наследие времени.

Константинополь был столицей империи и официально рассматривался как христианский город. Однако похвастаться значительным христианским прошлым Константинополь мог едва ли. В то время как Иоанн в Антиохии с гордостью указывал на апостолов Петра и Павла, апостольские корни столицы должны были выстраиваться шаг за шагом. В 360 году при Констанции II было завершено возведение церкви Святых Апостолов, куда перенесли мощи апостола Андрея, евангелиста Луки и св. Тимофея. Не было в Константинополе и заметной языческой традиции. Хотя император Константин и приказал отреставрировать храм Кибелы, гораздо более заметными были выстроенные по его распоряжению христианские церкви. На главной возвышенности города был возведен храм Святой Софии Премудрости Божьей. Церковь св. Ирины (ее имя означает по-гречески «мир») должна была напоминать о деяниях Константина и о установленном им мире. Ротонду церкви Святых Апостолов император избрал в качестве места последнего упокоения для себя и тех, кто должен был прийти ему на смену. Позднее Констанций II пристроил к ней базилику.

В Антиохии христиане находились в — пусть и незначительном — большинстве; наряду с наиболее многочисленной группой православных, объединившейся вокруг епископа Флавиана и его пресвитера Иоанна, существовали и другие более мелкие. Без малого седьмая часть населения

исповедовала иудаизм, приблизительно треть составляли язычники. Иоанн стремился воспитать у своих верующих чувство осознанной принадлежности к одной и той же церкви, поэтому он настаивал на проведении ясных и резких границ между своими и чужими. Он действовал так, как будто представлял религию меньшинства. «Христианская эпоха еще не пришла». Отсюда проистекает то пламенное рвение Златоуста, которое бывает присуще «необремененным ответственностью власти». Питер Браун пронизательно заметил, что харизма Иоанна в его антиохийский период была харизмой защитника интересов определенной партии.

От столичного епископа, напротив, ожидали умиротворяющего стояния над партиями, умения дипломатично посредничать, представителью выступать. Не менее важным был навык склонять на свою сторону влиятельные круги. Всем этим и подобным ожиданиям блестяще удовлетворил предшественник Иоанна на константинопольской кафедре Нектарий, почивший 26 сентября 397 года. До своего избрания на епископское служение он был высокопоставленным сановником, который еще даже не принял крещения. Само по себе это обстоятельство не было столь необычным, как это может показаться. Подобным же образом не был крещен и знатный чиновник Амвросий, когда его избрали на должность епископа Медиоланского. Далеко не все видели в Златоусте епископа-мироотворца и представительного дипломата, как видели его в Нектарии, что доставило проповеднику немало неприятностей. Уже самое начало его константинопольского поприща стояло под несчастливой звездой. Его кандидатура была предложена императору Аркадию Евтропием, человеком, носившим почетный титул Praepositus sacri cubiculi, т. е. начальник царских покоев²⁸, который стоял во главе всего штата дворцовых слуг и придворных евнухов. Нам неизвестны мотивы этого поступка могущественного министра. Хотел ли он, чтобы всемирно известный проповедник находился в столице? Или же он надеялся на то, что известный своей критикой несправедливого богатства пресвитер окажется полезным в его борьбе с состоятельным сенаторским сословием? Тень на сделанный Евтропием выбор набросил Александрийский патриарх Феофил. Повода радоваться кандидатуре Иоанна у него не было постольку, поскольку он рассчитывал возвести на стратегически важную константинопольскую кафедру преданного ему человека. Когда из этого ничего не вышло, возникла угроза ослабления влияния египетской митрополии. Именно по этой причине Феофил поначалу отказался участвовать в рукоположении Иоанна. Однако Евтропий вынудил его на этот шаг, шантажируя поступившими в императорскую канцелярию документами с жалобами на Феофила. Последний тут же смягчился и, выбрав меньшее из зол, рукоположил Иоанна. Однако унижение не было забыто. И месть Феофила постигла отнюдь не Евтропия.

Относительно дня хиротонии единого мнения не существует^{29 30 31}. Из двух сообщаемых нашими источниками дат — 15 декабря 397 года и 26 февраля 398 года — обычно предпочтение отдается более поздней, о которой говорит, как правило, достаточно надежный историк Сократ. Лично мне более достоверным кажется 15 декабря: по какой причине рукоположение стали бы затягивать еще на два месяца, в то время как после смерти Нектария прошла уже почти четверть года? Возможно, в декабре Иоанн был рукоположен, а 26 февраля состоялась епископская интронизация. К этому времени Иоанну было около пятидесяти лет, он был невысокого роста, с крупной головой, большим носом и ушами; облик его выражал серьезность. Этим описанием мы обязаны константинопольской литургической книге с указаниями по празднованию памяти святых. Они лишь частично находят свое соответствие в облике, дошедшем до нас на иконописных изображениях святого. В одном из писем Иоанн говорит, что его тело стало непрочным, как паутина. Епископ Палладий пишет, что у него была

²⁸ Конкретные функции, закрепленные за этой придворной должностью, не были официально зафиксированы. Благодаря постоянному контакту с императором исполняющий ее занимал при дворе ключевое положение. Так, только он мог устроить личную встречу с самодержцем.

²⁹ Св. Иоанна нередко называют константинопольским патриархом, что является анахронизмом. Хотя Константинопольский собор 381 года при знал равное достоинство столичного епископа с патриархами Александрии и Антиохии, фактически, статус центра патриархата был присвоен Константинополю только на Халкидонском соборе в 451 году.

борода и лысина, как у пророка Елисея³².

Прежде чем обратиться к началу епископского служения Златоуста в Константинополе, необходимо составить себе представление об этом городе и, в первую очередь, о живших в нем людях, которым выпало сыграть в судьбе Иоанна важную роль. Обилие имен, которые следовало бы назвать, показывает, что Иоанн занимает теперь место, весьма отличное от скромной должности антиохийского пресвитера: сан и близость к центру имперской власти делают его одной из самых значительных личностей в государстве. Мы вынуждены ограничиться узким кругом наиболее важных лиц и не можем претендовать на изображение отношений между ними во всей их многообразной полноте. Прежде всего следует сказать: сделавшись епископом, Иоанн Златоуст выдвигается на заметное место и, в то же время, оказывается в самой гуще политических интересов и интриг.

Император Феодосий назначил своего сына Аркадия соправителем и присвоил ему титул Августа, когда тому было всего лишь шесть лет. В восемнадцать лет Аркадий унаследовал отцовский трон, став самодержцем восточной части Империи в 395 году. Эта ноша была ему, явным образом, не по плечу. Он слыл умственно ограниченным. Злые языки говорили, что его единственное достоинство — красивый почерк. Автор одного из изложений церковной истории того времени Филосторгий, знавший и видевший императора, изображает его низкорослым и смуглым. «Умственная вялость сказывалась в речи и даже в выражении глаз, полуприкрытых, сонных и усталых». В скульптурном портрете Аркадия — мастерски исполненном бюсте, находящемся ныне в археологическом музее Стамбула — ощутима легкая нервозность. Очертания лица нежны и хрупки, контуры выразительны. Описание Филосторгия и каменный бюст нелегко свести воедино. Историк, в качестве представителя строгого арианского направления, мог относиться к православному императору с предубеждением; резчик же, напротив, был связан требованиями придворного стиля, который в те времена предписывал изображать знатных людей Империи исполненными благородства и одухотворенной серьезности.

Прежде чем обратиться к императрице Евдоксии, скажем несколько слов о Евтропии, уже упоминавшемся выше в качестве инициатора избрания Иоанна. Он происходил с Востока Империи и пережил нелегкую юность. Еще будучи мальчиком, он был подвергнут осклоплению и, возможно, в связи с военным нападением продан в рабство. Евтропию пришлось сменить несколько хозяев, удовлетворяя извращенным сексуальным притязаниям некоторых из них. При неясных обстоятельствах ему удалось получить свободу. В судьбе его произошел перелом. Обладая незаурядным умом, к которому жизненные перипетии добавили хитрость и изворотливость, Евтропий смог утвердиться в царском дворце. Свою ошеломительную карьеру ему удалось сделать при Феодосии Великом. Император доверял ему особо важные поручения. Так, именно он перед началом похода против узурпатора Евгения был послан к знаменитому отшельнику Иоанну в Египет, чтобы спросить его об исходе предстоящей битвы. В 395 году он становится главным камергером двора, что, помимо прочего, сделало его единственным человеком, способным устроить частную аудиенцию у императора. Именно это дало ему ни с чем не сравнимую власть. Возникает конфликт с префектом претория Руфином. Исторически исполнители этой должности возглавляли императорскую гвардию; в послеконстантиновскую эпоху префект претория стоял во главе исполнительной власти, являясь кем-то наподобие могущественного премьер-министра. Из столкновения с Руфином Евтропий вышел победителем: ему удалось воспрепятствовать осуществлению планов своего соперника. Руфин мечтал выдать замуж за молодого императора свою дочь. Евтропий обратил внимание юноши на красоту Евдоксии, дочери франкского генерала Бавтона, принятого на римскую службу и достигшего должности консула. Свадьба Аркадия и Евдоксии состоялась 27 апреля 395 года.

Еще два генерала — Стилихон и Гайна, — прямо или косвенно, сыграли важную роль в жизни Златоуста. Стилихон родился в 365 году в семье перешедшего на имперскую службу вандала (вандалы

³² См. 4 Цар 2:23.

были одним из германских племен). Уже в восемнадцать лет Стилихон становится военным трибуном. Феодосий I выдал за него замуж свою любимую племянницу Серену. Вершиной карьеры Стилихона было его назначение на должность главнокомандующего римскими войсками на Западе. Умирая, Феодосий поручил его заботам обоим своим сыновей — Аркадия и Гонория. Влияние Стилихона на Гонория возросло еще больше после того, как последний женился на дочери полководца Марии. Побуждаемый же Руфином Аркадий отказался принимать какие бы то ни было советы Стилихона. Более того, Аркадий приказал ему вывести войска из Восточного Иллирика на Балканах и отослать на Восток военные отряды, выдвинутые Феодосием для боевых операций на Дунае. Стилихон повинился и подчинил соответствующие подразделения готу Тайне, который повел их по направлению к Константинополю. 27 ноября 395 года на Марсовом поле, к востоку от города, в местности под названием Гебдомон, Тайна неожиданно для себя заметил, что ему навстречу движется окруженный своей свитой император. Аркадий выехал ему навстречу через Золотые ворота по Виа Эгнация примерно на десять километров за пределы городских стен; среди сопровождавших его был и Руфин. Префект претория объехал воинские ряды, поприветствовал высших офицеров. Вдруг из строя выбежало несколько солдат, сверкнули мечи и Руфин был изрублен на куски. Говорили, что это месть Стилихона; шепотом добавляли, что дело не обошлось без Евтропия. Так это было или нет, но последний унаследовал должность покойного столь же быстро, как и его имения. На последующие четыре года Евтропий сделался почти безраздельным правителем Востока.

Императрица Евдоксия — женщина необыкновенной красоты — была полной противоположностью своего мужа. Она была умна, темпераментна и обладала кипучей энергией. Филосторгий пишет, что ее наполняла дикая сила варваров. Императрица являлась центром кружка придворных дам, которые еще появятся в нашей истории. Важнее других была Марса — в ее семье Евдоксия росла после смерти своих родителей, — а также Кастриция и Евграфия. Среди ее приближенных находился и мужчина, которого, как и Златоуста, звали Иоанн. Помимо дружбы с императрицей он пользовался благоволением императора. Иоанн носил титул комита, а с 401 года исполнял должность министра финансов. По слухам, его связь с Евдоксией имела интимный характер, однако, скорее всего, это была низкая сплетня: Константинополь был и на протяжении столетий оставался местом интриг, расчетливой клеветы, политических комбинаций и убийств. Как бы то ни было, судьба Евдоксии была благоприятнее участи, через много лет постигшей ее невестку Евдокию, которая была вынуждена отправиться в ссылку в Иерусалим на основании аналогичных подозрений. Евдоксия сумела укрепить свое положение, последовательно увеличивая свое влияние на мужа. Ее вера отличалась энтузиазмом, однако не была лишена черт суеверности. Поначалу она была настроена по отношению к новому епископу исключительно доброжелательно. Однако со временем в ее чувствах к нему произошла радикальная перемена.

По размерам Константинополь времен Иоанна Златоустого был сравним с Антиохией. Географическое же положение столицы было еще более впечатляющим, чем у сирийской митрополии: Константинополь был не только и не просто красив; раскинувшись на берегах Босфора, он обеспечивал контроль над проливом. Политический и церковный центр города находился на уходившей далеко в море оконечности полуострова, как раз там, где был основан древний Византий. Здесь император Константин заложил охваченную портиками площадь гигантских размеров, которая в честь его матери Августы Елены получила название Августейон. На ее восточной стороне возвышалась огромная базилика с апсидой; здесь размещался сенат. С юга к площади примыкал Священный дворец. Перестраиваясь и расширяясь, он служил резиденцией византийских императоров вплоть до 1453 года. С северо-западной стороны рядом с дворцом протянулся громадный (400 на 150 м.) ипподром. Здесь императора ожидала специальная ложа — кафизма, соединенная непосредственно с дворцом. Еще и по сей день на месте разделительной стены ипподрома высится обелиск Феодосия. На его цоколе можно увидеть изображение императорской ложи: Феодосий наблюдает из нее за ходом

скачек, справа от него его старший сын Аркадий, слева — Гонорий. К северо-востоку от главной площади находился собор, великая церковь, посвященная Святой Софии Премудрости Божьей. Собор увенчивал деревянный купол. От Августейона отходила парадная улица под названием Месе. Она вела через ряд императорских форумов к географическому центру столицы. Затем она разделялась; направо путь уходил к церкви Святых Апостолов, налево — к Золотым Воротам и начинавшейся за ними Виа Эгнатиа, главной дороге в Рим. Дорога шла вдоль моря. Примерно через десять километров она приводила к Марсову полю. Здесь проходили военные парады и провозглашались новые императоры. Рядом с большим дворцом тут можно было видеть круглой формы церковь. Ее приказал построить Феодосий I для того, чтобы поместить там честную главу Иоанна Крестителя. Вероятно, именно здесь св. Иоанн произнес на празднике Предтечи свою знаменитую проповедь, начинавшуюся словами: «Вновь беснуется Иродиада, вновь требует голову Иоанна»³³. Последствия этой речи оказались для него роковыми.

Центральная улица Месе служила для триумфальных шествий победоносных императоров, а также для церковных процессий, о которых пойдет речь впереди. На форуме Константина стояла порфиновая колонна со статуей императора. Для этого скульптурного изображения использовали статую Гелиоса: голова бога солнца была заменена головой Константина. По его приказу в колонну вмонтировали частицу найденного матерью императора в Иерусалиме Святого Креста. Об этом же напоминала надпись: «Этим знаком побеждай!» Колонна остается на своем месте до сих пор. Сам форум был окружен колоннадой и имел форму эллипса. По обе стороны от его длинной оси находились две триумфальные арки. Через одну из них дорога вела к форуму Феодосия, до которого было около трехсот метров. Здесь также стояла сохранившаяся до наших дней колонна с изображавшей императора статуей. Как сообщается, во время четвертого крестового похода венецианцы, захватив Константинополь, столкнули с этой колонны взятого ими в плен императора Алексея V.

Нартекс³⁴ Святой Софии соединялся особой пристройкой со зданием, в котором размещался женский монастырь, находившийся под началом своей основательницы — женщины по имени Олимпиада. По своему происхождению св. Олимпиада была связана с высшей знатью империи: ее тетка, также Олимпиада, была обручена с императором Константом и после того, как он был убит, вышла замуж за царя Армении Арсака. В 385 году, когда Олимпиаде было 18 лет, император Феодосий выдал ее замуж за префекта Константинополя Небридия, испанца по происхождению. На свадьбу были приглашены несколько епископов: не имея возможности приехать по нездоровью, св. Григорий Богослов прислал к празднику чудесные стихи. Брак оказался недолговечным: вскоре Небридий умер. Вопреки настойчивым предложениям Феодосия, склонявшего ее к повторному замужеству, Олимпиада избрала вдовство. По ее словам, если бы ее истинный Царь Иисус Христос уготовал для нее жизнь в браке, Он не допустил бы столь ранней смерти Небридия. Настойчивость императора объяснялась почти невообразимым богатством Олимпиады. Ее имения раскинулись по четырем провинциям Востока. Через пять лет епископ Нектарий — вопреки существовавшим канонам³⁵, предусматривавшим более солидный возраст — посвятил ее в диакониссы константинопольской церкви. В этот день Олимпиада пожертвовала на церковные нужды десять тысяч фунтов золота, двадцать тысяч фунтов серебра, свои поместья во Фракии, Галатии, Каппадокии и Вифинии, а также

³³ В этой проповеди Златоуст с риторическим напором пересказывает отрывок из Евангелия от Марка (6:17-29) так, как будто действие происходит на глазах у слушателей. В Евангелии танцует не Иродиада, а ее дочь, которую мать подучивает просить себе в награду за пляску голову Крестителя Иоанна. В святоотеческой литературе иногда встречаются и сопоставления современников с отрицательными евангельскими персонажами. Так, с той же Иродиадой сравнивает императрицу-мать Юстину св. Амвросий Медиоланский.

³⁴ Название нартекса получило помещение, примыкающее спереди к раннехристианскому или византийскому храму. На Востоке нартекс был, как правило, закрытой частью церкви, принадлежавшей к ее сакральному пространству, и, в связи с этим, богато украшенной мозаиками и иконами. На Западе нартекс, напротив, обычно представляет собой открытую пристройку.

³⁵ Канонами называются запрещения и предписания церковного права.

три столичных дворца. Остаток своего имущества св. Олимпиада употребила на помощь бедным. Помимо этого, она с радушием принимала и богато одаривала епископов, приезжавших по делам своих епархий в столицу. Ее гостями были св. Епифаний Кипрский и Феофил Александрийский, епископы, впоследствии ставшие открытыми противниками Златоуста. Идеалом Олимпиады была знатная римлянка Мелания Старшая, которая оставила родной город, переселилась в Святую Землю и основала в Иерусалиме монастырь, в котором под единым руководством спасались и женщины и мужчины. Духовным наставником Мелании был пресвитер Руфин из г. Аквилея. В 400 году ей и ее внучке Мелании Младшей предстоит вернуться в Рим. Здесь она примет в своем доме сторонников лишенного епископской кафедры Иоанна Златоуста, которые придут в центр западного христианства, чтобы добиться справедливости. В их числе будет находиться и биограф Иоанна Палладий.

Св. Иоанн познакомился с Олимпиадой, по всей видимости, сразу после своего приезда в Константинополь. Ее монастырь, где жило около полутора сотен женщин, располагался непосредственно за оградой епископского дворца. С самого начала между ними возникла дружба, которая со временем приобретала все большую глубину. Олимпиада стала тем человеком, с которым Златоуст был доверителем и откровенен, ей он мог рассказать о том, что у него лежало на сердце, она делила с ним его заботы. Оба они жили одной верой, одним и тем же монашеским подвигом. Олимпиада несла попечение о ризах Иоанна, по ее распоряжению для него готовилась привычная ему простая пища. Сам Иоанн взял на себя духовное окормление ее монастыря, где он нередко проповедовал. Подобно Иоанну, Олимпиада испортила себе желудок чрезмерным постом. В Константинополе Златоуст иногда позволял себе горячие ванны: после двух лет, проведенных им в пещере, он стал чрезвычайно чувствительным к холоду. Олимпиада же в горячих ваннах себе отказывала, и если мылась вообще, то делала это весьма редко. При этом она не снимала нижней рубашки, чтобы ни слуги, ни она сама не могли видеть ее наготы. Читатель помнит, каким образом эта тема осмыслялась Златоустом в Антиохии. Св. Олимпиада была необычайной женщиной. Палладий высказал ее высшую в собственных глазах похвалу, написав в своем житии св. Иоанна, что она была в большей степени мужчина, чем женщина. Ей были присущи независимость, сильная воля и одновременно глубоко эмоциональный внутренний мир. Современный английский биограф Златоуста Келли задает в этом контексте прямой и недвусмысленный вопрос, который может прийти в голову и современному читателю: не имели ли близкие отношения между Иоанном и Олимпиадой сексуального аспекта? Келли справедливо говорит о том, что идеальная сторона этого аспекта их отношений прекрасно осознавалась и той и другим. При этом и он и она самым решительным образом отвергали свою собственную сексуальность. Эта не всегда понятная для нас сегодня установка являлась в то время определяющей для множества женщин и мужчин. Встречаясь, святые с изысканной вежливостью держались друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Келли завершает соответствующий раздел своей книги следующим замечанием: «Мы можем лишь догадываться, чего стоили им эти усилия. Если их влияние на Иоанна было относительно незначительным, то для Олимпиады они имели исключительно неблагоприятные последствия»³⁶. О глубоком духовном родстве Иоанна и Олимпиады свидетельствуют письма, которые они писали друг другу. К сожалению, сохранились лишь письма к Олимпиаде. Ход ее мысли мы иногда можем реконструировать по характеру ответов Иоанна. К этому вопросу нам еще предстоит вернуться.

³⁶ J.N.D.Kelly, Golden Mouth. The Story of John Chrysostom. Ascetic, Preacher, Bishop, London, 1995, 114, имеется в виду, прежде всего, глубокая и долго не проходившая печаль, охватившая Олимпиаду после того, как Златоуст был сослан.

Первые успехи

Иоанн начал свое служение с огромным воодушевлением. И в качестве епископа он рассматривал проповедь как одну из основных своих обязанностей. Как правило, он проповедовал каждое воскресенье, а также по праздничным дням. Случалось, правда, что другие епископские заботы не оставляли времени для проповеди. Обычно, по воскресеньям епископ служил литургию в Святой Софии. Церковь, которой можно и сегодня полюбоваться в Стамбуле, была построена при императоре Юстиниане (527-565). Ее предшественница, возведенная по приказу императора Константина, сгорела во время беспорядков, возникших после смещения Златоуста с епископской кафедры, и была отстроена заново при Феодосии II. О том, как выглядело это здание, мы знаем очень мало. По одному замечанию Иоанна Златоуста можно заключить, что в нем были галереи: в одной из проповедей Иоанн говорит о том, что женщины сидят наверху³⁷.

Уже во второй своей константинопольской проповеди (первая не сохранилась) Златоуст говорит о том, что испытывает к столичной церкви точно такую же привязанность, как и к церкви своего родного города. Иоанн сумел почти мгновенно завоевать сердца своих новых прихожан. Созомен пишет об этом в своей «Истории церкви»: «Народ обожал его до такой степени и был настолько ненасытен в слушании его проповедей, что люди подвергали себя опасности из-за толчков и давки, поскольку каждый старался подойти к нему как можно ближе, чтобы лучше понимать его слова». Проповедуя, Златоуст сидел на амвоне³⁸. Предусмотренным для епископа местом являлась, собственно говоря, кафедра, которая стояла в глубине алтарной апсиды. Предполагалось, что Иоанн предпочитал амвон по причине слабости своего голоса. Настоящая же причина связана, скорее всего, с тем, что Златоуст хотел быть как можно ближе к народу: чтобы говорить в полную силу своего ораторского дара он нуждался в тесном контакте со слушающими людьми. Как и в Антиохии, община отвечала ему аплодисментами. И, как в Антиохии, он принимал их с укоризной: учителям мирской мудрости не хлопают; нигде в Новом Завете вы не найдете места, где бы говорилось, что хлопками отвечали на проповедь апостолов; когда Сам Господь провозглашал на горе благовест, никто не дерзнул прервать Его выкриком или овацией. Трогательно читать следующее признание Иоанна: «Поверьте, когда я слышу во время проповеди аплодисменты, мне по-человечески становится приятно. Да, это так, почему мне не сказать правду? Меня это радует, и я доволен. Но когда я прихожу домой, я начинаю думать о том, что те, кто мне хлопал, не получили от проповеди никакой пользы, а ту небольшую пользу, что они могли получить, они растеряли как раз из-за аплодисментов и похвал. Тогда мне становится горько, я вздыхаю, плачу, и чувство у меня такое, что говорил я напрасно»³⁹. О ярком успехе Иоанна свидетельствует и, в целом, нерасположенный к нему языческий историк Зосима: «Сей муж имел власть обращать к себе толпы неразумных». Традиционные конкуренты — театр и скачки — не оставляли Иоанна и в Константинополе. Под театром следует понимать не классическую трагедию или комедию, хотя ставили и их, а скабрзные шоу, пользовавшиеся во времена поздней античности большой популярностью. Златоуст упоминает в своих проповедях женщин, которые демонстрировали на сцене пышность своих форм, заламывали руки и ноги, пели непристойные песни, сыпали намеками, одним словом, представляли все то, от чего у мужчин кругом шла голова. Скачки лошадей и колесниц на константинопольском ипподроме, который по своим размерам превышал римский Circus Maximus, были событиями общегородского масштаба. Они заставляли пустеть даже церкви. Иоанн был в особенности возмущен тем, что однажды это произошло в Великую Пятницу. Позднее он стыдил своих верующих за то, что они не посчитались со святостью дня, в который совершилось таинство искупления человеческого рода. В день, когда Господь принес

³⁷ Из проповеди на слова «Не бойся, когда богатеет человек» (Пс 48:17), PG 55, 499-518. *Ne timueritis cum dives foetus fuerit homo.*

³⁸ Амвон представлял собой возвышавшуюся перед отделявшей хор стенкой кафедру для богослужебных чтений. На Западе нередко существовало два амвона: с находившегося на левой стороне читали Ветхий Завет, с правого — Евангелие.

³⁹ Цитата из проповеди константинопольского периода на слова из Евангелия от Иоанна 5:17 «Отец Мой доньше делает», *Pater mens usque modo operatur*, PG 63, 511-516.

жертву на Кресте за весь мир, в день, когда распахнулись двери в рай, они оставили храм пустым и позволили диаволу увести себя, как пленников, на зрелище⁴⁰. Став константинопольским епископом, Златоуст мог в борьбе за общественное благочестие помимо гласного протеста использовать и другие методы. 27 августа 399 года император издал указ, согласно которому во всем государстве запрещалось проведение скачек, а также постановка театральных представлений и других зрелищ по воскресеньям. В воскресный день разрешалось лишь празднование дня рождения императора, если он приходился на него. Позднее отпала и эта поправка. Мы наверняка не ошибемся, если предположим, что св. Иоанн, в то время еще пользовавшийся благосклонностью императора, способствовал принятию этого закона.

Одним из первых официальных шагов нового епископа было сообщение о своем избрании и посвящении епископу Рима. Поступая таким образом, св. Иоанн следовал традиции александрийской церкви. Если в Александрии вступал в должность новый патриарх, то он уведомлял об этом папу и получал от него в ответ письменное подтверждение того, что римский епископ находится с ним в евхаристическом общении. Перенимая этот обычай, Златоуст демонстрировал, что константинопольская кафедра фактически достигла ранга патриархата. II Вселенский собор 381 года утвердил за столичным епископом второе по чести место вслед за епископом Рима. Однако в патриаршее достоинство константинопольские епископы были возведены лишь на IV Вселенском соборе 451 года. Иоанн Златоуст сделал, таким образом, важные первые шаги для увеличения престижа своей кафедры, и эти шаги стали причиной значительных конфликтов. Послание папе Сирицию Иоанн передал с двумя доверенными людьми, в избрании которых сказалось его дипломатическое искусство. Епископу сирийского города Верея (ныне Алеппо) и убеленному сединами священнику Исидору — кандидату Феофила Александрийского на столичную кафедру — Иоанн дал поручение убедить римского епископа в необходимости положить конец болезненному антиохийскому расколу. Их миссия имела успех. Папа признал Флавиана епископом Антиохии.

В качестве епископа столицы Иоанн регулярно встречался с императором, которого он консультировал по всем вопросам, связанным с верой и церковью. В одной из проповедей на книгу апостольских Деяний Златоуст упоминает о том, что при дворе его принимают с большими почестями, чем наместников провинций. Императорская чета молилась, как правило, в дворцовой часовне: в особых случаях император и императрица появлялись в кафедральном соборе. Придворные ритуалы были расширены Констанцием II и постепенно развивались в направлении позднейшего византийского церемониала. Лнутпранд Кремонский, посланник императора Оттона I (936-973) при византийском дворе, вспоминает, что он был принужден пасть перед императором ниц. Когда ему позволили поднять глаза, он увидел, что базилевс высоко превознесен перед ним на своем троне. Трон поднимался над полом при помощи специального механизма, наглядно демонстрируя дистанцию между императором и простым смертным. В то же столетие возникает описание константинопольского придворного церемониала, принадлежащее перу византийского императора Константина VII Багрянородного.

На рубеже IV и V веков ритуалы еще не получили своего полного развития, и дистанция между императорским домом и народом была не столь подавляющей. К сугубой радости Иоанна, Евдоксия неоднократно участвовала в торжественных процессиях, сопровождавших прибывшие в Константинополь мощи к местам их будущего почитания. Златоуст проявил немалый талант в организации подобного рода шествий. В один из воскресных дней в константинопольскую гавань вошел корабль из Синопа, привезший мощи св. мученика Фоки. На следующий день в проповеди Иоанн рассказал о триумфальном шествии по улицам города до храма Святой Софии и призвал своих

⁵⁵ По поводу критики театральных зрелищ см. шестую Проповедь о покаянии гл. 1, De paenitentia, horn. 6, 1, а также написанный специально по этому поводу трактат 399 года «Против цирковых представлений и театра», Contra ludos et theatra, PG 56, 263-270,

слушателей принять участие в перенесении святых мощей к месту их окончательного пребывания. С собой в лодки они должны были взять факелы. Местом назначения морской процессии, среди участников которой была и императорская чета, являлось местечко с современным турецким названием Ортакой на европейской стороне Босфора. Находящаяся там церковь IX века еще и сегодня напоминает о святом покровителе матросов Фоке. Запоминающимся событием стало прибытие мощей трех западных мучеников. Сисиний, Мартирий и Александр мученически погибли в 397 году в Вальди Нон поблизости от Тридента. Местный епископ Вигилий сообщил об этом Иоанну Златоусту и пообещал ему прислать мощи мучеников. Когда они были доставлены, св. Иоанн организовал грандиозное шествие. После полуночи в храм Святой Софии начали стекаться неисчислимые верующие. Отсюда безбрежная толпа потянулась вдоль моря, которое, казалось, пламенело от отраженного света факелов. Идти нужно было около тринадцати километров до Дрифии. Константинополь опустел. Сама императрица шла вместе со всеми пешком, отложив диадему и сняв царский пурпур. По пути она вновь и вновь прикладывала руку к раке с мощами, чтобы приобщиться силе святых. Слышались гимны на всех языках. Иоанн шел во главе процессии и при наступлении утра произнес в часовне св. Фомы праздничную проповедь. Он не удерживал переполнявших его чувств: «Что мне сказать, о чем говорить? Во мне все ликует, я вне себя ... я лечу и танцую, я вознесен и упоен духовной радостью». Он восхвалил смирение императрицы, служившей, подобно рабе, святым, и испросил в конце своей проповеди Божье благословение для нее и ее венценосного супруга: «Попросим же для нее у святых мучеников долгоденственное житие, блаженной жизни, чад и внуков, но более всего, чтобы ей воцариться и править в вечности вместе с едиnorodным Сыном Божиим»⁴¹. Император в шествии не участвовал. Тем не менее Евдоксия сообщила Златоусту, что ее супруг воздаст поклонение мученикам на следующий день, что и случилось: сопровождаемый телохранителями, император появился в храме. Однако еще до того, как св. Иоанн начал посвященную мученикам проповедь, ни императора, ни его людей в церкви уже не было.

Иоанн нередко вплетал в свои проповеди красочные изображения торжественных придворных ритуалов и императорского великолепия. Однако, несмотря на высокопарные обращения в адрес императрицы, подобно приведенным выше, он был далек от наивного восхищения императорской властью. Согласно его убеждению, последняя, хотя и призвана к поддержанию порядка в падшем мире, может также порождать несправедливость и поддерживать коррупцию. В гневе император способен на произвол и жестокость. Златоуст совершенно недвусмысленно говорит о независимости епископа от государственной власти. Его власть основана на том, что он является посланником Христа. «Покуда я занимаю эту кафедру, я не уступлю ни одно из прав, принадлежащих ей».

Мощи мучеников к концу IV века стали приобретать все большее значение в жизни верующих. В критический для своей церкви момент мощи свв. Гервасия и Протасия обрел св. Амвросий Медиоланский. Блаженный Августин был несказанно рад, получив мощи первомученика Стефана. Мощи посылались, переносились и помещались в храмах по всей Римской Империи. Мученики были преисполнены Святого Духа, Который продолжал действовать и в их мощах. Поэтому благочестивые христиане стремились приобщиться силе Духа при соприкосновении с ними. По той же причине многие горячо желали быть погребенными поблизости от мученика. Именно поэтому в римских катакомбах в тесной близости с захоронениями мучеников находятся многочисленные погребальные ниши верующих христиан.

Ночные процессии, о которых мы говорили выше, епископ Иоанн использовал и в борьбе с арианами. Благодаря оттеснившему их с ведущих позиций императору Феодосию I, они потеряли право на городские храмы. По этой причине свои богослужения ариане проводили за городом. В ночь

⁴¹ Мы передаём содержание проповеди, сказанной после перенесения мощей, по переводу Ch. Baur, *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*, Bd. 2, München, 1929-1930, 35-36.

с субботы на воскресенье и по ночам перед большими праздниками они собирались в константинопольских портиках и, разбившись на два хора, поочередно пели гимны, содержавшие насмешки над православной верой в триединого Бога. Наиболее популярный припев содержал слова: «Где те, что говорят, что Три — одна сила?» Сегодня нам трудно представить, что догматы веры могут интересовать не только профессиональных теологов, а содержащие их песни вообще способны затронуть хоть кого-нибудь. В IV веке это было иначе. Св. Григорий Нисский сделал следующее наблюдение во время Константинопольского собора 381 года: «Город наполнен ремесленниками и рабами, каждый из которых — глубокомысленный богослов. Все они проповедуют на улицах и в лавках. Ты хочешь разменять монету, а он поучает тебя о том, насколько Сын отличен от Отца. Ты спрашиваешься о цене на хлеб, а тебе отвечают, что Отец превосходит Сына, а если ты спрашиваешь, готова ли баня, то говорят, что Сын сотворен из ничто»⁴². Уже сам родоначальник арианской ереси александрийский пресвитер Арий сочинял для моряков содержавшие его учение куплеты. В Константинополе арианские песни захватывали массы. Вот почему Иоанн принял решение нанести удар противнику его же оружием. В организованных им ночных шествиях исполнялись гимны, прославлявшие православную веру Никейского собора. Преимущество Златоуста заключалось в том, что его заинтересованно под держивала сама императрица. Именно она пожертвовала серебряные кресты, которые участники процессий несли с собой, украсив свечами. Важная доля в успехе православных процессий принадлежит камергеру ее величества Брисону. Он обладал недюжинным музыкальным талантом и взял на себя проведение репетиций православных хоров. Однажды ночью между той и другой процессиями произошло столкновение; трудно сказать, было ли оно случайным или спланированным. Разгорелась уличная драка, полетели камни, один из них угодил в лоб Брисону. Это положило конец арианским шествиям. Они были запрещены указом императора.

Церковные реформы в Константинополе

В короткий промежуток между рукоположением и возведением на кафедру Иоанн распорядился подвергнуть тщательной проверке бюджет константинопольской церкви. Она принесла неожиданные результаты. Любопытно, что определенные несообразности отметил во время своего краткого пребывания на константинопольской кафедре уже св. Григорий Богослов. Однако, как он говорит в своем жизнеописании, у него не нашлось ни времени, ни сил для их исправления. Св. Иоанну также показались неоправданными многие статьи расходов. И он их, недолго думая, урезал. В особенности преувеличенными ему показались расходы на содержание епископского дворца. Его предшественник предпочитал изысканный стол и снискал популярность своими обильными пиршествами. Златоуст не имел ничего против приема и размещения епископов, приезжавших по церковным делам в столицу, однако не допускал в этом отношении никакой пышности. Официальные банкеты были свернуты. Иоанн вряд ли полностью отдавал себе отчет в том, что, в глазах окружающих, он, тем самым, не только нарушал обычаи гостеприимства, но и усложнял установление необходимых связей. Свою исключительно простую пищу, которую ему готовила Олимпиада, он ел в одиночестве. Простота пищи диктовалась его больным желудком, одиночество — постоянной занятостью, которая заставляла его то и дело откладывать трапезу. Отказ от праздничных застолий впервые вызвал недовольство новым епископом среди влиятельных лиц, привыкших к приглашениям на епархиальные пиршества. К введенному Иоанном режиму экономии относилась и продажа мрамора, — мы не знаем, шла ли речь о мраморных блоках или колоннах, — подготовленного по распоряжению Нектария для отделки маленького храма Воскресения. В данном случае Иоанн не продемонстрировал должного понимания ситуации. Церковь Воскресения имела важное эмоциональное значение. Именно в этой тогда еще часовне произносил свои ставшие впоследствии

⁴² Св. Григорий Нисский, Речь о Божестве Сына и Святого Духа, *De deitate filii et Spiritus sancti*, PC 46, 557.

знаменитыми проповеди св. Григорий Богослов. Именно здесь совсем немного лет назад собиралась православная община, в то время как тон в городе задавали ариане. С заготовки мрамора начал переделку часовни в церковь император Феодосий. Позднее его продажа была поставлена Златоусту в вину. Согласно другому обвинению, он распорядился сбыть некоторые драгоценности из церковной сокровищницы. В этом нет ничего невозможного. В Антиохии Иоанн настойчиво осуждал обычай увековечивать свое имя путем жертвования золотых с бриллиантами евхаристических чаш или шитых золотом алтарных покровов. По словам Иоанна, стол, за которым Господь и Его ученики сидели во время самой первой евхаристии, не был сделан из серебра. Богу нужны не золотые чаши, а золотые души. Тем не менее, уже в Антиохии Златоуст давал духовно мудрый совет не порицать тех, кто уже успел купить драгоценные сосуды или сделать соответствующее пожертвование. Если же кто-либо спрашивает о совете предварительно, то его следует подвести к мысли пожертвовать соразмерную сумму на бедных.

Деньги, которые Иоанн собрал благодаря упомянутым сокращениям бюджета и распродажам, были переданы на нужды одной из константинопольских больниц. Со временем, по инициативе св. Иоанна было построено несколько новых больниц. В то же время, его планы постройки загородного лепрозория встретили сопротивление. Недовольными оказались крупные землевладельцы, чьи земли примыкали к избранному участку. В этой своей деятельности Златоуст последовательно шел по пути, избранному церковью несколько десятилетий назад. Это был путь совершенно нового социального служения, выразившегося в целенаправленном строительстве домов призрения для больных, престарелых и немощных, гостиниц для путешествующих, приютов для сирот. Ориентиром и примером Иоанну, в этом отношении, служил св. Василий Кесарийский (†379), по благословению которого неподалеку от г. Каппадокии, где находилась его кафедра, было устроено целое поселение. Его центром являлись церковь и монастырь, а вокруг них группировались ночлежки, дома для бедных, госпитали, но также и мастерские. Таков был «новый город»⁴³, как его назвал св. Григорий Богослов, город заботы об убогом и любви к ближнему, город, в котором нашла себе место и резиденция епископа. Впоследствии этот комплекс получил название Василиада в честь своего великого основателя.

Став епископом, Иоанн показал, что он далеко не беспомощен в финансовых делах. Еще будучи антиохийским пресвитером, он учил не проверять нищих, действительно ли они нуждаются в помощи, но давать без оглядки. Теперь же, говоря с знаменитой своей щедростью Олимпиадой, Златоуст наставляет ее не раздавать деньги без дознания, иначе их можно с тем же успехом выбросить в море. Тщательное планирование раздаваемых средств идет на пользу по-настоящему нищим и приносит ей самой больше духовной пользы. В ответ на это святая решила передать церкви также и имущество, оставшееся у нее после пожертвований, сделанных во времена епископа Нектария. Состояние константинопольской церкви за время епископата св. Иоанна значительно приумножилось. Златоуст взял на вооружение идеи каппадокийских свв. отцов и широко пропагандировал их. Богатым следует назначать своим наследником Христа, имущество бездетных должно завещаться церкви. Если у богатых есть дети, то церкви нужно отписать после смерти хотя бы долю состояния. Такая постановка вопроса устраивала далеко не всех. Родственники состоятельных людей считали, что у них обманом отнимается часть наследства. Государственные законы запрещали вдовам завещать свое имущество членам клира. Завещания же на имя церкви этому запрету не подвергались.

Ревизии подверглись не только финансы епархии, но и ее клир. При этом св. Иоанн предъявлял очень серьезные требования. Чтобы оценить его деятельность по справедливости, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, те же самые требования он предъявлял и к самому себе. И во-вторых, за долгие годы борьбы ариан с православными и во время мягкого правления епископа

⁴³ Речь 43, 63; PG 36, 580. *Funebris oratio in laudem Basilii Magni...* (om. 43).

Нектария нравы столичных клириков пришли в упадок. Св. Палладий сообщает, что Златоуст изверг из сана двух диаконов. Один из них был повинен в убийстве, другой — в прелюбодеянии. Историк Сократ полагает, что Иоанн критиковал без разбора и при этом слишком резко и обидно. Недовольные представляли его как человека жесткого, увлекающегося, раздражительного и высокомерного. Своим помощником в начатой чистке Златоуст избрал архидиакона⁴⁴ Серапиона, который повсеместно слыл сторонником крайних мер. Рассказывали, что Серапион говорил епископу, что без палки порядка в клире не навести. Иоанну стало известно, что и в Константинополе члены клира живут вместе с женщинами, которые, также как и они сами, дали обет воздержания. Терпеть подобное нечестие он был не намерен. В Антиохии Златоуст написал против подобной практики два трактата. Теперь он переиздает их в переработанном виде. Нелицеприятные меры и слова Иоанна неприятно задевали многих. Согласно одному из обвинений, выдвинутых против него на соборе «Под дубом», его действия повредили репутации священнослужителей. Без сомнения, упреки Златоуста в адрес своих подначальных не могли возникнуть на пустом месте. Однако, возможно, что в ряде случаев он не знал всех подробностей или же переоценивал важность дела.

Наконец, следует сказать о христианских вдовах, на которых также остановилось внимание Иоанна. Как и в Антиохии, они представляли собой замкнутую группу, в которую принимали по особому чину. Епископ пригласил этих женщин к себе, и, не обинуясь, сказал, что либо они будут регулярно поститься, перестанут посещать общественные бани и откажутся от красивых платьев, либо пусть снова выйдут замуж. Весьма вероятно, что в их числе была и Евграфия, вдовица, во дворце которой позднее будут собираться противники Златоуста. Как бы то ни было, Палладий сообщает нам, что Евграфия и другие женщины жаловались на то, что Иоанн сказал им прямо в лицо: «Зачем вы, будучи стариками по возрасту, принуждаете тело снова стать молодым, нося, подобно блудницам, локоны вокруг лба?»⁴⁵

Реформы епархиальных расходов, а также меры, принятые против живших недостойно своего призвания клириков и вдов, вызвали недовольство Иоанном среди затронутых его деятельностью. Мы не ошибемся, если припишем эти шаги не одному только сформировавшемуся у Златоуста высокому идеалу, которому, по его убеждению, должен соответствовать как любой христианин, так и, в первую очередь, связавший себя обетами. Невозможно также и объяснять все одной лишь вспыльчивостью святого. Иоанн знал, что может производить впечатление злобного, тяжелого и недовольного человека. Пожалуй, важнее, что в его действиях угадывается стремление поднять авторитет своего епископского сана, упрочить свою первосвятительскую власть. Именно этот аспект обрел ясные формы во время первых значительных конфликтов, которые ему предстояло пережить.

Первые конфликты

Начало монашества в Константинополе покрыто тьмой. Связано это с тем, что первые монашеские сообщества были основаны епископами, не сохранившими правую веру. Поэтому приходившие вслед за ними иерархи предпочитали предавать забвению деяния своих предшественников. Конфликты с участием монашествующих имели место и до начала епископского служения св. Иоанна. В 390 году император Феодосий издал закон, запрещающий им пребывание в городах. Однако, спустя два года, этот закон был отменен. У Златоуста был целый ряд столкновений с монахами Константинополя и, в первую очередь, с их главой св. Исааком. На первый взгляд, кажется странным, как же почитатель антиохийских аскетов Иоанн мог не поладить с аскетами столицы. Более

¹⁶ В обязанности архидиакона входило попечение о диаконах.

⁴⁵ Диал., 8. Palladius, *Dialogus de vita Joannis Chrysostomi*, 8. Перевод А. С. Балаховской по изданию: Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарии А.С. Балаховской, М., ИМЛИ РАН, 2002, стр. 67.

же пристальное рассмотрение наводит на мысль, что, по-видимому, в столкновение пришли две различных концепции аскетической жизни. Антиохийские монахи жили за пределами города. Лишь в действительно исключительных случаях, как, например, во время расследования обстоятельств восстания 387 года, некоторые из них появлялись в Антиохии. В Константинополе же в годы епископства св. Иоанна все возрастающее число монашеских сообществ находилось не посредственно на территории города. Помимо них немало аскетически настроенных женщин и мужчин жили в частных домах, и при том зачастую смешанными парами, т. е. именно так, как это осуждалось Златоустом. Монаха можно было без труда встретить на рынке или во время уличного шествия, пригласить в гости. Само их присутствие в Константинополе было вопиющим противоречием аскетическим идеалам бывшего антиохийского затворника. Иоанн приказал им более не показываться в общественных местах. Но его распоряжения оставили их равнодушными. Слушались они исключительно своего «отца» Исаака. Св. Исаак был родом из Сирии, где некоторое время жил пустынною. Однажды, повинувшись Божественному повелению, он отправился в Константинополь. Здесь он появился как раз в тот момент, когда благоприятствовавший арианам император Валент во главе своего войска уходил в поход против готов. Исаак бросился к самодержцу, схватил его коня за узду и воскликнул: «Возврати православным храмы, иначе ты не вернешься с войны живым!» Валент велел заточить монаха, а сам двинулся по направлению к Адрианополю, где был убит после проигранного сражения. Когда Исаак был освобожден императором Феодосием, он собирался вернуться в сирийскую пустыню. Однако два императорских чиновника упростили его остаться. Они же распорядились выстроить для него за городом келью. Здесь он и жил в последующие годы. Многие константинопольцы, и в их числе даже сам император Феодосий, приходили к нему, чтобы попросить его благословения. Конфликт между епископом и отцом монахов столицы был весьма досадным явлением. В последующих поколениях византийцев, которые почитали и того и другого как святых, этот разлад вызывал большое смущение. Неудивительно, что это вело к преуменьшениям в его изображении. Для обоих же участников эти трения имели довольно неутешительный финал: на низложившем Иоанна соборе «Под дубом» Исаак подал на своего епископа отдельную жалобу.

Усилия Златоуста призвать монахов к порядку успеха не имели. Столь же безрезультатной оказалась и другая попытка утвердить епископский авторитет и укрепить единство церкви. В Константинополе, наряду с православной церковью, к которой принадлежало подавляющее большинство населения, существовала и гораздо более скромная по числу прихожан, но не лишенная известного влияния община новациан. Чтобы рассказать о ее происхождении, необходим небольшой экскурс в третье столетие. В 251 году римский пресвитер Новациан был извергнут из сана епископом Корнелием. Новациан был убежден в том, что папа проводит слишком снисходительную линию в вопросе о принятии в церковное общение отрекшихся от веры во время гонений императора Деция. Приняв епископский сан, Новациан стал антипапой; так возникла церковь новациан. Новациане были решительными и последовательными приверженцами учения, согласно которому грех отпадения от церкви, так же, как и другие смертные грехи, не может быть прощен, если он совершен после крещения. Церковная дисциплина покаяния, по мнению новациан, совращает людей на путь легкомысленного отношения к своим поступкам. Самих себя новациане называли «катарами», т. е. «чистыми». Их общины распространились по всей Римской империи. Таким образом, с церковью новациане расходились исключительно по вопросам дисциплины. Никаких догматических разногласий не существовало. Именно по этой причине, новацианам, согласно кодексу законов Феодосия, в отличие от арианских группировок, оставлялось право на существование. Новациане сохраняли свои столичные храмы и имели право на богослужение как в них, так и в других принадлежавших им церквях Империи. Константинопольских новациан возглавлял епископ Сиссиний. Он был известен своей находчивостью. Рассказывали, что когда его однажды с упреком спросили, почему он ходит в баню два раза в день, он ответил: «Потому что от трех мне становится нехорошо». Историк Сократ сообщает, что, встретившись однажды с ним, Златоуст сказал, что, по его

мнению, в Константинополе не может быть двух епископов. Сиссиний не растерялся и ответил, что думает точно так же. Тогда Иоанн перевел беседу в несколько иной регистр, пообещав, что позаботится о запрещении проповедей Сиссиния. Тот заметил, что это освободит его от весьма тяжелой нагрузки. Закончил этот обмен любезностями Златоуст, сказавший, что если проповеди для Сиссиния действительно в тягость, то он не станет добиваться, чтобы его освободили от них.

Не обошлось без трений и с состоятельными константинопольцами. Ибо и в этом городе, и даже в первую очередь здесь Златоуст, по словам своего биографа Палладия, «замахнулся мечем порицания на богатых». Именно к ним обращен его призыв к смирению и скромности, облеченный в слова из первого Послания к Тимофею: «Богатым в нынешнем веке предписывай не высокоумствовать и не возлагать надежды на прочность богатства» (1 Тим 6:17). В его речах нередки критические упоминания о пышных застольях, серебряной и золотой посуде, ломящихся от яств столах, мягких диванах, на которых возлежали пирующие, о красавчиках-слугах, музыкантах и танцовщицах. Обличительный пафос подсказывал ему выражения, которые, вне всякого сомнения, импонировали большинству слушателей, одновременно болезненно задевая представителей высших слоев общества. Всего лишь один пример из цикла проповедей на Послание к Колоссянам: «Зачем вам увешивать себя драгоценными одеждами и золотыми украшениями? Вас это только бесчестит и покрывает большим позором, чем если бы вы были наги. Такой наряд пристоеен на сцене. В нем может появиться актер, какой-нибудь фигляр, танцовщик или гладиатор. Христианке Бог дал иное одеяние. Все вы во имя Христа крестились и во Христа облеклись» (Гал 3:27). В том же цикле Иоанн обрушивается на чрезмерную роскошь константинопольской знати.

По его словам, в Константинополе есть христиане, которые заказывают для себя посуду и бутылочки для благовоний из золота. Некоторые женщины даже пользуются серебряными ночными горшками. Св. Иоанн негодует: «Поступать так — стыд. Христос мучается от голода, а ты роскошествуешь или, лучше сказать, безумствуешь. Твой ближний, созданный по образу Божьему, замерзает, а ты окружаешь себя такими предметами!» Епископ заявляет с небывалым доселе ригоризмом: «Я предупреждаю вас заранее, и это больше не совет, а приказ: пусть повинуются, кто хочет, кто не хочет — может не повиноваться: если вы не прекратите, то я больше терпеть не буду, я вас отвергну и не позволю переступить через этот порог. Златоусту очевидны возможные последствия: «Однако, — возразят мне, — ведь существуют секты, и они перебегут туда. Это возражение ничего не стоит. Лучше один единственный, творящий волю Господню, чем тысячи, ее попирающие.» Иоанн повелевает: «Вот, я призываю вас и приказываю сокрушить эти сосуды и украшения, раздать обломки нищим и впредь оставить подобное безумство. Проповедь заканчивается словами, в которых звучит мольба: «Я прошу, я заклинаю, я даже, не обинуюсь, умоляю вас об этом на коленях ... Одни голодают, другие жируют. Одни справляют нужду на серебре, у других нет даже куска хлеба. Какое безумие! Какая безграничная дикость! Упаси Боже, чтобы мы были вынуждены осадить противящихся и применить то грозное наказание, о котором мы говорили.» Проповедь Иоанна вызвала большое недовольство, ее автора упрекали в том, что он вышел за рамки дозволяемого хорошим тоном. В следующей проповеди он вынужден объясниться: он не хотел никого обидеть, однако забота о спасении членов своей общины вынуждает его говорить в том числе и неприятные вещи. Упреки со стороны богатых прихожан не умолкали; Златоуста спрашивали, не угодно ли ему, наконец, перестать оттачивать свое красноречие на богатых.⁴⁶

Своего рода социальную утопию Иоанн разворачивает в проповеди на рассказ из книги Апостольских Деяний об общности имущества в иерусалимской общине (Деян 4:32-34). Этот новозаветный текст звучит следующим образом: «Было же у множества уверовавших сердце и душа одна. И никто ничего из имения своего не называл собственным, но было у них все общее...» Сначала

⁴⁶ In ep. aci Co11o8ep8C8, Bot. 7, 5.

Златоуст говорит о том, что иерусалимские христиане изгнали из своей среды противоречащее природе неравенство, и потому жили друг с другом в полном единодушии. Затем он обрисовывает свой план. Предвосхищая хорошо ему известные и очевидно витавшие в воздухе уже во время самой проповеди возражения, Златоуст заявляет, что намерен развить его лишь на словах, поскольку к реальному делу слушатели не готовы. «Все должны продать свое имущество и вырученные деньги отдать общине». По расчетам Иоанна, продажа поместий, домов и других ценностей принесла бы от одного до трех миллионов фунтов золота. Этой огромной суммы хватило бы для достойного содержания всех бедняков столицы, в особенности, если бы все попечение община взяла на себя. Св. Иоанн убежден, что подобное деяние привлекло бы сугубую Божественную благодать и что общими усилиями можно было бы превратить землю в небо. Предложения Иоанна опирались на архаические идеи, которые не могли быть реализованы в дифференцированном обществе конца IV века. К тому же Златоуст никогда больше не вспоминал о своей утопии. Напротив, голос удалось возвысить самим богатым верующим, которые пригрозили, что больше они в церковь не придут, поскольку всякий раз, когда епископ нападает на них в своих проповедях, все начинают на них поглядывать. Таким образом, в Константинополе так же, как в Антиохии, Иоанн не исходит из общего положения всей Римской Империи и ее социальных проблем. Он по-прежнему далек от идеи социального переустройства государства, которая, впрочем, находилась вне поля зрения античных мыслителей в целом. По сути, выстраивая свой утопический проект, Златоуст ориентируется на отдельную семью или хозяйство, где многие питаются от одного стола. Именно это представление он переносит на весь город.

Мы можем быть уверены в том, что сам Златоуст верил в возможность осуществления своих идей при условии доброй воли к содействию у остальных христиан.

Новые акценты

В Константинополе взгляды Иоанна Златоуста продолжали развиваться. Мы насчитали шесть областей, в которых появляются новые акценты либо в сравнении с его антиохийским периодом, либо по отношению к богословию и практике его предшественников.

В Антиохии Иоанн нередко негативно высказывался о женщинах. Его отношение к браку было поначалу достаточно критичным, однако Златоуст не отвергает его, подчеркивая, что брак установлен Самим Богом. В Константинополе в словах Златоуста о роли женщины и браке появляются новые нотки. С одной стороны, исполняя свой епископский долг, он, как и прежде в Антиохии, обрушивается на константинопольских кокеток за их склонность к роскоши, злоупотребление косметикой и тому подобные вещи. Новые же акценты заметны в гораздо более высокой оценке помощниц Апостола Павла Приски и Фивы. Как о высоком образце для подражания Златоуст говорит о матери семи Маккавейских мучеников. Не исключено, что подобный сдвиг имеет отношение к столь много значившей для Златоуста дружбе с Олимпиадой. Что касается брака, то теперь в словах о нем звучит почти что нежность. Слияние мужа и жены во единую плоть Златоуст уподобляет соединению двух частей расплавленного золота или смешению драгоценного мира с оливковым маслом. Зачиная, жена принимает в себя плодоносное семя, питает его в своем теле и рождает затем дитя — зримое выражение единства плоти всех троих.

Анти-иудейские поношения, полногласно звучавшие во время антиохийской борьбы за души иудействующих христиан, а также в полемике с самими иудеями, в Константинополе отступают на задний план. Безусловно, это связано с тем, что местная иудейская община была гораздо слабее антиохийской, и поэтому не могла казаться для христиан столь же притягательной. К тому же, отношения между иудеями и христианами в столице складывались иначе, чем в Антиохии. Еще до принятия Златоустом епископского сана здесь был издан ряд законов, благоприятствовавших иудеям. В проповедях Иоанна, наряду с традиционно негативными высказываниями об иудеях, в этот период

мы находим также и положительные. В своем послании папе Иннокентию I (402-417) Златоуст напишет, что его несправедливое смещение с кафедры опечалило не одних христиан, но также язычников и иудеев⁴⁷. После возвращения из первой ссылки гонимый епископ констатирует: «Раньше меня любили только мои, теперь меня почитают и евреи»⁴⁸. В гомилиях на Послание к Евреям, которые принадлежат к числу его самых поздних проповедей, Иоанн говорит о том, что помощь нуждающимся не должна сдерживаться границами религий. Обездоленный, будь он иудей или язычник, принадлежит Богу. Даже если он вовсе неверующий, ему все равно нужна помощь⁴⁹. С богословской точки зрения, решающее значение имеет то, что уже в антиохийский период Иоанн Златоуст, истолковывая 9-11 главы Послания к Римлянам, придерживался сформулированного апостолом Павлом учения о неотменимой богоизбранности Израиля, что является своего рода противовесом резким эпитетам из «Восьми речей против иудеев».

Будучи антиохийским пресвитером, Иоанн неоднократно сетовал на оковы богатства, лежащие на его церкви. Он отчетливо осознавал опасность того, что служители церкви вместо выполнения своих непосредственных обязанностей — проповеди Слова Божьего, умиловления Господа, молитвы, попечения о бедных и т. п. — могут погрязнуть в проблемах, проистекающих из необходимости управления огромными церковными владениями. По его тогдашнему мнению, всего этого можно было бы избежать, если бы верующие помогали бедным непосредственно. Именно к этому он и призывал свою общину. Он советовал жертвовать нищим щедро и не проверяя, действительно ли они нуждаются в просимом. Ибо в протягивающем руку нищем мы встречаемся с Самим Христом. Лучше иной раз дать и тому, кому не надо, чем не заметить в просящем Христа. Подобные убеждения, которыми св. Иоанн руководствовался в Антиохии, не оставляли серьезной возможности предположить, что с самого начала своего константинопольского служения Златоуст продемонстрирует глубокую проницательность в финансовых вопросах и отчетливое понимание настоящей ценности денег. Главную роль здесь, бесспорно, сыграло смещение точки зрения. В Антиохии Иоанн был проповедником, который выступал как защитник бедноты, призывая помогать ей во что бы то ни стало. В столице он принял на себя полную ответственность за деньги церкви. Явления, которые он оплакивал в сирийской митрополии, приняли здесь гораздо более развитую форму. В финансовом отношении церковь представляла собой исключительно обеспеченную структуру. Частная благотворительность отступила на задний план. Выступая в качестве епископа, в ведении которого находились в том числе и госпитали, и детские приюты, и дома престарелых, Иоанн знал о том, что ему необходимо иметь наготове крупные суммы для выплаты жалования врачам, сиделкам, поварам и иным работникам, а также для осуществления инвестиций, ремонтных работ, запланированных и незапланированных платежей. Частных жертвователей он ориентирует на отказ от необдуманного разбрасывания деньгами; выше нам уже приходилось говорить о влиянии, которое Златоуст в этом отношении оказал на св. Олимпиаду.

В константинопольский период в деятельности Златоуста появляются черты, которые не только вносят нечто новое, в сравнении с его служением в Антиохии, но и отличают его от епископов-современников. Таков его выраженный интерес к миссионерской проповеди христианства. Мы узнаем, что его заботит распространение Благой Вести среди фракийских крестьян. В проповедях он нередко побуждает слушающих его землевладельцев не спешить построить в своих владениях гостиницу, баню или лавку, а позаботиться о возведении храма и о том, чтобы в нем начались богослужения. Ревнуя о достойном исполнении своего епископского долга, св. Иоанн деятельно поддерживает закрытие языческих храмов. К самому известному примеру — храму в Газе — мы еще вернемся. Наряду с

⁴⁷ Греческий текст послания вместе с французским переводом опубликован в качестве приложения к Диалогу Палладия, см. *Sources chrétiennes* № 342.

⁴⁸ См.: Ch. Baur, *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*, Bd. 2, München, 1929-1930, 229-230.

⁴⁹ Ep. ad Ebraeos, hom. 10, 4.

христианизацией приверженцев древних культов Златоуст не упускал при этом из виду и перспективу расширения сферы влияния константинопольской кафедры. Его главной миссионерской заботой были жившие в столице готы⁵⁰. Они либо оставались язычниками, либо исповедали арианскую веру. Последнее обстоятельство объясняется тем, что их первое массовое обращение в христианство произошло благодаря деятельности епископа Вульфилы (311-383), который был послан к своим соплеменникам в то время, когда официальная церковь еще оставалась арианской. В Константинополе их было немало. Златоуст отвел готам особый храм, где для богослужения и проповеди использовался их язык. Будучи православными по содержанию, эти богослужения должны были служить обращению готов в истинную веру. Св. Иоанн отдал этому делу много сил; он неоднократно служил в готском храме и однажды после проповеди готского священника обратился к присутствовавшим сам. Он воздал хвалу Богу, собравшему воедино греков и варваров, и напомнил, что и Авраам, и Моисей, и волхвы происходили из варварских земель. Старания епископа завоевать готские души не остались в Константинополе незамеченными. Вскоре Златоуста стали считать другом готов. Иоанн заложил в столице монастырь для готских монахов, здесь же получали образование готские священники. Одного из них, по имени Унила, Златоуст рукоположил в епископы, поручив ему окормление готов в Крыму. Интересовала Иоанна и судьба христиан в Персии. В 399 году к новому шаху Издегерду I в качестве посла императора ромеев был отправлен Марута, бывший одновременно христианским епископом и врачом. Он сумел убедить шаха изменить политику отношения к подвластным ему персидским христианам на более толерантную и даже добился разрешения на постройку церквей. О контактах с Марутой Златоуст будет заботиться даже из ссылки.

Став епископом, Златоуст, по всей видимости, оказал существенное влияние на формирование константинопольского богослужения; в противном случае, было бы трудно объяснить, почему главная литургия православной церкви и по сей день носит его имя. Мы, скорее всего, не погрешим против истины, сказав, что Иоанн перенес в столицу элементы антиохийского богослужения. На его основных чертах мы уже останавливались выше. К началу служения Иоанна православная богослужебная традиция в Константинополе еще не приобрела свои основные характерные черты. Продолжать арианские традиции было невозможно. Вряд ли можно было бы ожидать заметного вклада в дело литургического обновления и от предшественника св. Иоанна епископа Нектария, в прошлом государственного чиновника. До нас дошло больше сведений об особых литургических акциях Златоуста, чем о его влиянии на обычное воскресное богослужение. Чуть раньше мы уже говорили о ночных процессиях с чередующимися песнопениями двух хоров. Упоминали мы и о торжественных перенесениях мощей мучеников. Эти шествия были источником религиозного воодушевления. В них участвовали тысячи. То же самое относится и к богослужениям в храмах за пределами города. Путь до такого храма проходили вместе торжественным ходом или же плыли к нему на лодках по Босфору.

Завершая эту посвященную новым акцентам главу, отметим, что Златоуст различными путями стремился расширить сферу влияния столичной кафедры. Тем самым, он действовал в духе решений Константинопольского собора 381 года, поставившего столичную кафедру на второе место после римской. Собор, однако, еще не сделал из этого решения церковно-правовых выводов, оставив область юрисдикции константинопольского епископа без соответствующих изменений⁵¹. Именно эта

⁵⁰ По своей национальной принадлежности, готы относятся к восточным германцам. Между 150 и 180 годами по РХ они появляются на северном побережье Черного моря и, тем самым, дают толчок первому переселению народов. Позднее они селятся по нижнему течению Дуная и совершают набеги в Малую Азию. В 269 году готские племена разделяются на вест- и остготов. В IV веке Римская империя рассматривала готов как конфедератов и пользовалась их военными услугами: многие готы находились на имперской воинской службе, в том числе, и в качестве полководцев.

⁵¹ Юрисдикцией называется право производить суд, а также территория, на которую распространяется это право. В древней церкви все церковно-правовые вопросы в пределах епархии решались соответствующим епископом. Вмешательство других иерархов в дела епархий или митрополий не допускалось. Однако постепенно сложилась практика апелляции по поводу тех или иных решений епископов к патриарху. Большую сложность представлял вопрос о возможности обжалования решения патриарха в еще более высокой инстанции. На право рассмотрения подобных обжалований претендовал римский папа. Особенную остроту проблема приобрела на Востоке, где немало трений вызывал вопрос, можно ли опротестовать решение местного патриарха у епископа (позднее — патриарха) Константинополя.

двусмысленность и таила в себе опасность потенциальных конфликтов. И действительно, ущемление своего преобладания на Востоке не могла не ощутить александрийская кафедра. Влиятельность столичного епископа проистекала из его близости к императору. Во времена Нектария этот контакт усугубился благодаря структуре, которой было суждено большое будущее. Речь идет о так называемом «постоянном соборе». Его участниками — их число могло доходить до тридцати — были находившиеся в столице по церковным делам архиереи. Собор созывался константинопольским епископом для обсуждения богословских вопросов и принятия различных церковно-политических решений. Иоанн Златоуст укрепил и расширил этот орган, сделав его необходимым связующим звеном между императором и епископами восточной половины государства. Реформы, которым он подверг сферу епископского управления, привели к более эффективной организации и улучшению финансового контроля. Больницы и иные места социальной активности церкви были непосредственно подчинены епископской администрации. Благодаря миссионерским усилиям Иоанну удалось расширить область влияния своей кафедры далеко за пределы существовавших юрисдикционных границ. Предприняв продолжительную поездку, Златоуст суверенно вмешался в нуждавшиеся в упорядочении церковные дела Малой Азии. Об обстоятельствах последствиях этого поступка речь пойдет впереди. Некоторые из его действий остались безуспешными. Ничего не вышло из попытки дисциплинировать городское монашество. Без изменений оставались пока и отношения с новацианами.

Падение Евтропия

Как мы помним, константинопольским епископом Иоанна Златоуста сделал первый камергер двора Евтропий⁵². После убийства Руфина в ноябре 395 года император находился под его исключительным влиянием. Аркадий подписывал все, что ему приносил министр. Во время своего фактического единовластия Евтропий старался воспрепятствовать получившей многообразные привилегии церкви в создании сфер, недоступных государственному вмешательству. Так, согласно принятому 27 июля 398 года закону, в целях предотвращения возможных злоупотреблений ограничения налагались на предоставленное церкви право убежища. Авторитет Евтропия вырос еще больше после его победы в битве с гуннами в Армении. Он был назначен консулом в 399 году, став первым евнухом, который был удостоен этого высочайшего звания. Его имя гремело по всему Востоку. В общественных местах, в том числе и перед зданием константинопольского сената, в его честь были поставлены статуи.

Тем не менее, с сентября 399 года стало намечаться совсем иное развитие событий, которое со временем лишь набирало ход. Еще более головокружительным, чем взлет Евтропия, стало его падение. Не сохранилось ни одной из его бесчисленных статуй: после того, как Евтропий лишился благоволения императора, все они подверглись *damnatio memoriae* — осуждению на забвение. Главным виновником его падения стал готский военачальник Гайна. В принесшем победу походе против гуннов участвовали, в том числе и подразделения остготов под предводительством Трибигильда. Полученная после выигранной битвы награда принесла им разочарование. Прежде всего они надеялись на то, что им будет присвоен политически более выгодный статус союзников Римского государства. Переговоры с Евтропием желаемого результата не принесли. Весной 399 года вспыхнуло восстание. Евтропий двинул на мятежников две армии. Во главе одной из них он поставил Гайну, другую подчинил своему близкому другу Льву. Лев потерпел сокрушительное поражение. Между тем Гайна, которому Евтропий передал командование над остатками армии Льва, не предпринимал против Трибигильда никаких активных действий, но вступил с ним в тайные переговоры. В Константинополь

⁵² В этой и последующей главе я во многом опираюсь на исследование Г. Альберта о готах в Константинополе, см.: G. Albert, *Goten in Konstantinopel Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr.*, Paderborn, 1984.

Гайна отправил гонца с сообщением о том, что Трибигильд готов сложить оружие только при одном условии: безоговорочном устранении Евтропия. Мотивы, которыми руководствовался Гайна, остаются не до конца ясными. Не исключено, что известную роль могло сыграть раздражение по поводу того, что он, будучи одним из наиболее одаренных генералов своего времени, еще не успел подняться к вершинам политической власти. Весьма возможно, что подталкивала его и нужда в крупных денежных суммах: Гайна содержал личную армию, выплачивая солдатское жалование из собственных средств. Требование об устранении Евтропия прозвучало в Константинополе в тот момент, когда его слава уже прошла свою высшую точку. Тяжелым ударом по престижу Евтропия стало военное поражение, нанесенное армии его друга Льва. На него без промедления прореагировала сенатская партия, всегда питавшая глубокое презрение к внуху, но до сих пор не решавшаяся на открытую критику. Епископ Иоанн дистанцировался от временщика по причине его направленных во вред церкви законов. Наконец Евтропий потерял и поддержку императрицы, которая уже давно с явным неудовольствием наблюдала за неуклонным возрастанием его влияния на императора. Последней каплей, по-видимому, послужили неосторожно брошенные Евтропием слова о том, что он может выпроводить императрицу из дворца с той же легкостью, с какой он устроил ей это место. Бездумное замечание было тут же передано императрице. Взяв на руки своих обеих дочерей, она ринулась к мужу и осыпала его горькими жалобами на бесстыдного министра. В ярости Аркадий повелел, чтобы Евтропий немедленно предстал пред ним, и тут же лишил его всех должностей. Евтропий бежал из дворца в церковь и прижался к алтарю. Тот самый человек, который совсем недавно ограничил право церкви на предоставление убежища, теперь искал у нее защиты.

Известие о падении всемогущего и наводившего ужас министра распространилось в мгновение ока. Церковь Святой Софии чрезвычайно быстро наполнилась злорадствующими зеваками, желавшими потешить себя зрелищем поверженной славы. Появилось несколько офицеров, которые хотели арестовать Евтропия. Поспешно явившийся в церковь Иоанн выдать его отказался. Применить силу офицеры не рискнули. Между тем, перед императорским дворцом начали собираться солдаты, требовавшие казни того, кто, в их глазах, был повинен в гибели их товарищей в битве с Трибигильдом. К ним вышел сам Аркадий и попросил вспомнить не только о злодеяниях поверженного, но и о его неоспоримых заслугах перед отечеством. Право церкви на предоставление убежища император объявил неотменимым. На следующий день — это было воскресенье в конце июля 399 года — мизансцена повторилась. Церковь была вновь переполнена. Женщины и мужчины, стар и млад — все хотели увидеть Евтропия. Завеса, обычно закрывавшая алтарь от взоров толпы, на этот раз была отодвинута. Бледный, как смерть, вцепившись руками в один из алтарных столпов, у самого алтаря лежал Евтропий. Толпа ожидала, что вот-вот появятся солдаты и оттащат бывшего министра от алтаря. Но тут для воскресного богослужения в храме появился Иоанн Златоуст. В установленное время он вошел на амвон и произнес одну из самых знаменитых речей эпохи поздней античности⁵³.

Св. Иоанн начал словами Екклесиаста: «Суета сует и всяческая суета!» Эти слова уместны везде, но более всего здесь и сейчас. Где ныне консульский блеск, где сияние светильников, рукоплескания, песнопения хоров, праздничные пиршества и хвалебные речи? Где венки и многоценные ковры, где приветствия на городских улицах, овации и лесть на ипподроме? Всего этого больше нет. Свирепый ураган осыпал листву и заставил дерево содрогнуться до самых корней. Где ныне мнимые друзья, где застолья и реки неразбавленных вин, где искусные повара, где толпы прихлебателей-клиентов? Где те, что валялись перед властью в пыли, говорили и делали, что прикажут? Все это оказалось ночным сновидением: вошел день — и его больше нет. Все это было весенним цветком, исчезнувшим вместе с весной, промелькнувшей тенью, унесенным дымом, мыльным пузырем, разорванной паутинкой. И поэтому я повторяю вдохновенные Духом слова:

⁵³ Мы приводим пересказ речи «К Евтропию», In Eutropium, следуя переводу в книге Ch. Baur, *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*, Bd. 2, München, 1929-1930, 100-103.

По ходу проповеди епископ обратился и к поверженному министру, напомнив ему свои собственные неоднократные предупреждения о том, что богатство не дружит с верностью и льстец не окажется надежным. «Между тем церковь, которой ты чинил несправедливости, открыла свои врата и приняла тебя». Иоанн не упустил момент для назидания собравшихся на примере Евтропия. При этом, говорил он, для него важно не уничтожить павшего, но укрепить тех, кто еще стоит, с тем, чтобы они не цеплялись более за тленные богатства. «Пусть придет ныне богатый и получит урок. Тот, кто видит сейчас этого человека, перед которым трепетал весь круг земной, тот, кто видит, как он низринут с высоты, как он сжался, напуганный больше зайца или лягушки, как он, парализованный страхом, без цепей прикован к этому столпу, как он боится и дрожит, отбросив высокомерие, забыв о достоинстве и научившись истинной цене человеческого счастья, тот поймет, что сбылось на нем слово Писания: “Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет”⁵⁴». Ближе к концу своей проповеди св. Иоанн просит присутствующих проявить сострадание к несчастному.

Современному читателю бросается в глаза, что Златоуст по ходу своей речи ни разу не затрагивает вопросы политики. Здесь проявляется его стремление, по возможности, уклоняться от участия в политических конфликтах. В будущем ему будет это удаваться все меньше и меньше. Как сообщает историк Сократ, некоторые приняли проповедь епископа в штыки: вместо того, чтобы возбудить сострадание, он, по их мнению, только лишний раз втоптал поверженного в грязь. Критики, однако, не заметили, насколько трудным оказалось положение Иоанна в этой ситуации. Ведь неодобрение встретило и то, что он не лишил Евтропия права на убежище и защитил его при попытке ареста. Из этого следует, что Златоуст был вынужден резко порицать Евтропия в проповеди, драматично подчеркивая его униженное состояние. Эта тактика имела успех. Жизнь Евтропия была спасена, по крайней мере, на несколько месяцев. Несколько дней он оставался в храме, а затем был сослан на Кипр. 17 августа эдиктом на имя нового префекта претория Аврелиана предписывалось считать все распоряжения Евтропия потерявшими силу, его имущество передавалось во владение императора, изображения и статуи бывшего фаворита следовало удалить из всех общественных мест. Между тем, противники Евтропия не удовлетворились его изгнанием. Гайна и другие высокопоставленные лица продолжали интриговать против ссыльного. Они хотели его смерти.

Успех Иоанна, добившегося — пусть временного — спасения Евтропия, не добавил ему популярности во влиятельных константинопольских кругах. К последним Златоуст обратился в проповеди, произнесенной примерно через месяц после пересказанной выше в отрывках речи «К Евтропию». Падение могущественного министра здесь еще раз становится поводом для назидания облеченных властью и богатством. Пример Евтропия, говорит Златоуст, показывает, как ненадежно богатство и основанная на нем дружба. Об этом же свидетельствует и поведение бывших друзей Евтропия. Недавно пившие за его здоровье, теперь они замышляют его смерть. Мы вряд ли ошибемся, предположив, что именно подобные высказывания способствовали нарастанию отчуждения между св. Иоанном и обличаемой им знатью.

Среди влиятельных лиц, добивавшихся смерти Евтропия, была и императрица. О ней Златоуст прямо говорит в одной из произнесенных им в то время проповедей на Послание к Колоссянам: если бы императрица во всей красе своих нарядов вошла в храм одновременно с апостолом Павлом, на котором были бы лишь рубище, да цепи, то все взгляды обратились бы именно к нему. Муж, подобный Павлу, скорее ангел, чем муж, есть зрелище более возвышенное, чем даже столь изысканно украшенная дама. Евдоксия, которой это сравнение было передано, будучи христианкой, не могла возразить против него по существу. Однако трудно поверить, что слова Златоуста могли вызвать у нее воодушевление.

“ Ис 40:6-7.

Св. Иоанн и готы

Как мы помним, устранение Евтропия являлось главным требованием Гайны. Теперь оно было выполнено. Благодаря посредничеству Гайны император заключил с Трибигильдом договор; страхи, проистекавшие из опасности нашествия варваров на столицу, временно улеглись. Однако договор недвусмысленно продемонстрировал зависимость от Гайны и его войск. Все это ставило в двусмысленное положение нового префекта претория Аврелиана. С одной стороны, ему приходилось считаться с пассивным сопротивлением приверженцев отрешенного от власти Евтропия, с другой, — участвовать в навязанном ему союзе с Тайной. Несколько месяцев после изгнания Евтропия прошли в ожесточенной борьбе различных группировок. В конце концов, победил Аврелиан и вместе с ним непримиримые противники Евтропия. В конце 399 года Евтропий был доставлен с Кипра в Халкидон и предстал перед судом во главе с Аврелианом. После краткого разбирательства его осудили на смерть и обезглавили.

Аврелиан был назначен консулом в 400 году. Скорее всего, именно по его совету, 9 января 400 года Аркадий присвоил Евдоксии титул Августы. Тем самым он продолжил традицию, которой следовали императоры, начиная со св. Константина. И без того усилившееся благодаря падению Евтропия влияние императрицы на государя получило, таким образом, новое выражение. Значительный вес приобрел также и комит Иоанн — доверенное лицо Евдоксии, о котором уже шла речь выше.

Триумф противников казненного Евтропия продолжался недолго. Союз Аврелиана и Гайны достиг своей цели и немедленно распался. Уже зимой 399/400 годов Гайна возобновил переговоры с Трибигильдом. Солдаты обоих полководцев предпринимали совместные набеги на мирных жителей малоазиатских провинций. В апреле 400 года две армии соединились и двинулись на Константинополь. Трибигильд занял позицию на берегу Клеспонта (Дарданелл) возле Лампсака, Гайна оккупировал Халкидон, откуда при хорошей погоде можно было разглядеть крыши Константинополя, где постепенно распространялась паника. Император отправил к Гайне послов для ведения переговоров, но тот отказался их принять. Гайна выдвинул два условия, которые требовал выполнить до начала переговоров. Во-первых, император должен был явиться к нему собственной персоной; во-вторых, ему должны были выдать головы префекта претория Аврелиана, комита Иоанна и известного генерала Сатурнина, воевавшего при Феодосии с вестготами и награжденного им консульской должностью. Аркадий понимал, что, учитывая соотношение сил, выбора у него нет. Он выдал трех заложников, переправился через Босфор и встретился с Тайной в чудесном храме св. Евфимии неподалеку от Халкидона. Готский полководец встретил его с подобающим уважением, однако выдвинул жесткие требования: за ним остается право выбора наказания для заложников, император подтверждает его назначение на должность главнокомандующего, его войска квартируются в Константинополе.

В столице серьезно опасались за жизнь заложников. В и без того непростой для них ситуации новый префект претория Кесарий советовал Гайне казнить всех троих. Кесарий приходился братом Аврелиану и в гонке за высшими должностями был поначалу обойден. Похоже, что он боялся потерять свою новую должность, если бы Аврелиану удалось остаться живым. Тут-то и пробил час Иоанна Златоуста. Положение было критическим, и двор решил прибегнуть к его помощи. Златоуст как раз собирался отправиться в уже давно запланированное путешествие в Эфес, где его ждали для разрешения важных церковных вопросов. Сначала из Священного дворца пришло послание, в котором епископу предлагалось отложить поездку. Затем его попросили встретиться с Гайной и попытаться склонить его к тому, чтобы он оставил заложников в живых. Эти поручения поставили Иоанна, который ни в коей мере не был человеком от политики, в центр крупной политической игры.

Иоанн переправился через Босфор и встретился с Гайной. Вопреки энергичному

противодействию командующих некоторых подразделений, ему удалось в результате затяжных переговоров добиться от Гайны обещания сохранить жизнь заложников. Чтобы показать им, насколько недалеко они были от смерти, Гайна прикоснулся к каждому из них лезвием своего обнаженного меча. Все трое были отправлены в изгнание, хотя Гайна сохранил за ними их имущество.

В конце апреля 400 года Гайна вошел во главе примерно тридцатипяти тысячного отряда в Константинополь. Количество его солдат, возможно, преувеличено нашими источниками, хотя, с другой стороны, речь могла идти об общем числе готов, включавшем женщин и детей. Почему Гайна решил на оккупацию города, ставшую одновременно высшей точкой и началом конца его карьеры? Можно быть уверенным, что известную роль при этом сыграла мысль о том, что именно таким образом легче всего обеспечить содержание готского войска, а также контроль над политическими событиями в императорской резиденции. Однако, скорее всего, еще более важным могло оказаться давление солдат, которые не желали стоять лагерем ввиду городских стен, но стремились хоть на час вкусить радостей городской жизни.

В планы Гайны не входило свержение слабого монарха, при встречах с ним полководец продолжал вести себя с изысканной вежливостью. Не исключено, что, в конце концов, Гайна хотел играть на Востоке роль, сравнимую с ролью вандала Стилихона на Западе. С военной точки зрения, Гайна полностью владел ситуацией: регулярных войск в Константинополе не было, а императорская гвардия оставалась слишком малочисленной, чтобы отважиться на вооруженное сопротивление. В то же время, фактически положение готов было весьма сложным, поскольку они жили небольшими группами среди враждебно настроенного по отношению к ним населения. В одной из проповедей Иоанн Златоуст сжато и точно изображает атмосферу страха, недоверия и взаимных подозрений, царившую в эти дни. Происходящие события он даже называет гражданской войной, что верно постольку, поскольку Гайна являлся верховным главнокомандующим римской армии, а его войско, хотя и включало в себя отряд его наемников, в своем подавляющем большинстве состояло из ее регулярных подразделений. Положение в городе осложнялось еще и тем, что после появления армии готов активизировалось арианское меньшинство, представители которого завязали контакты с Гайной, исповедовавшим ту же веру. Будучи арианином, Гайна не имел возможности ходить в храм, находившийся в пределах города, но должен был отправляться для молитвы за городские стены. Как это обстоятельство, которое он рассматривал в качестве своего рода унижения для человека его ранга, так и то, что разбросанные по городу мелкими группами готские части остро нуждались в месте для общих собраний, побудили Гайну потребовать для своих людей церковь в самом Константинополе. Именно это требование повлекло за собой вторую встречу Гайны с Иоанном. Император был вполне готов пойти навстречу пожеланию готов, однако нуждался в согласии епископа. Исходя из этого, он пригласил к себе Златоуста и объяснил ему, что он от него ждет. Св. Иоанн отвечал, что он не может допустить ничего подобного, и попросил императора о личной встрече с Гайной. Гайна повторил свое требование Златоусту, которого сопровождало несколько епископов. От имени императора Иоанн ответил отказом. В ответ Гайна указал на свои заслуги перед римским государством и еще раз сказал, что настаивает на передаче готам одного из городских храмов. Иоанн остался непреклонен и упрекнул Гайну в неблагодарности по отношению к тем, кто способствовал его блестящему взлету: Гайна присягал на верность императору Феодосию, как же он дерзает теперь принуждать его сына к нарушению установленного отцом закона, по которому ариане не должны иметь храм в пределах города? С присущим ему риторическим мастерством Иоанн присовокупил обращение к реально не присутствовавшему при встрече Аркадию, воскликнув, что благороднее оставить императорский трон, чем передать Дом Божий во власть неверных. Наши источники не донесли до нас содержание дальнейших переговоров, однако очевидно, что, в конце концов, Гайна был вынужден отступить.

Встреча не осталась без выходящих за рамки обсуждавшегося вопроса последствий: авторитет св. Иоанна в городе возрос, Гайне же пришлось мириться с тем, что он вынужден был уступить в

присутствии своих людей. Между тем, его солдаты приступили к грабежам, оказывая особое предпочтение столикам мянл. Неоднократно делались попытки напасть на дворец. Престиж Гайны был слегка подорван. В середине июля, оценив ситуацию, он принял решение оставить Константинополь. Во главе небольшого авангарда он двинулся в Гебдомон для того, чтобы, как он повелел объявить, помолиться в храме, где хранилась глава св. Иоанна Предтечи. Основным силам надлежало следовать за ним, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. В Гебдомоне, до которого было около десяти километров, имелся плац для воинских учений, а также казармы. Здесь Гайна намеревался произвести смотр и переформирование своих войск. Между тем, при отступлении готов произошел следующий инцидент. Проходивших мимо готских солдат обругала нищенка. Те попытались заткнуть ей рот. Вмешалась стража у ворот, завязалась драка. Большая часть готов тем временем уже покинула город, внутри оставалось несколько тысяч человек. Ворота закрылись, и давно накапливавшееся народное возмущение излилось на головы оставшихся в Константинополе готов. По одиночке или целыми группами, их убивали повсюду, где только находили. Основная масса — источники называют явно преувеличенную цифру семь тысяч человек — бежало в церковь, которую Иоанн Златоуст отвел для православных богослужений на готском языке. Здесь воины надеялись обрести безопасность. Однако император приказал поджечь храм. Кровля была разобрана, и внутрь полетели горящие факелы.

Иоанн воспринял учиненную над готами бойню и уничтожение церкви 12 июля 400 года как вопиющее святотатство. Эти события побудили его окончательно порвать с приверженцами сосланного Аврелиана. Именно они инспирировали уничтожение готов, которое теперь усилило их политическое положение. Позиция же префекта претория Кесария, напротив, стала более шаткой; в городе все громче раздавались голоса, требовавшие возвращения Аврелиана и сосланных вместе с ним. Тем временем, Гайна с остатками своей армии прошел с грабежами до Фракии — области, лежащей между Черным морем и Балканами. В столице к епископу обратились сторонники ссыльных и сам Кесарий, прося его обсудить с Гайной дальнейшую судьбу и возможность возвращения изгнанников, а также перспективы сосуществования готов и римлян. Во второй половине лета Златоуст отправился во Фракию. Узнав о его прибытии, Гайна вышел ему навстречу и изъявил епископу величайшее почтение, попросив даже благословения для своих детей. Несмотря на это, просьба Златоуста была отклонена: Гайна заявил, что не верит в искренность предлагаемого императором примирения и не видит повода для возвращения сосланных на родину. После своей третьей встречи с Гайной Иоанну пришлось вернуться домой без какого-либо успеха. Вместо Гайны в должность главнокомандующего римской армии или, лучше сказать, того, что от нее осталось, вступил его соотечественник Фравита. Он проявил себя как расторопный военачальник. В октябре 400 года в кровавом морском сражении его флот воспрепятствовал Гайне переправиться через Геллеспонт (Дарданеллы). Гайне удалось спасти лишь незначительный контингент, с которым он отступил в готские пределы по ту сторону Дуная. Здесь у готов вспыхнул конфликт с гуннами. Их предводитель Ульдис призвал к оружию. В битве 23 декабря 400 года готы были побеждены, Гайна пал на поле боя. Ульдис послал его голову Аркадию в качестве дани. В первые дни наступившего нового года голову некогда грозного полководца проносили по улицам Константинополя.

Конфликт с Евдоксией

Как и все уходящие вглубь конфликты, конфликт Иоанна Златоуста с императрицей имел свою предысторию. Мы начнем с событий апреля 400 года. Как раз в это время Гайна, угрожая Константинополю своими войсками, потребовал выдачи трех назначенных им мужей. Важно отметить, что один из них — комит Иоанн — попытался избежать выдачи, ища защиты в одной из церквей. Одинадцатое обвинение против св. Иоанна на соборе «Под дубом» (о нем мы подробно расскажем чуть ниже) гласит: обвиняемый «во время солдатского мятежа сообщил о месте

нахождения комита Иоанна». Выяснить, на какие именно факты опиралось это обвинение, не представляется возможным. Не исключено, что комиту Иоанну, пользовавшемуся доверием как императрицы, так и императора, в близких ко двору кругах могли намекнуть о нависшей над ним угрозе, после чего он бежал в какой-либо храм. Войдя в Константинополь, готы сразу же принялись искать третьего заложника. Место его укрытия не могло долго оставаться им неизвестным. Иоанн был найден и доставлен в лагерь Гайны. В одной из своих проповедей, в которой, согласно ее сегодняшнему названию, речь идет о Евтропии, хотя, на самом деле, как весьма убедительно показал Келли, она подразумевает комита Иоанна. Иоанн Златоуст говорит, что он не пожалел бы никаких сил для его защиты, если бы он остался в храме и обхватил бы руками алтарь в знак мольбы о помощи. Однако, продолжает епископ, Иоанн покинул церковь по собственной воле. В той или иной степени — точными данными мы на сегодняшний день не располагаем — Иоанн Златоуст был причастен к выдаче готам своего тезки. Однако возможность того, что он его предал, остается в высшей степени маловероятной. Как и в случае большинства выдвинутых на соборе «Под дубом» обвинений, за этим подозрением, скорее всего, стоят либо искаженные, либо подтасованные факты.

Комит Иоанн и Аврелиан были возвращены из ссылки, возможно, уже в первые дни 401 года (Сатурнин к тому времени скончался). И тот и другой незамедлительно начали возбуждать общественное мнение против епископа Иоанна. Одна из причин их враждебности заключалась в том, что Златоуст не отказался от сотрудничества с Кесарием, братом Аврелиана, занявшим его должность. Комит Иоанн, очевидно, имел причины быть недовольным епископом и в связи с обстоятельствами своей выдачи Гайне. Главной целью их агитации стала императрица. Будучи глубоко религиозной и одновременно суеверной женщиной, она питала к св. Иоанну большое уважение. Однако, с другой стороны, его неприкрытое порицание пристрастия Евдокии к пышным одеждам и украшениям вызывало ее гнев. Помимо этого, между императрицей и епископом имел место открытый конфликт, на котором мы ненадолго задержимся.

Однажды епископу на императрицу пожаловалась одна вдова. По ее словам, та отняла у нее участок земли. В более поздних источниках этот участок превращается в виноградник, благодаря чему устанавливается связь с библейским рассказом о винограднике Навуфея (3 Цар 21). Напомним о содержании этой истории. Царь Ахав пожелал купить виноградник Навуфея, который был неподалеку от его дворца. Навуфей не захотел расстаться с наследием своих отцов. Ахав вернулся домой опечаленным. Узнав о причине его печали, царица Иезавель повела дело сама. По доносу лжесвидетелей Навуфея побили камнями за мнимую хулу на Бога и царя. Его имущество автоматически перешло к Ахаву. Отправившись взять виноградник во владение, Ахав встретил по дороге пророка Илию, который сказал ему: «Так говорит Господь: на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь». Вернемся из VIII века дохристианской эры в V век после Рождества Христова. Иоанн Златоуст, очевидно, опротестовал поступок императрицы. Есть основания предполагать, что в своей проповеди после соответствующего разбирательства, относительно которого мы не располагаем никакими дальнейшими сведениями, он провел параллель между Евдоксией и царицей Иезавелью. Фактически известно лишь то, что, по сообщению Палладия, на соборе «Под дубом» Златоуста обвиняли в том, что он сравнил императрицу с Иезавелью.

В марте 401 года Иоанна посетил епископ палестинского города Газы Порфирий. Его епархия находилась в крайне трудном положении: на рубеже IV-V веков подавляющее большинство жителей города составляли весьма активные язычники. Став епископом, св. Порфирий смог собрать во всей Газе всего лишь 280 христиан. Язычники препятствовали христианам занимать должности в городской магистратуре, урезали и другие их права.

Три года назад, правда, епископу удалось добиться от Евтропия распоряжения о закрытии языческих храмов Газы. Скорее всего, оно было исполнено, однако после падения министра их открыли вновь. Св. Порфирий прибыл в Константинополь вместе с митрополитом Кесарии

Палестинской Иоанном и диаконом Марком, который впоследствии составил его житие, описав в нем в том числе и те события, о которых у нас сейчас пойдет речь. После того, как Порфирий изложил свое дело, Златоуст сказал, что полностью разделяет его озабоченность, но, к сожалению, ничем не может ему помочь: император настроен против него императрицей, которая раздражена его упреками из-за несправедно присвоенного имущества. Однако Златоуст обещал поговорить с кубикularioм (т. е. спальничим) государыни, который, по его просьбе, и устроил просителям аудиенцию у Евдоксии. В своем житии св. Порфирия диакон Марк пишет: «Когда она (т. е. императрица) их увидела, она первая поприветствовала их, сказав: “Благословите, отцы!” они же почтительно произнесли ответное приветствие. Сидела же она на золотом ложе и говорит им: “Простите меня, иереи Христовы, из-за нужды, которую налагает на меня беременность, — ибо я должна была встретить ваше преподобие в дверях. Но, ради Господа, помолитесь за меня, чтобы я безболезненно разрешилась от бремени чрева”»⁵⁵. Епископы благословили Евдоксию и, выполняя ее пожелание, рассказали о положении в Газе. Императрица передала их просьбу Аркадию. Тот не выказал большого воодушевления: хоть Газа еще и остается языческим городом, но сомнений в своей лояльности не вызывает и подати выплачивает своевременно. На следующий день Евдоксия пересказала епископам свой разговор с супругом и просила их не терять надежду. В ответ они поведали ей, как по пути в Константинополь встретили отшельника, который в точности предсказал им то, что происходит с ними сейчас в столице. Отшельник кроме того говорил, что императрица готовится стать матерью, и что она родит сына, который наследует трон своего отца. Евдоксия просияла и пообещала помочь добиться приказа о разрушении языческих храмов Газы и содействовать возведению в этом городе христианской церкви. Через несколько дней, 10 апреля 401 года, она родила своего первого сына. Получив имя в честь деда, он впоследствии стал императором Феодосием II. Вскоре после родов Евдоксия пригласила к себе обоих епископов и попросила их молитв о новорожденном и его матери. Через неделю аудиенция повторилась. Держа в руках завернутого в пурпур младенца, императрица протянула его иерархам для благословения. Ее план, касавшийся их дела, заключался в том, что архиереи должны были составить прошение и передать его вельможе, который будет нести младенца Феодосия в храм для крещения.

Позволим себе здесь небольшое отступление. Когда малютка Феодосий был крещен и кто совершил над ним таинство крещения, определить с последней степенью достоверности чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Только что процитированное Житие св. Порфирия сообщает, что, по словам Евдоксии, ее сын был крещен через несколько дней после последней встречи с епископами. Другой источник указывает, однако, гораздо более позднюю дату — Богоявление 402 года. Ни тот ни другой документ не называет при этом имя совершившего таинство. Предполагалось, что этим человеком мог быть Севериан Гавальский — епископ, пользовавшийся доверием императрицы (речь о нем пойдет в следующей главе). Тем не менее, трудно себе представить, что младенца крестил не Иоанн Златоуст, при условии, если он был в тот день в Константинополе. Об этом же заставляет думать и письмо, в котором императрица просит св. Иоанна вернуться из ссылки, называя его крестителем своего сына.

Епископы Порфирий и Иоанн Кесарийский поступили по совету императрицы. Порфирий написал прошение, ходатайствуя не только о разрушении храмов, но и о пожертвовании средств для небогатой церкви в Газе. В день крещения столица преобразилась. Придворные и государственные чиновники надели белые одежды, так что казалось, что на народные толпы выпал снег. Вельможи держали в руках свечи, которые напоминали спустившиеся на землю звезды. После крещения в храме Святой Софии младенца должны были нести обратно во дворец. Но прежде чем процессия вышла из церкви, к будущему императору приблизился св. Порфирий со своим диаконом, протянул грамоту и

⁵⁵ Житие св. Порфирия, гл. 39. Воспроизводится с незначительными изменениями перевод Д.Е. Афиногенова по изданию: Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его, М., 2002, стр. 33.

воскликнул, обращаясь к ребенку: «Просим твое благочестие!» Несший ребенка принял прошение, прочел некоторую его часть, затем подложил свою руку под голову новокрещеного и покачнул ее как бы в знак его согласия. После этого он провозгласил во всеуслышание: «Ваша держава повелела быть тому, что в этом прошении!» Все были изумлены, однако император умилился и дал свое согласие. Евдоксии немедленно доложили, что прошение принято. Лишь во дворце Аркадий спросил, о чем в нем говорится. Узнав о сути дела, он сказал: «Тяжела просьба, но тяжелее отказ, потому что это первое повеление нашего сына». Уже на следующий день Евдоксия вызвала к себе обоих епископов, и в их присутствии приказала чиновнику переписать содержание прошения в виде императорского указа. Императору осталось лишь подписать его. Епископы получили от императрицы богатые подарки. Через три дня они отправились в обратный путь. Вскоре после этих событий отряд императорских войск был отправлен в Газу. Языческие храмы, в том числе и знаменитый Марнейон, подверглись разрушению. На месте последнего святитель Порфирий воздвиг величественную церковь. Она была освящена на Пасху 406 года и получила название «Евдоксиана». К этому моменту императрицы уже полтора года не было в живых: она умерла 6 октября 404 года.

Церковно-политические дела

В этой главе пойдет речь о поездке Иоанна Златоуста в Эфес и о его посредничестве в решении тамошних церковных дел. Джон Келли убедительно показал, что эта поездка состоялась в первые месяцы 402 года, и мне остается только присоединиться к его датировке. Ее предыстория началась в апреле 400 года, то есть в те дни, когда Константинополь находился под угрозой вторжения гот. Однажды рано утром, еще до начала воскресного богослужения, Златоуст вместе с другими епископами (всего присутствовало двадцать два иерарха) присутствовал на заседании так называемого «постоянного собора». Неожиданно к ним присоединился еще один архиерей — епископ г. Валентинополиса Евсевий. Он попросил у собора разрешение зачитать жалобу на своего митрополита Антонина Эфесского. Епископ Палладий — автор жития св. Иоанна — пишет, что Златоуст сказал ему в ответ: «Брат Евсевий, поскольку часто нелегко доказать обвинения, вынесенные под воздействием оскорбления, я прошу тебя прекратить письменно обвинять брата Антонина, поскольку мы сами устраним причину оскорбления»⁵⁶. Евсевий, однако, успокоить себя не давал. Тогда Иоанн попросил епископа Павла Гераклеяского, который был в дружбе с Антонином, стать посредником между обвиняющим и обвинителем. Сам же Златоуст вместе с другими епископами пошел в церковь для богослужения. Не успело оно начаться, как в храм ворвался Евсевий. Сжимая в руке свиток с обвинением, он кричал и произносил страшные заклятия, в том числе и «благоденствием императора». Народ в храме истолковал их так, как будто Евсевий умоляет епископа Иоанна вступить перед императором за его жизнь. Чтобы успокоить совершенно вышедшего из себя Евсевия и не подавать народу нового повода для волнения, Иоанн молча принял обвинительную грамоту. Передав ведение богослужения одному из епископов, он вместе с остальными покинул храм. По окончании службы св. Иоанн вновь созвал членов «постоянного собора» и, увещевая Евсевия, посоветовал ему настаивать на своем обвинении только в том случае, если у него имеются неоспоримые доказательства. После того как жалоба будет официально зачитана, говорил он, расследование уже нельзя будет остановить. Евсевий оставался непреклонен. Огласили жалобу. Она содержала семь пунктов. Антонин обвинялся в том, что он приказал переплавить драгоценные церковные сосуды и потратил вырученные деньги на своего сына. Он забрал лежавшие у входа в баптистерий⁵⁷ мраморные плиты и украсил ими свою

⁵⁶ Диал., 14. Перевод А. С. Балаховской, *op. cit.*, 94. Palladius, *Dialogus de vita Joannis Chrysostomi*, 14.

⁵⁷ Баптистериями с III века называли либо крещальную купель, либо предназначенное для крещения строение, которое могло быть пристроено к кафедральному собору или находиться неподалеку от него. Сама купель находилась ниже уровня пола, как правило, в центре баптистерия, для которого поэтому обычно использовали форму круглой или же восьмиугольной ротонды. На Востоке купель могла помещаться и в апсиде крещального храма.

купальню. Он приказал поставить у себя в трапезной колонны, принадлежавшие одной из церквей и долгие годы хранившиеся в ней. Он содержит слугу, обвиняющегося в убийстве. Он продал перешедшие церкви по завещаниям угоды и присвоил выручку. Он снова живет со своей женой, с которой развелся перед рукоположением в епископы. Он, гласило последнее обвинение, имеет обыкновение продавать право на епископское рукоположение тем, кто больше предложит. Иоанн Златоуст подал знак к началу обсуждения. Один из присутствовавших митрополитов предложил остановиться на последнем пункте. Если окажется, что Антонин действительно продавал дар Духа Святого за деньги, то одно это будет достаточным для его осуждения. В этих словах содержался намек на эпизод из Деяний Апостолов (Деян 8:18-25), в котором Симон Маг предложил апостолам деньги, чтобы получить власть возложением рук передавать другим людям Святого Духа. По имени Симона распространившаяся в более позднее, чем описываемое, время практика продажи и покупки священного сана получила название «симония». Св. Иоанн начал процедуру дознания. Однако поскольку как сам Антонин, так и епископы, подозреваемые в покупке у него своего сана, всячески отрицали свою вину, а никаких свидетелей не было, то около двух часов пополудни расследование зашло в тупик. Именно в этой ситуации св. Иоанн принял решение ехать в Эфес. Возражений ни у кого не было. Сам же Антонин был страшно встревожен. При императорском дворе у него имелся высокопоставленный знакомый, который был ему обязан, поскольку Антонин управлял его имениями неподалеку от Эфеса. Обратившись к нему, Антонин сказал, что готов прислать свидетелей в Константинополь, пусть только Иоанн не едет в Эфес. Через некоторое время Златоуст получил из дворца послание, в котором говорилось, что время для отлучки сейчас неблагоприятное, поскольку грозные события требуют неперемennого присутствия архипастыря и блюстителя душ в городе. И действительно, вскоре после этого Иоанна попросили отправиться в лагерь Гайны. Таким образом, так или иначе, Антонину поначалу удалось предотвратить небезопасное для него самого путешествие св. Иоанна в Эфес. Последний еще раз созвал епископов и объявил им, что вынужден оставаться в столице. Вместо него были избраны три епископа — в том числе и уже знакомый нам св. Палладий, — которым поручили вести разбирательство. Было решено, что обвинители, обвиняемые и свидетели соберутся в небольшом, но все же имевшем своего собственного епископа городке Гипепа между Сардами и Эфесом. Дело началось неудачно, поскольку один из выбранных для расследования епископов (сообщается, что он находился в дружбе с Антонином), сославшись на слабое здоровье, отказался от поездки. Два других отплыли в начале июня на корабле в Смирну, письменно сообщили о своем прибытии всем участвующим в деле сторонам и пригласили их в Гипепу. Антонин, между тем, не терял времени даром: ему удалось подкупить как своего главного обвинителя Евсевия, так и выдвинутых им свидетелей изрядными суммами в золоте. Когда судебное разбирательство началось, Евсевий заявил, что сможет представить свидетелей в течение сорока дней. Затем он уехал в Константинополь и скрылся.

Когда назначенный срок прошел, собравшиеся в Гипепе епископы исключили Евсевия из церковного общения. Подождав еще немного, они, в конце концов, вернулись в Константинополь. Здесь они по чистой случайности столкнулись с Евсевием, который объяснил, что чувствовал себя нехорошо, и поэтому не смог представить свидетелей, однако собирается это сделать. Вся эта недостойная комедия продлилась бы, пожалуй, еще какое-то время, если бы Антонин не подготовил для нее неожиданный финал: он умер (точная дата неизвестна). Епископы провинции Азия и эфесский клир написали вслед за тем св. Иоанну, прося его приехать в Эфес: «Приди и благоустрой церковь Эфеса так, как того требует Божественный закон! Наша церковь больна уже не один год». Приблизительно в конце 401 года Златоуст принял решение отправиться в запланированную почти полтора года назад поездку. Управление епархией он передал своему архидиакону Серапиону, проповедовать вместо себя поручил епископу Севериану Гавальскому. Морем Иоанн добрался до Апамеи, где, согласно договоренности, его ждали епископы Павел Гераклеяский, Кирин Халкелонский и уже знакомый нам Палладий. Осенью 403 г. Павел и Кирин станут ожесточенными

противниками св. Иоанна. Возможно, подобное настроение возникло у них только после совместной поездки в Эфес. Непримирым противником Златоуста сделался вскоре и Севериан Габальский, которому он в свое отсутствие доверил епископскую проповедь в столице. Этот выбор, как и некоторые другие примеры, заставляют думать, что Иоанн, скорее всего, не всегда удачно разбирался в людях.

В Эфес епископы направились по суше. На собор в этом городе собралось около семидесяти архиереев. Привлечь к разбирательству Антонина было уже невозможно, однако в живых оставались шесть епископов, приобретших у него свой сан за деньги. Нашлись и свидетели, показавшие, какие суммы были уплачены за соответствующий сан. Собор принял достаточно мягкое решение: хотя все шестеро лишались священного сана, им разрешалось по-прежнему участвовать в богослужениях в качестве членов клира. Кроме того, потраченные на взятку суммы они могли получить обратно у наследников Антонина. К тому же, Златоуст обещал ходатайствовать перед императором о том, чтобы освобождение от исполнения связанной со значительными расходами должности декуриона, сохранялось за ними и после того, как они перестали быть епископами. После того, как эти вопросы были улажены, рукоположили шестерых новых епископов. Долго не удавалось избрать приемника Антонину, т. к. нашлось сразу несколько достойных кандидатов. Наконец выбор пал на предложенного Златоустом диакона константинопольской церкви Гераклида.

Обратно в столицу константинопольский епископ отправился в марте сухопутным путем. С 11 ноября по 10 марта судоходство официально прекращалось из-за зимних бурь. Спеша в Эфес, Златоуст предпочел более быструю морскую дорогу по причине неотложности накопившихся там дел. Для возвращения сушей у него были другие важные соображения. В Никомедии — старинной императорской резиденции на берегу Мраморного моря⁵⁸ — также было необходимо его вмешательство. Местную церковь здесь возглавлял пользовавшийся всеобщей любовью епископ Геронтий. Он был известен не только в качестве архиерея, но и как врач, который с успехом и совершенно бескорыстно предлагал свои услуги и богатым, и бедным. В Никомедию он прибыл с Запада, где какое-то время был диаконом в г. Медиолане. По неизвестным нам причинам, медиоланский епископ св. Амвросий (374-397) наложил на своего диакона Геронтия церковное наказание, запретив ему в течение года выходить из дома. Геронтий от такого образа покаяния уклонился и осел на Востоке. Обаяние и красноречие помогли ему быстро завоевать доверие влиятельных лиц в Константинополе. Через короткий срок он становится епископом Никомедийским. Это вызвало неудовольствие св. Амвросия, который писал по делу Геронтия предшественнику Златоуста Нектарию, протестуя против его возведения в епископское достоинство. С точки зрения церковных канонов, случай был совершенно ясный: Геронтий принадлежал к медиоланскому клиру и продвижение его в церковной иерархии в обход его собственного епископа следовало расценивать как недопустимое вмешательство в дела медиоланской епархии. Однако Нектарий и не подумал предпринять какие бы то ни было действия против Геронтия. Направляясь в Никомедию, св. Иоанн намеревался исполнить волю почившего в 397 году Амвросия Медиоланского. Он сместил Геронтия и рукоположил на его место бывшего воспитателя императрицы Пансофия. Это был тактически весьма выигрышный шаг. Дело в том, что население Никомедии вышло на улицы, протестуя против лишения кафедры своего завоевавшего всеобщую любовь епископа и демонстрируя нежелание признать его приемника. Эти протесты остались, между тем, совершенно незамеченными при дворе: императрица была восхищена тем, что Никомедийским епископом стал именно Пансофий. Не было ли у Златоуста намерения обратить на себя благосклонное внимание Евдоксии?

С другой стороны, особенно неблагоприятными отношения между епископом и двором на тот

⁵⁸ Ныне г. Измит. В начале последнего и самого страшного преследования христиан, примерно за сто лет до описываемых событий, солдаты разрушили в Никомедии христианский храм, уцепившись крючьями за стены.

момент быть, скорее всего, не могли: в своих церковно-политических мероприятиях Златоуст опирался на полную и безусловную поддержку императора. Именно этим, судя по всему, и следует объяснять то, что во время поездки, по распоряжению Иоанна, было закрыто множество храмов новациан. Как мы помним, в самой столице его усилия, направленные против новацианского епископа Сиссиния, никакого успеха не имели.

Через две-три недели после Пасхи 402 года (Пасха в том году пришлась на 6 апреля) св. Иоанн прибыл в свой город и был встречен с величайшим ликованием. Толпа провожала его от порта до епископского дворца. Люди благодарили Бога за его благополучное возвращение. По словам из речи Златоуста, о которой мы расскажем чуть ниже, весь город превратился в храм. На следующий день Златоуст произнес приветственную речь. С риторическим блеском он обращался к своей пастве: «Моисей удалился от своего народа лишь на сорок дней, но тот уже успел отвратиться от него в поклонение идолам. Меня не было более чем сто дней, но вы сохранили верность и своей вере, и своему епископу. Не потому, что я больше Моисея, но потому, что вы лучше нудеев. И это наполняет меня неизреченной радостью. Престарелый Иаков радовался, вновь увидев своего сына Иосифа, а я же встретился с целым народом»⁵⁹. Этот день стал одним из последних радостных дней в жизни св. Иоанна. Вмешательство в конфликты Эфесской и Никомедийской церкви оказались поворотным моментом в его судьбе.

В Константинополе Иоанна ожидали серьезные проблемы. Уже на пути в город он был письменно извещен преданным ему архидиаконом Стефаном о том, что возникло осложнение, связанное с Северианом Гавальским. В процитированной выше речи Иоанн делает скрытый намек на эти обстоятельства. Он сравнивает город, куда теперь вернулся, с раем, раем без змия, и говорит затем, что даже если кое-где маслины и виноградные лозы дали дикие побеги, то он в скором времени снова приведет сад в порядок. Дошедший до нас текст содержит лишь слабый отпечаток того, что тогдашнему слушателю должно было стать ясным благодаря мимике и модуляциям голоса: речь шла о противниках.

Севериан, епископ уютного сирийского городка Гавала в двадцати пяти километрах к югу от современной Латакии, как и многие другие епископы, приехал в столицу в надежде сделать здесь карьеру. Иоанн принял его по-дружески и представил ко двору. Севериан обладал солидными познаниями в экзегетике, его проповеди увлекали, несмотря на грубоватый сирийский акцент или, быть может, именно благодаря ему. В отсутствие Златоуста именно он проповедовал в главном константинопольском храме. Вскоре среди его слушателей стала появляться и императорская чета. Евдоксия со своими придворными дамами находила, что куртуазный Севериан гораздо симпатичнее Иоанна с его неприятной прямоотой. Севериан умело использовал сто дней отсутствия Иоанна в Константинополе. Он навел мосты между влиятельными лицами, имевшими основания быть недовольными Златоустом либо по тем или иным политическим или церковно-политическим причинам, либо из-за его порицания роскоши и богатства. Уезжая, Иоанн имел хорошие контакты при дворе. Когда он вернулся, многое изменилось не в его пользу.

К несчастью Златоуста, оставленные им для исполнения его обязанностей в столице епископ Севериан и архидиакон Серапион вступили друг с другом в конфликт, имевший неблагоприятные последствия прежде всего для самого Иоанна. Серапион наблюдал за мероприятиями Севериана с нарастающим раздражением. Открытое столкновение произошло, когда однажды Севериан проходил мимо сидящего архидиакона и Серапион не встал, как того требовало уважение к сану. Позднее Серапион поклялся в том, что не заметил Севериана. Для последнего поведение архидиакона могло означать лишь выражение личного презрения. В ярости он, якобы, сказал: «Если Серапион умрет, как христианин, то Христос не становился человеком». Таковы были обстоятельства, с которыми Иоанн

⁵⁹ Проповедь сохранилась в латинском переводе под названием «О возвращении Иоанна», *Г>е теръззу/оанни*, см. РС 52, 421-424.

был вынужден ознакомиться, вернувшись домой. О поступке Серапиона в те дни говорили даже на улицах города. Иоанн вызвал его и спросил, что произошло. Серапион объяснил, что просто не заметил Севериана, но что сам Севериан сказал, что Господь Иисус Христос на самом деле не становился человеком. Сократив приведенные выше слова епископа, он, таким образом, обошелся полуправдой. У него нашлись друзья, которые с готовностью поклялись в том, что Севериан в самом деле произнес эти слова. Здесь самому Иоанну, без сомнения, следовало бы назначить независимое расследование инцидента. Он же, вызвав Севериана к себе, приказал ему немедленно покинуть столицу по причине его гордыни и хульных речей. Обвинительный список собора «Под дубом» фиксирует, что для ускорения отъезда Севериана Иоанн даже задействовал чиновников собственной епископской резиденции. Это скоропалительное решение с трудом поддается объяснению. Имела ли здесь значение возможная зависть к успехам Севериана-проповедника? Оба церковных историка Сократ и Созомен делают соответствующее замечание. Или же успехи поездки по Малой Азии и связанное с ними укрепление его епископской власти сделали Иоанна нечувствительным к реальностям константинопольской жизни? Определенную роль, наверняка, сыграло неудовольствие по поводу направленной против него агитации Севериана.

Как бы то ни было, в своих действиях Златоуст не принял в расчет императрицу. Узнав, что Севериан выслан из города и уже успел уехать, она возмутилась. Между тем, Севериан был совсем неподалеку. Переплыв Босфор, он гостил у епископа Кирина в Халкедоне. Совсем недавно Кирин сопровождал Златоуста в его малоазийском путешествии, однако вскоре он станет одним из его убежденных противников. Причины этой перемены остаются неясными. Можно предположить, что его отношение изменилось после того, как он узнал о том, как грубо Иоанн обошелся с Северианом.

Евдоксия в резких выражениях выразила порицание действиям Златоуста и распорядилась без промедления вернуть его. Воспрепятствовать этому Иоанн не мог. Севериан возвратился в епископский дворец. Златоуст избегал встреч с ним и пренебрег советами своих искренних доброжелателей, которые склоняли его к тому, чтобы он изменил свое холодное отношение к Гавальскому епископу на более дружественное. Слухи о столкновении двух епископов, которое породило выпавшее на долю Иоанна унижение благодаря вмешательству императрицы, лавиной пронеслись по столице. Массы были безоговорочно на стороне почитаемого константинопольского епископа и шумно выражали свое неодобрение чужаку-сирийцу. Невозможно предположить, что Иоанн хоть в какой-то степени сам позаботился об этой поддержке, хотя он, безусловно, прекрасно осознавал политическую весомость своей фигуры.

Между тем, во дворце сложившееся положение, судя по всему, было сочтено взрывоопасным, что подтолкнуло императрицу на необычный шаг. Со своим годовалым ребенком на руках, она подошла к Иоанну в храме Апостолов. Побудив епископа взять малыша Феодосия на руки, она обратилась к нему с мольбой о примирении с Северианом во имя ее сына и наследника престола. Переубедить слержанного Златоуста ей удалось с большим трудом. В конце концов, он не мог более противиться желанию императрицы и дал свое согласие. Свою роль могло сыграть и то, что от Иоанна не укрылось, что Евдоксия все еще относится к нему с благоговейным почтением. Примирение двух епископов не могло, однако, состояться в обычном частном разговоре. Успокоить народные массы мог только торжественный официальный акт. Он состоялся в переполненном храме Святой Софии в присутствии Евдоксии и Аркадия. Севериан произнес тщательно отшлифованную речь, в которой, между прочим, сказал, что художники, желая изобразить, что два императора или же два брата, занимающие высокие посты, будучи двумя людьми, обладают одним сердцем, имеют обыкновение помещать за их спинами фигуру женщины, которая представляет Согласие или Единодушие. Эти слова представляют собой хороший пример отточенной политической риторики Севериана. Упомянув об изображении двух братьев с фигурой Согласия позади, он вплел в свою речь тонкую лесть в адрес императорской фамилии, ибо незадолго до того Аркадий и Гонорий — вопреки многообразным

трениям между обеими частями Империи — приняли решение вместе стать консулами на 402 год. Это событие было отмечено особой монетой, на которой оба брата были отчеканены стоящими рядом друг с другом в мирном согласии. С другой стороны, использованный Северианом образ содержал также шпильку в адрес Златоуста, поскольку подразумевал, что Севериан рассматривает себя как равного ему. Затем выступил Иоанн, который призвал к восстановлению мира и добрых отношений. Он говорил достаточно сухо, и в его словах, как будто, просвечивала недавняя обида. В начале речи прозвучало строгое назидание: церковный народ обязан своему епископу повиновением точно так же, как подданные своему императору. Он, их епископ, является для них посланником Христа, и сейчас Его именем он призывает к миру. Это как нельзя более подобает епископскому сану. Ибо, чтобы примирить людей, Сын Божий стал человеком и умер на Кресте. Поэтому нам не следует отвергать Его волю и закореневать во вражде. То, что произошло в церкви, — немаловажно. «Однако, — продолжал он, — я не поощрю распрю и не хочу беспорядков. Оставим прежнее! Уймитесь, успокойтесь, сдержите недовольство и обуздайте досаду! Прекращение спора соответствует Божьей воле и воле нашего благочестивого императора. И если я в достаточной мере подготовил ваши сердца для того, чтобы они откликнулись на мой призыв к миру, то примите же нашего брата Севериана!» В ответ на эти слова раздались громкие аплодисменты. Златоуст добавил: «Я еще не окончил говорить, а вы уже изгнали из своих сердец всяческую досаду. Примите же его сердечно и прямодушно! Забудьте о былом! Когда наступает мир, нет места воспоминаниям о ссорах»⁶⁰.

На следующий день слово вновь было за прощенным Северианом. Его речь, как и в первый раз, явила образец риторического мастерства. Корабль церкви, говорил он, опять вошел в спокойные воды, и этому радуются ангелы. Епископу Иоанну Севериан выразил надлежащее почтение, назвав его «нашим общим отцом». Затем проповедник перешел к истолкованию Послания к Ефессянам 2:14-15⁶¹ в свете актуальных событий. Возникшая ссора — дело рук Лукавого. Ныне, после водворения мира, настало время его печали. В конце своей речи Севериан вспомнил о размолвке между апостолами Павлом и Варнавой (Деян 15:35-41), причем сделал это таким образом, что Златоуст мог воспринять его слова как новую провокацию. И епископы, по словам Севериана, могут утрачивать сердечную широту, ведь и они — всего лишь люди. Даже Павел и Варнава ссорились. При этом не было правого и виноватого: оба они — каждый по-своему — стремились проповедовать Евангелие. И, в конце концов, между ними восторжествовало взаимопонимание. «И это, — закончил свою речь Севериан, — да будет нам в ободрение». Если великодушные подчас оставляло самих апостолов, то церковный народ не должен удивляться, если это произошло и между Иоанном и Северианом. «Обратимся же с мольбой к нашему общему Отцу с тем, чтобы Он запечатлел слово восстановленного между нами мира во Христе Иисусе, Господе нашем».

Длившаяся два дня акция примирения достигла, по меньшей мере, одной цели: в городе прекратились манифестации. Второе свое предназначение она выполнить не смогла постольку, поскольку напряженные отношения между обоими епископами продолжали сохраняться. Императорский указ привязал их друг к другу, предписав жить под одной крышей. В более предпочтительном положении был, безусловно, Севериан. Он находился под защитой императрицы, пользовался благосклонностью императорской семьи и ее приближенных, его не отягощали ежедневные епископские обязанности. Все эти преимущества перед Иоанном ему самому были вполне очевидны. Об этом говорит самоуверенный тон, который он позволил себе в упомянутых выше речах. Для Иоанна сложившаяся ситуация была гораздо менее удобна. Севериан не мог простить ему свое изгнание, на котором Златоуст настоял, не проверив более тщательно обвинения Серапиона и не выслушав подобающим образом самого обвиняемого. Таким образом, былой почитатель превратился

⁶⁰ Проповедь под названием *De recipiendo Severiano* сохранилась в латинском переводе, см. PG 52, 423-426.

⁶¹ Ибо Он (т. е. Христос) есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею.

в непримиримого врага, деятельно готовившего устранение Иоанна. Во всех сплетаемых против константинопольского епископа интригах ему было суждено сыграть ключевую роль. При этом внешним образом все выглядело так, как будто победителем вышел именно Златоуст. Евдоксия смиренно просила его о примирении с Северианом. Он сам сделал первый шаг навстречу противнику в знак своего миролюбия. Городские беспорядки улеглись. Однако ничто не осталось, как прежде. Отношения с императрицей заметно похолодели. В константинопольском клире все слышнее становились голоса недовольных, утверждавших, что Иоанн ведет себя как жестокий, горделивый, грубый и жестокосердый тиран. Сопrotивление росло и среди находившихся в столице епископов из провинции. Наряду с Северианом особенно выделялись двое из них. Что заставило стать противником св. Иоанна Антиоха Птолемаидского мы не знаем. Палладий пишет, что он был исполнен духом зависти и соперничества. Более ясны мотивы Акакия Веррийского. После своего избрания на Константинопольскую кафедру Златоуст поручил ему важную миссию в Риме. К моменту описываемых событий у него, однако, сложилось впечатление, что Иоанн его недостаточно ценит. Во время последнего посещения столицы ему отвели в епископском дворце слишком маленькую комнату. После этого он, по сообщению св. Палладия, в гневе воскликнул, что Иоанн у него еще попляшет.

В сложившейся ситуации епископ Иоанн принял кадровое решение. Он сместил пользовавшегося его неизменным доверием Серапиона с важной должности архидиакона, рукоположив его во священники. На его место, предполагавшее, помимо прочего, управление епархиальным хозяйством, он назначил неизвестного нам по имени человека, о котором мы, однако, знаем, что в последствии он позорно предал своего епископа.

«Длинные братья»

В сентябре 401 года — мы возвращаемся на полгода назад — на улицах Константинополя появилась группа, состоявшая из, примерно, пятидесяти монахов. Их внешний вид заставлял предполагать, что они проделали долгий путь. Впереди всех шагали четыре необычно высоких инока. Вскоре выяснилось, что это были «длинные братья», известные повсюду в Египте и далеко за его пределами аскеты. Монахи направились к епископскому дворцу, и, когда их провели к Иоанну Златоусту, они упали перед ним на колени. История их злоключений, о которых они рассказали Иоанну, имела своим виновником Александрийского патриарха Феофила, подвергнувшего их злокозненным преследованиям и добившегося их изгнания из Египта. Они попросили Иоанна о помощи, сразу заявив, что, если он не будет в состоянии ничего для них сделать, они обратятся к самому императору. Жестокость, с которой Феофил обошелся с монахами, поразила Златоуста. Однако он хорошо понимал, что руки его были связаны. По церковным канонам, эти люди находились в юрисдикции патриарха Феофила, и только он, отлучивший их, имел право снять это наказание. Иоанн по своему опыту знал, насколько чувствителен был Феофил к любому посягательству на свою власть. Как мы помним, у Феофила имелся свой кандидат на Константинопольскую кафедру, но находившийся в ту пору в расцвете своего могущества министр Евтропий принудил его принять участие в рукоположении Иоанна. Исходя из этого, Златоуст повел себя с исключительной осторожностью. Монахов он велел разместить в одном из приютов, не предоставив им, таким образом, к примеру, собственный дворец. Позаботиться о их размещении он поручил Олимпиаде, так чтобы пришельцы не могли считаться гостями Константинопольской церкви. Более молодым из них было предложено заняться работой. Помимо этого, Иоанн вызвал к себе агентов египетского патриарха, представлявших его интересы в столице. В том числе, в их обязанности входило при помощи подарков и подкупов доставлять в Александрию таких уполномоченных правительства, которые были бы приемлемы для их патриарха. Ничуть не смутившись, эти люди подтвердили, что Феофил применил по отношению к монахам насилие. Одновременно они предостерегли Иоанна от вступления с ними в церковное общение и допущения их к Евхаристии. Случись это, Феофил может прийти в такую ярость,

что делается непредсказуемым. Св. Иоанн с никогда не оставлявшим его оптимизмом заключил, что при желании дело, пожалуй, можно разрешить. Он предпринял следующие шаги: беглецам он настойчиво порекомендовал хранить молчание о гонениях, которым они были подвергнуты. Александрийскому же патриарху Златоуст написал выдержанное в самых дружественных тонах послание, называя себя его сыном (напоминание о том, что именно Феофил рукоположил его в епископы) и братом, и прося принять монахов в общение египетской церкви.

Обратимся теперь к предыстории этого конфликта. Человеком, которого Феофил желал бы видеть на Константинопольской кафедре, был пресвитер Исидор, начальствовавший над благотворительной деятельностью Александрийской церкви. Однажды одна богатая вдова передала ему тысячу золотых монет на покупку одежды для бедных. Она просила ничего не говорить об этом пожертвовании Феофилу, опасаясь, что в противном случае деньги будут израсходованы на строительство, пристрастие патриарха к которому в Египте сравнивали с фараоновым. Между тем, шнырявшие по всему городу доносчики Феофила не преминули доложить ему об этом деле. Он вспыхнул и порешил уничтожить Исидора. После двух месяцев ожидания был нанесен неожиданный удар. Феофил припомнил, что восемнадцать лет назад он получил письмо, в котором Исидор обвинялся в гомосексуальной связи с каким-то матросом. В ту пору никакого хода обвинению дано не было, поскольку Исидор был у патриарха на хорошем счету. Письмо же Феофил сохранил. Теперь оно пригодилось, и Феофил обвинил Исидора перед всем александрийским клиром. Понимая, что столь давнее дело да еще при отсутствии свидетелей выглядит весьма шатко, патриарх позаботился о том, чтобы был организован новый свидетель, и он немедленно нашелся. Это был неизвестный молодой человек, который подтвердил, что Исидор имел с ним связь. Куплен он был за пятнадцать золотых, которые затем передал своей овдовевшей матери. Именно она открыла неприглядную историю Исидору и показала ему золотые, переданные ее сыну сестрой патриарха.

Феофил отлучил Исидора от церковного общения. Тот, не на шутку опасаясь за свою жизнь, бежал в Нитрийскую Пустыню к юго-востоку от нильской дельты. В былые годы Исидор подвизался здесь вместе с другими монахами, сообщество которых теперь возглавляли «Длинные братья». Они приняли загнанного восьмидесятилетнего старца с любовью.

Узнав об этом, Феофил написал жившим поблизости епископам, требуя, чтобы они изгнали предстоятелей монашеского сообщества из их келий. В ответ монахи решили пойти к самому Феофилу и потребовать у него объяснений. Александрийский папа принял их немилостиво. Глаза его налились кровью, как у дракона; он схватил первого попавшегося ему под руку «Длинного брата» (это был Аммоний) за воротник и ударил его по лицу так, что пошла кровь. «Еретик, — крикнул он, — говори сначала анафему на Оригена».

Имя выдающегося александрийского экзегета Оригена (185—254), богословское наследие которого имело большое значение для церковной истории ближайших ста пятидесяти лет после описываемых событий, еще не раз появится на страницах нашей книги. Ориген жил в эпоху, когда по центральным богословским вопросам можно было высказываться достаточно свободно, и пустился в весьма смелые построения о происхождении и дальнейшей судьбе мира. Он полагал, что одни зоны (т. е. эпохи в состоянии космоса) сменяют другие, а пребывание в этом мире имеет своей целью очищение. Поскольку разумная основа души неразрушима, в конце веков, по Божьей милости, все будут спасены. Бог был для Оригена чистым, абсолютно бесплотным Духом. Поэтому все места Писания, где о Боге говорилось при посредстве человеческих понятий, он считал необходимым интерпретировать аллегорически. Вплоть до конца IV века все образованные богословы продолжали идти по следам Оригена, несмотря на то, что в свете определений Никейского (325) и Константинопольского (381) соборов некоторые формулировки александрийского учителя казались далеко небезупречными. Около 358 года два святых отца-каппадокийца, епископы Василий Великий и Григорий Богослов почтили недостижимые взлеты богословской мысли Оригена составлением

«Филокалии», антологии выдержек из его трудов. Между тем, учение Оригена о воскресении, осязаемо принижающее реальность воскресшей плоти, все больше и больше смущало простых верующих, которые в полемике с ним настаивали на телесности воскресения. Около 375 года епископ кипрского города Саламина Епифаний составляет другой сборник: в нем был перечислен ряд ошибочных мнений Оригена.

В последней четверти IV века разгорелся спор о том, в каких выражениях подобает говорить о Боге. Люди, подобные «Длинным братьям», а также долгое время и сам Феofil следовали в этом вопросе Оригену: о Боге прилично рассуждать, лишь мысля Его как чистого Духа. Еще в 399 году в своем послании, которым верующие Египта, согласно древнему обычаю, оповещались о дате празднования Пасхи, Феofil подчеркнул бестелестность Божества и осудил так называемых антропоморфитов, т. е. тех, кто представляет себе Бога в человеческом облике. Тем не менее, среди монахов Египта, людей, по большей части, малообразованных, «антропоморфитов» становилось все больше и больше. В оправдание своей веры они ссылались на Библию, где нередко говорится об очах Божиих, Его руках или голосе, Его гневе или же милосердии. Бесплотный Дух Оригена ускользал от их чувств, давал слишком мало пищи их простой вере. Пасхальное послание Феофила показалось им возмутительным, и они ринулись в Александрию, чтобы заявить свой протест. Феofil был в достаточной мере реальным политиком для того, чтобы понимать знамения времени и делать из них правильные выводы. Он не только сумел успокоить толпу удачной фразой: «Вижу вас, как лик Божий», но и пошел на радикальное изменение своих богословских убеждений. Тем самым он сполна воздал должное прозвищу «Амфаллак», которое закрепилось за ним в народе. В свободном переводе оно значит что-то вроде «И вашим и нашим». Другими словами, Феofil никогда не упускал из виду альтернативных возможностей. Большую известность, например, получила достаточно неприятная для него история о двух поздравлениях. Рассказывают, что в связи с направленным на свержение императора Феодосия I мятежом Максима он направил в Рим Исидора, снабдив его двумя посланиями. Одно из них было адресовано Феодосию. Его следовало вручить, если именно он выйдет победителем в решающей битве. Другое же предназначалось Максиму на случай, если победит он. Теперь, когда Феofil дистанцировался от оригенистических взглядов, у него, помимо прочего, оказывались развязанными руки для расправы над «Длинными братьями». Он созвал в Александрии собор и осудил оригенизм.

Однако это было еще далеко не все. Феofil убедил пятерых нитрийских монахов подать императорскому наместнику составленный им самим список тяжких обвинений в адрес «Длинных братьев». За эту услугу все пятеро были посвящены в различные духовные звания: один стал епископом, другой — пресвитером, остальные трое — диаконами. Феofil добился от наместника согласия на оказание помощи при изгнании «Длинных братьев» и их сторонников. Весной 400 года Феofil лично возглавил ночную атаку на кельи «Длинных братьев». Группа солдат в сопровождении пьяной своры из его людей разметала и сожгла монашеское селение. Братья и верные им иноки сумели избежать насилия бегством. Однако Феofil не собирался оставлять их в покое. Мобилизованные им палестинские епископы позаботились о том, чтобы беглецы повсюду на своем пути на север оставались стоять перед закрытыми дверями. В дороге они были около четырех месяцев: ряды их таяли, из более чем трехсот монахов осталось около пятидесяти. Наконец было принято решение плыть в Константинополь и просить о помощи епископа Иоанна.

Когда александрийский папа узнал, что «Длинные братья» находятся на пути в Константинополь, он сразу понял, что если недовольные завоюют доверие Иоанна или, что еще хуже, самого императора, его престиж и положение окажутся под угрозой. Поэтому Феofil разработал тактику противодействия. Главную роль он отвел выбору правильных союзников, наиболее подходящим из которых ему казался украшенный годами и всеобщим уважением св. Епифаний, митрополит Кипрский. Он, как было сказано выше, уже четверть века назад предупреждал об ошибках

Оригена и пользовался заслуженной славой борца с ересями. По своим убеждениям он был, скорее, противником греческого образования, при этом сам, помимо родного греческого, владел еще латынью, еврейским, сирийским и коптским языками. Его знания, подобно его стилю, отличались запутанностью и неясностью; в богословских спорах он был весьма резок, не уходя от самой острой полемики с неправыми мнениями. От слов он легко переходил к делу: в одной из церквей неподалеку от Иерусалима он заметил занавес с изображением Иисуса Христа; сказав своему спутнику, что Священное Писание запрещает зрительные образы, Епифаний без дальнейших слов снял занавес и разорвал его.

Именно к этому человеку обратился теперь Феофил. К своему письму он приложил копию послания, которое информировало палестинских епископов об афере в Нитрийской пустыне, побуждая их к отказу в содействии «Длинным братьям». Самого Епифания Феофил призывал осудить Оригена всем собором кипрских епископов и официально сообщить об этом решении как константинопольскому епископу Иоанну, так и лично ему самому. Феофил писал, что избрал Епифания потому, что тот, выступив на борьбу с ересью Оригена, постиг истину задолго до него. Епифанию не могло не польстить, что великий александрийский епископ, который еще два года назад придерживался совсем других взглядов, теперь разделяет его мнение. Скорее всего именно по этой причине он не смог сразу почувствовать, что Феофил просто-напросто использует его как фигуру в своей собственной игре; осознание этого пришло к нему позднее.

Теперь же, выполняя просьбу Феофила, он созвал епископов Кипра и осудил Оригена. Об этом соборном решении он написал Иоанну Златоусту, требуя от него созыва аналогичного собора для анафематствования наиболее вопиющих ошибочных мнений Оригена.

Между тем, Феофил отправил в Константинополь группу нитрийских монахов с заданием опровергнуть жалобу «Длинных братьев» и оправдать их изгнание из Египта. Вслед за ними он послал еще несколько человек, известных своим риторическим даром убеждения. Они были снабжены новыми материалами, компрометирующими подвергнутых гонениям монахов. Вся эта кампания имела некоторый успех: братья были вынуждены перейти к обороне и, в конце концов, согласились написать Феофилу послание, в котором они отказывались «от всех своих ошибок». Имя Оригена при этом осталось неназванным.

Это послание только еще больше раздосадовало александрийского архиепископа. Помимо этого, до него докатились обескураживающие слухи, что братья, несмотря ни на что, все же были приняты в евхаристическое общение. К тому же Феофил не мог представить себе иного развития событий, кроме того, что Златоуст будет пытаться использовать инцидент с «Длинными братьями», с тем чтобы усилить влияние столичной кафедры в ущерб авторитету Александрии. Соперничество двух христианских городов началось с того, что император Константин избрал новую столицу своей резиденцией, придав ей тем самым небывалый политический вес. Опасный для Александрии оборот конкуренция с Константинополем приобрела благодаря уже упоминавшемуся решению II Вселенского Собора 381 года, который выдвинул столичную кафедру на первое место на Востоке, сделав ее второй по чести после Рима. Теперь Феофил опасался того, что вмешательством константинопольского епископа в дела александрийской кафедры это первенство чести может получить вполне реальные юридические черты.

В этой ситуации «Длинные братья» не видели иного выхода кроме составления петиции на имя епископа Иоанна, где были со многими подробностями перечислены злодеяния Феофила. Палладий Еленопольский, обычно не смущающийся воспроизведением фактов, порочащих противников высоко чтимого им Иоанна Златоуста, пишет по поводу этого списка, что он не хочет его повторять, чтобы не нанести вреда вере молодых и неискушенных христиан. Петиция должна была быть передана находившемуся на тот момент в Малой Азии Златоусту по его возвращении в Константинополь.

Прибыв в столицу, Иоанн был принужден немедленно приступить к разрешению этого деликатнейшего вопроса. К братьям были посланы несколько дружных с ним епископов, уговаривавших их забрать жалобу на Феофила и покинуть Константинополь. Если дать ей ход, говорили они, не выйдет ничего, кроме большой беды. Иоанн пустил в ход все средства, чтобы избежать скандала. Однако «Длинные братья» остались глухи к его просьбам. Тогда Златоуст написал своему александрийскому собрату второе послание, приложив к нему список воздвигнутых на Феофила обвинений. Феофил отреагировал очень резко. Он отлучил от причастия Диоскора, единственного из братьев, который еще не был им подвергнут этому наказанию, и написал Иоанну колкое послание, напоминая ему о том, что Никейский Собор запретил епископам выносить судебные решения по делам чужих епархий. Если кому и вести разбирательство о его поступках, то не «тебе, живущему за пятьдесят семь дневных переходов», а судьям из Египта.

Иоанн понял, что договориться с Феофилом не удастся. Пригласив к себе братьев и посланцев Феофила, он в последний раз предложил им примириться. Обе стороны отказались. После этой встречи братья окончательно утвердились во мнении, что долгие месяцы ожидания в столице прошли впустую, и епископ не может да и не хочет помочь им. Так они пришли к решению обратиться непосредственно к императору и императрице. Были составлены две жалобы. Первая представляла доказательства того, что «Длинные братья» были оклеветаны агентами Феофила. Вторая включала подробный перечень беззаконий александрийского архиепископа. Благоприятный момент для передачи жалобы выдался 24 июня 402 года — на праздник Рождества Иоанна Крестителя. В этот день императрица направлялась к храму Предтечи в Гебломоне. Монахи стали на пути ее колесницы. Евдоксия, знавшая «Длинных братьев», приказала остановиться. Выглянув наружу, она попросила их благословения и молитв о семье императора и его державе. Императрица с благосклонностью выслушала историю злоключений братьев и обещала исполнить просьбу о том, чтобы их жалоба на клеветников была рассмотрена светским судом, а сам египетский патриарх был привлечен к ответу перед собором епископов под председательством Иоанна.

Под влиянием Евдоксии, власти и в самом деле выступили в защиту интересов беглецов. Императорским указом Феофилу предписывалось явиться в столицу с тем, чтобы предстать перед духовным судилищем во главе с константинопольским епископом. В Александрию указ должен был доставить высокопоставленный чиновник Елафий. Одновременно с этим, оклеветавшие братьев посланцы Феофила были задержаны вплоть до окончания разбирательства его дела. В случае, если они не смогут предоставить доказательства справедливости своих обвинений, их ожидало строгое наказание за клевету.

Стратегия патриарха Феофила

Мы не имеем точной информации о тех чувствах, которые наполняли египетского патриарха Феофила, когда Елафий передавал ему императорскую повестку. Однако вряд ли можно усомниться в том, что это унижение должно было заставить самого могущественного человека Египта почувствовать себя опозоренным. Не менее ясно и то, что во всем этом деле он должен был заподозрить руку Иоанна. Иного выхода, кроме как повиноваться приказу из столицы, у Феофила не было. Собираясь в дорогу, он тщательно обдумывал ответный ход. Теперь на повестку дня снова выходили планы, которые он взвешивал и оживленно обсуждал сразу после епископской хиротонии Иоанна. Покуда его соперник был защищен расположением императора, они оставались под спудом, но теперь Феофил снова принялся оттачивать свою хитроумную стратегию. Во-первых, отъезд был затянут, насколько это было только возможно. К тому же, часть пути Феофил намеренно преодолел по суше, что заняло гораздо больше времени, чем путешествие по морю. Расстояние от Александрии до Константинополя преодолевалось на корабле, примерно, за двадцать дней. Как сам Феофил писал Иоанну в одном из писем, та же дорога сухопутным путем занимала семьдесят пять дней. Возможно,

Феофил доплыл на корабле до Ликии, области на юге современной Турции, и далее отправился посуху, что дало ему возможность агитировать против Иоанна Златоуста. На соборе «Под дубом» появились обличенные в симонии ефесские епископы, которых Иоанн сместил с их кафедр. Предполагается, что именно Феофил убедил их отправиться вместе с ним в Халкедон.

Еще находясь в Александрии, Феофил списался с епископами Акакием, Антиохом и Северианом, а также с признанным главой константинопольских монахов Исааком. Феофил хорошо знал, что все они сильно недолго любили Златоуста. Кроме этого, он нанял четырех сирийцев, поручив им разузнать подробности жизни Иоанна в Антиохии. Поскольку абсолютно ничего зазорного узнать не удалось, Феофил сделал следующий ход. Специальным посланием он вновь обратился к престарелому Епифанию, уведомляя его о том, что Иоанн принял в евхаристическое общение отлученных им «Длинных братьев», очевидно, разделяя их ересь. Именно он побудил старца-митрополита отправиться в Константинополь для борьбы с лжеучением Оригена. Трудно поверить, что Феофил мог всерьез подозревать Иоанна в оригенизме. Как антиохийская богословская школа в целом, так и Иоанн в частности не были склонны к рискованным умопостроениям. По расчетам Феофила, это обвинение, однако, должно было мобилизовать на борьбу испытанного борца с ересями Епифания. И его уловка имела полный успех: Епифаний прибыл на корабле в столицу. Помимо дела «Длинных братьев» он уже давно был недоволен Иоанном за то, что тот много лет назад служил чтецом у епископа Флавиана Антиохийского, между тем как сам Епифаний считал законным епископом Антиохии Павлина. К тому же, Иоанн затягивал выполнение его требования о созвании собора для осуждения Оригена.

Епифаний прибыл в Константинополь в середине апреля 403 года, при этом его корабль остановился не в одном из столичных портов, а в Гебдомоне. Епифаний направился в местный храм св. Иоанна Крестителя и отслужил там литургию, рукоположив диакона. И то и другое действие грубо нарушало существовавшие церковные каноны. Стало ясно, что он намеренно провоцирует епископа Иоанна. Последнему, между тем, было сообщено о приезде кипрского митрополита. Иоанн послал к нему делегацию, приглашая остановиться в Константинополе в качестве своего личного гостя. Епифаний с презрением отклонил приглашение, ответив, что он не намерен ни совместно молиться, ни даже находиться с этим человеком под одной крышей до тех пор, пока он не вышлет из города «Длинных братьев» и не подпишет осуждение еретических мнений Оригена. Сам он, тем временем, остановился в частном доме. Разыскав некоторых из пребывавших в столице епископов, Епифаний встретился с ними, огласил им решения кипрского собора, на котором эти мнения были подвергнуты анафеме и призвал их поставить свои подписи под этим документом. Некоторые из иерархов так и поступили: одни из уважения к убеленному сединами испытанному борцу с ересями, другие чтобы насолить Златоусту. Большинство, однако, подписывать не хотело. Феотим, епископ города Томы (ныне Констанца в Румынии), человек, пользовавшийся репутацией аскета и чудотворца, облек свой отказ в весьма красноречивую форму, сказав, что не подобает уничтожать память столь знаменитого учителя, умершего вот уже сто пятьдесят лет назад и не вызывавшего нареканий своими писаниями до самого последнего времени. Произнеся эти слова, Феотим достал рукопись с произведениями Оригена, прочел вслух несколько отрывков и объявил, что тот, кто порочит такие высокие мысли, поступает вопреки разуму.

Эта отповедь не заставила, однако, Епифания отказаться от своих планов. У него созрело новое решение. Он хотел отправиться в храм Апостолов, взойти на амвон и провозгласить оттуда анафему на Оригена и отлучение «Длинных братьев» и их товарищей, а также во всеуслышание осудить Иоанна Златоуста за его слишком уступчивую позицию. Владыка Иоанн до этого момента вел себя с величайшей сдержанностью, понимая, что противодействовать пользовавшемуся всеобщим почитанием Епифанию допустимо лишь в самом исключительном случае. И вот этот случай настал. Когда на следующий день Епифаний собирался идти в храм Апостолов, ему навстречу вышел

архидиакон Серапион и вручил ему послание епископа Иоанна. В нем говорилось, что Епифаний не единожды был повинен в нарушении церковного благочиния. Он неизменно отклонял посылавшиеся ему приглашения посетить Константинополь, а теперь прибыл в столицу самочинно. Послание завершалось призывом к осторожности и сдержанности: беспорядки, которые могут возникнуть в народе, не исключают возможности угрозы его безопасности. Епифаний отказался от задуманного и принял решение удалиться. Перед отъездом он повидался с императрицей. Созомен — один из церковных историков, на которых опирается наш рассказ — сообщает, что в то время младенец Феодосий был болен, и Евдоксия призвала к себе старца Епифания, будучи наслышанной о его даре исцеления. Епифаний, исполняя просьбу, помолился о выздоровлении, но не удержался от того, чтобы не использовать ситуацию в своих интересах. С постыдной бестактностью он объявил императрице, что ее сын поправится, если она лишит «Длинных братьев» своей поддержки. Евдоксия была возмущена и сухо ответила, что, если Богу будет угодно забрать ее ребенка к Себе, она склонится перед Его волей. Затем она добавила, что не так давно отошел к Господу один высоко ценимый Епифанием архидиакон. Если бы митрополит и в самом деле был наделен той силой, которую ему приписывают, он мог бы продлить жизнь своего клирика. Созомен пишет, что Епифаний имел беседу и с «Длинными братьями», из которой он вынес убеждение, что еретиками эти монахи не были. Он признался в том, что осуждал их, поверив слухам и клевете.

Чувствуя, что его миссия не имеет успеха, Епифаний отправился домой. Существует исторически не вполне надежный рассказ о том, что, отъезжая, он написал Иоанну Златоусту письмо, где говорил, что не надеется на то, что Иоанн умрет епископом. В том же рассказе утверждается, что Иоанн ответил ему не менее резко: «А я не надеюсь, что ты доживешь до приезда домой». Обоим предсказаниям — если они действительно имели место — было суждено сбыться, а последнему — весьма скоро. Епифаний умер 12 мая 403 года на корабле по дороге на Кипр еще до того, как Феофил успел покинуть Александрию.

Собор «Под дубом»

Итак, две попытки атаковать Иоанна потерпели неудачу. Поиски компрометирующих его фактов в Антиохии не дали никакого результата. Епифаний был вынужден покинуть столицу, так и не сумев опорочить Иоанна в качестве еретика. Однако Феофил не был тем человеком, которого все это могло заставить опустить руки. У него созрел новый, невероятный по дерзости план. Они с Иоанном должны поменяться ролями. Из обвиняемого Феофил хотел стать обвинителем, а Иоанна, которому двор готовил в его деле место судьи, он собирался превратить в подсудимого. Ему было абсолютно ясно, что, стоит ему оступиться, и эта прогулка по лезвию ножа может кончиться для него падением, из которого не будет возврата. Но, будучи интриганом высшей пробы, он хладнокровно принялся готовить почву. Не могло быть сомнений в том, что ключом к успеху являлась императрица. Феофил знал, что, хотя она все еще чтит Иоанна, последний не однажды чувствительно задевал ее. В Константинополе преданные Феофилу епископы принялись за составление цитатника из иоанновых проповедей: кое-что урезалось, иное дописывалось. Возглавлял эту работу Севериан Гавальский. Палладий пишет: «Они переделали несколько его проповедей так, как будто он хотел высмеять императрицу и ее придворных». При этом особенного труда при создании этого флорилегия прилагать не приходилось, поскольку Иоанн сам предоставлял для него достаточно материала своей критикой роскоши знатных дам. Случилось так, что именно в этот, уже сам по себе достаточно напряженный момент, вскоре после поспешного отъезда Епифания в мае 403 г., Иоанн вновь повел одну из своих атак против женского тщеславия. Его критика была не конкретной, однако слушатели проповедей думали, что в них подразумевается императрица и ее придворные дамы. Возможно, что именно эта, к сожалению, не сохранившаяся проповедь, стала краеугольным камнем антологии Севериана. Чтобы создать впечатление, что проповедь направлена непосредственно против императрицы, ему

оставалось подправить всего несколько деталей. Получив соответствующую информацию, Евдоксия разгневалась. Было задето ее женское достоинство, помимо этого, императрице было неприятно, что чернь считает объектом критики епископа именно ее. Евдоксия обратилась за советом к друзьям. Тут масла в огонь подлил Севериан, который напомнил о былых обидах со стороны Иоанна. Евдоксия поспешила к Аркадию и убедила его в том, что обругана не одна она, но и сам император.

В последние августовские дни 403 года в Константинополе разнеслась весть о том, что Феофил прибыл в Халкедон, лежавший на противоположной, азиатской стороне Босфора. Произошло это более чем через год после издания императорского указа, предписывавшего ему явиться в столицу. Остановился Феофил у епископа Халкедона Кирина, который был также родом из Египта. В свое время Кирин сопровождал Златоуста в поездке в Ефес. Однако после этого из друга Иоанна он, по неизвестным причинам, сделался его врагом и стал называть Златоуста не иначе как безбожником, гордецом и упрямым.

Феофил, казалось, был уверен в успехе своего дела. Еще до отъезда и потом в дороге он, как передавали, заявлял: «Еду лишить владыку Иоанна кафедры». С царственным самоволием он нарушил повеление Аркадия прибыть в одиночку: его сопровождала целая когорта египетских хорепископов числом не менее двадцати девяти. Не забыл Феофил и о дорогих подарках, в первую очередь, об изысканных духах из Египта и Индии.

Для рассказа о дальнейших событиях у нас есть дополнительный важный источник: в мае 404 года епископ Иоанн написал письмо римскому папе Иннокентию I, описывая ему ситуацию в Константинополе, начиная с приезда египетского патриарха и испрашивая себе поддержки Иннокентия.

Феофил выждал время и переправился в Константинополь. Обычно прибывавшие из Халкедона суда швартовались в порту Фосфориан в Золотом Роге. Феофил же приказал плыть в порт Елевферий, что в Мраморном море. Именно через этот порт в столицу текло египетское зерно, от которого во многом зависела жизнь города: как и в Риме, население Константинополя пользовалось регулярными бесплатными раздачами хлеба. Как раз тем самым днем (это было в четверг, около полудня), когда корабль Феофила вошел в порт, здесь шла разгрузка большого каравана судов из Египта. Матросы и грузчики устроили иерарху триумфальную встречу. Независимо от отношения к Феофилу, нужно признать, что его появление на константинопольской сцене было поставлено с блеском. Он не только сумел обеспечить себе самый дружественный прием в традиционно враждебном к нему городе, но и обозначил своим появлением скрытую угрозу. Александрийский патриарх обладал властью, достаточной для того, чтобы приостановить поставки египетского зерна. Однако действовал Феофил намного дипломатичнее, чем его знаменитый предшественник по кафедре св. Афанасий, который однажды дошел до прямой угрозы прекращения экспорта из Египта.

Еще до этих событий Иоанн Златоуст отправил Феофилу и его спутникам приглашение остановиться в епископском дворце. Феофил приглашение не принял: с Иоанном, был его ответ, он не хотел иметь ничего общего. В письме к Иннокентию Златоуст пишет, что Феофил даже не зашел в храм и, вопреки всем обычаям, избегал любой формы общения. По словам Иоанна, пройдя мимо портика собора, он отправился в город и где-то там разбил свой лагерь. Это несколько необычное выражение, возможно, выдает досаду константинопольского епископа, наверняка точно знавшего, где остановился Феофил и не желавшего прямо назвать это место. Дело было в том, что Феофил поселился в роскошном дворце Пладиий, принадлежавшем императрице. Оперативный штаб Феофила помещался на вилле богатой вдовы Евграфии, о которой у нас уже шла речь. Евграфия была чувствительно задета проповедью Златоуста, в которой он говорил, что пожилым вдовам не пристало рядиться в молоденьких девиц. Именно в ее доме Феофил и еще три сирийских епископа — Севериан, Антиох и Акакий — приступили к обдумыванию плана ближайших действий. Феофил имел также

аудиенцию у Евдоксии. Обе стороны были едины во мнении, что Иоанна необходимо сместить с кафедры, а Феофилу гарантировать неприкосновенность. Епископ Иоанн неоднократно писал Феофилу, приглашая его объяснить и раскрыть причины его неприязни. Феофил не отвечал, продолжая лихорадочно готовить падение своего соперника.

«Длинные братья» хорошо понимали, что если Феофил станет судить Иоанна, то их и без того сомнительное положение станет еще более сомнительным. В этой ситуации они решили обратиться непосредственно к императору. Аркадий, вспомнив о своих прежних повелениях, приказал Иоанну явиться к нему на другую сторону Босфора во дворец Руфинианай. Здесь он объявил Златоусту, что тот должен принять к рассмотрению поданную «Длинными братьями» жалобу на Феофила (напомним, что в ней патриарху ставились в вину всевозможные злодеяния вплоть до убийства), созвать собор и повести судебный процесс. Это новое распоряжение не упростило хода дела. Скорее, оно показывало, насколько полярными были мнения различных придворных партий. Оно же могло стать звездным часом в карьере Иоанна Златоуста. История, как известно, не знает условного наклона, но все же рискнем следующим предположением. Будь Иоанн человеком с политическим чутьем и не слишком щепетильной совестью, он мог бы использовать этот последний шанс для того, чтобы повернуть все дело в свою пользу. Между тем, Златоуст решительно отказался быть судьей над своим александрийским братом. Он сослался на каноны, запрещающие рассмотрение жалоб за пределами патриархатов, в которых они были поданы, а также на письмо самого Феофила, где он настойчиво подчеркивал именно это обстоятельство. Отказ Иоанна повиноваться распоряжению императора повлек за собой новый виток раздражения и отчуждения по отношению к нему у царствующей четы. Теперь Аркадий и Евдоксия окончательно утвердились в необходимости приведения в действия плана, который вот уже некоторое время обсуждался наряду с первым: Феофил должен стать судьей над Иоанном.

Далекий от подобной щепетильности Феофил был одновременно удивлен и обрадован отказом Иоанна. Его работа беспромедлительно двинулась вперед. Теперь его интересовали всевозможные жалобы на Иоанна. Их охотно предоставили два отстраненные Златоустом в самом начале своего служения диакона. Согласился помогать и глава константинопольских монахов Исаак. Обещание продвижения по службе привлекло к Феофилу многих клириков из окружения Иоанна, в их числе и человека, которого он сам рукоположил в сан архидиакона на замену Серапиону. Епископы Антиох и Севериан усердствовали в своей агитации столь неприкрыто и дерзко, что над ними даже начали потешаться со сцены городские комики. Конфликт Феофила Александрийского и Иоанна Константинопольского стал приобретать общественный размах.

Феофил с верными ему епископами снова перебрался на другую сторону Босфора напротив Халкедона. Настроение народа в Константинополе по отношению к ним быстро менялось в худшую сторону, поэтому умнее было удалиться туда, где положение контролировал один из их единомышленников. Вся группа поместилась в изысканном дворце Руфинианай, который называли также «Под дубом» из-за большого дуба, росшего перед дворцом. Неподалеку находилась маленькая гавань, что весьма пригодились впоследствии.

Перед началом разбирательства, которое должно было проходить в императорском дворце с ведома и при содействии самодержца, Феофилу предстояло провести одну не вполне приятную процедуру. Аркадий и Евдоксия настояли на том, чтобы он еще до начала процесса против Иоанна примирился с «Длинными братьями». Феофил распорядился, чтобы монахи переправились к нему через Босфор и были размещены в монастыре, который находился при дворце. Переговорив с ними, Феофил предложил еще раз пересмотреть все дело. О прежнем обвинении в ереси на этот раз не было даже речи. Ожидая своей участи в Константинополе, двое из братьев к тому времени уже умерли, оставшиеся были откровенно разочарованы отказом Златоуста возглавить процесс против Феофила и тем самым восстановить справедливость по отношению к ним. Поэтому они изъявили согласие

просить о прощении, которое было им милостиво даровано патриархом. Этим новым изменением курса Феофил устранил последнее препятствие на пути к достижению своей цели: уничтожению Иоанна Златоуста.

В самом конце сентября 403 года во дворце «Под дубом» Феофил открыл заседания собора, который вошел в историю под именем места, где он проводился: собор «Под дубом». Деяния этого собора, на котором Иоанн Златоуст был смещен с кафедры, дошли до нас благодаря тому, что в IX веке их законспектировал и издал в составе своего многотомного произведения, известного под названием «Библиотеки», патриарх Константинополя св. Фотий. «Библиотека» Фотия объединяет выписки из 279 книг, многие из которых, поистине, бесценны для нас, поскольку сами книги не сохранились. Будучи Константинопольским патриархом, Фотий имел доступ к церковным архивам, где он и обнаружил деяния собора «Под дубом», ставшие частью его «Библиотеки».

Для участия в соборе «Под дубом» собрались тридцать шесть епископов. Двадцать девять из них, как мы помним, прибыли из Египта вместе с Феофилом. Остальные семь — в их числе уже известные нам Севериан Гавальский, Акакий Веррийский, Антиох Птолемаидский и Кирин Халкидонский — были закоренелыми недоброжелателями Иоанна Златоуста. Без права голоса присутствовали также: глава константинопольских монахов Исаак, епископы, лишённые Иоанном кафедр в Ефесе, и представители клира Константинополя, готовые подставить ногу своему епископу. Председательствовал на соборе епископ Гераклеи Павел, одновременно управлявший всей фракийской митрополией. Павел сопровождал Златоуста во время поездки в Ефес, но к этому времени разорвал с ним дружеские отношения. Тайные нити, управлявшие ходом собора, тянулись к Феофилу, и выдвижение в председатели Павла было его весьма удачным ходом. С одной стороны, этим подчеркивалось, что Феофил, в конечном счете, не признавал первенствующей роли константинопольской кафедры. Дело было в том, что до собора 381 года епископ Константинополя был подчинен именно гераклейскому митрополиту. Одновременно Феофил избегал обвинения, которое он сам в свое время выдвигал против Иоанна Златоуста, упрекая его в том, что он намеревается судить епископа из другой митрополии.

В распоряжении собора находилась составленная двумя уже упоминавшимися выше диаконами жалоба, содержащая двадцать девять пунктов обвинения. Приняв ее во внимание, епископы решили, что Иоанн должен явиться на собор лично. Два молодых епископа из Ливии были посланы в столицу, чтобы вручить ему повестку, которая намеренно адресовалась не епископу Константинополя, а просто Иоанну. Тем самым подчеркивалось, что, с точки зрения собора, Златоуст не является законным константинопольским епископом. Эта делегация открыла долгую череду разъездов между императорской резиденцией «Под дубом» и епископским дворцом в Константинополе. Для переездов через Мраморное море, которое в том месте имеет около трех километров в ширину, пригодился находившийся вблизи от резиденции маленький порт, о котором мы уже говорили.

Получив послание собора «Под дубом», Златоуст собрал верных ему епископов на совет. Решено было отправить в Халкедон трех епископов и двух священников. Они должны были передать Феофилу следующий ответ. Феофилу не пристало нарушать церковный порядок и вызывать раскол. «Если же ты думаешь, что ты, вопреки всем канонам, можешь быть судьей в чужой митрополии, то приезжай в Константинополь, где законы еще чего-то стоят. Здесь тебя подробно допросят, ибо у нас есть на тебя жалоба из семидесяти обвинений. Помимо этого, мы многочисленнее твоего собрания». К посланию прилагалось личное письмо Иоанна Златоуста к Феофилу, в котором он соглашался предстать перед собором, однако лишь при том условии, если устранятся его явные недоброжелатели Акакий, Севериан, Антиох и сам Феофил. Против требований Иоанна Феофилу было нечего возразить: каждый обвиняемый вправе отклонять предвзятых, с его точки зрения, судей. В ответ на это, собор «Под дубом» отправил к Иоанну двух новых посланников: одного из его собственных священников и монаха Исаака. Делегация Златоуста, на этот раз, состояла из трех епископов. Они передали его

вопрос: «По какому праву вы хотите судить меня, после того как вы не только не исключили из своего числа моих врагов, но и вызываете меня при помощи моих же людей?» Эти слова побудили многих членов собора к открытому насилию. Набросившись на епископов Златоуста, они избили в кровь одного из них, разорвали облачение другого, а третьему набросили на шею цепь, велев передать, что она предназначается для Иоанна. Насколько можно судить, Иоанн никак не отреагировал на подобное оскорбление своего архиерейского собрания. Единственный выход, который мог ему представляться, заключался в созвании большого представительного собора, который должен был бы обсудить возникший конфликт и принять то или иное решение. Не теряя времени, Феофил добился от императора указа, который предписывал Иоанну предстать перед собором «Под дубом». Реакция Иоанна на этот приказ неизвестна. С достоверностью можно утверждать лишь то, что на соборе он так и не появился.

Феофил решил разбирать дело в отсутствие обвиняемого. Были обсуждены различные пункты поданной на Иоанна жалобы. Современному читателю бросается в глаза, что они следуют друг за другом без всякой смысловой связи между собой. Не без определенного труда их можно подразделить на четыре группы. Целый ряд обвинений направлен против некорректного, с точки зрения собора, поведения Иоанна по отношению к клиру. Один из извергнутых Златоустом из сана диаконов по имени Иоанн жалуется на то, что епископ поступил с ним несправедливо, лишив его диаконского достоинства за избиение собственного раба. Далее Иоанн обвиняется в том, что он не вступился за монахов, угодивших в тюрьму по навету «Длинных братьев». Иоанн, гласит другое обвинение, называл членов клира бесчестными и ни на что негодными людьми. Он также написал против клира целую книгу. Трех диаконов он обвинял в краже его плаща. Он обидел епископа Акакия, а митрополита Епифания назвал болтуном и фанатиком. В церкви Апостолов он ударил по лицу неизвестного ни по каким другим источникам человека по имени Мемнон так, что у того изо рта потекла кровь. Другая группа жалоб ставит Иоанну в вину нарушения церковных канонov или правил литургического благочестия. Вот несколько примеров. Он совершил епископскую хиротонию над человеком, который обвинялся в ограблении могил. Он не совершает молитвы при входе в храм и выходе из него. Он рукоположил в епископы сразу четверых человек за одно богослужение. Он облачается в богослужебные одежды не в ризнице, а возле горнего места. После причастия он съедает кусочек хлеба. Предметом обвинения стало и обращение Иоанна с церковным имуществом: он продал принадлежавшие церкви драгоценные камни и мрамор, предназначавшийся для убранства храма Воскресения. Он потратил завещанное церкви наследство. Церковные доходы он употребляет на неясные нужды. В последнюю группу вошли следующие обвинения: он без свидетелей принимает у себя женщин. Он принимает пищу в одиночку и без всякой меры, как циклоп. Политический подтекст имело обвинение, о котором уже шла речь: во время военного мятежа он выдал место, где скрывался комит Иоанн.

Процитированный список жалоб представляет собой пеструю смесь обвинений, большинство из которых не имеют под собой никакого основания. Всякому было известно, что Иоанн использовал часть церковных доходов, а также дополнительные поступления, наподобие завещаний, для помощи больным и обездоленным. Точно также люди знали, что он был более чем воздержан в еде. Однако если мы с самого начала не будем отмахиваться от неприятного документа и возьмем на себя труд вдуматься в его отдельные пункты, то можно будет заметить, что наряду с чистой выдумкой в нем содержатся пункты, имеющие зерно истины. Иоанн имел склонность к авторитарному стилю управления и принятию решений в одиночку. В выборе людей удача ему сопутствовала редко. О Епифании он, действительно, мог высказаться в приведенных выше словах.

Обсуждение поданных жалоб, между тем, затягивалось. Был достигнут всего лишь второй пункт, когда монах, носивший так часто встречавшееся тогда имя Иоанн (Златоуст несправедливо обвинялся в том, что он был подвергнут аресту), выступил с новыми обвинениями против

рукоположенного Златоустом ефесского епископа Гераклида, а также против будущего биографа св. Иоанна Палладия. Подробности этого эпизода мы пропускаем. После вызванных этим поворотом дела разбирательств участники собора приняли решение сосредоточиться лишь на двух пунктах из приведенного списка. Избрана была жалоба на то, что Златоуст обвинил трех диаконов в краже своего плаща, а также избиение Мемнона. Предпочтение последнего эпизода (мы можем лишь теряться в догадках о том, что крылось за этим обвинением на самом деле) не лишено известной иронии, поскольку связанное с ним решение принималось в том самом зале, где незадолго до того были избиты и осмеяны посланные Иоанном епископы. Обсуждение, однако, не могло быть продолжено, так как со своим собственным списком из семнадцати жалоб на Иоанна выступил глава константинопольских монахов Исаак. Этот документ внес некоторые новые оттенки. В нем подчеркивалось, что Епифаний не хотел поддерживать с Иоанном евхаристическое общение. Помимо этого утверждалось, что Иоанн нарушает законы гостеприимства тем, что всегда принимает трапезу в одиночестве. Он посвятил в епископы рабов и взял под свою защиту язычников, несмотря на то, что они причиняли зло христианам. Пункт 8 этого списка был связан с самыми последними событиями в городе: Иоанну приписывалось, что он побуждает народ протестовать против собора «Под дубом». Его участники, очевидно, весьма этого опасались.

Два обвинения Исаака имели богословскую подоплеку. В первом из них утверждалось, что Иоанн внушает грешникам опасную самонадеянность, говоря: «Если ты согрешишь еще, то снова покайся, и сколько бы ты не падал, приходи, и я исцелю тебя». Второе обвинение приписывало Златоусту богохульство: по его словам, молитва Христа в Гефсиманском саду не была услышана, поскольку Он молился не так, как следовало. Оба этих обвинения не возникли на пустом месте. Опираясь на свой многообразный духовнический опыт, Златоуст действительно нередко повторял, что путь к покаянию открыт всегда. Формально эта установка входила в противоречие со строгой покаянной дисциплиной его времени. Так, призывая в одной из своих проповедей к покаянию, он говорил: «Ты согрешил? Не отчаивайся. Я не отниму у тебя это лекарство (т. е. покаяние). Ты грешишь каждый день? Каждый день и кайся». Подобные слова легко было истолковать в указанном выше смысле. Обвинение, касающееся молитвы Спасителя, могло быть отзвуком христологических убеждений Златоуста, который вместе с другими представителями антиохийской школы делал акцент на различии человеческой и Божественной природы во Христе. В духе представлений антиохийского богословия, Христос, как человек, молился с мукой и страхом. Как Бог, Он не нуждался в молитве, пребывая в единстве с Отцом.

Собравшиеся во дворце «Под дубом» остановились на двух обвинениях из списка Исаака. Решено было обсудить златоустову интерпретацию гефсиманской молитвы и отказ св. Епифания вступить с Иоанном в евхаристическое общение. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение: если пользовавшийся при жизни всеобщим почитанием митрополит Кипра отказался причащаться вместе с тем или иным человеком, то вся церковь должна сделать соответствующий вывод из этого фактического отлучения.

После этого было продолжено обсуждение первого списка. В качестве свидетелей по обвинению в продаже драгоценных камней и мрамора выступили брат предшественника Иоанна епископа Нектария архипресвитер Арсакий (именно ему было суждено стать константинопольским епископом после удаления Иоанна из города) и один из священников. Затем поступило предложение перейти к голосованию. Один за другим отцы собора признавали Иоанна виновным. Последним проголосовал патриарх Александрии Феофил. Его цель была достигнута. Сорока пятью голосами Иоанн был осужден и лишен епископского достоинства. Каким образом число собравшихся выросло с тридцати шести до названной цифры, остается неизвестным. Возможно, собору «Под дубом» удалось привлечь в свои ряды еще несколько епископов с тем, чтобы превзойти возглавляемый Иоанном Златоустом синод из сорока архиереев. Всего было проведено двенадцать заседаний. Их общая продолжительность нам неизвестна. Последним деянием собора был официальный доклад императору Аркадию,

В ИЗГНАНИИ (403-407)

Первое изгнание и возвращение в Константинополь

В докладе на имя императора упоминалось о том, что Иоанн, хорошо зная о различных обвинениях в его адрес, все же не пожелал явиться на собор. Поэтому, говорилось далее, он был лишен кафедры в его отсутствие. Поданный список жалоб, подчеркивали судьи Златоуста, включал и обвинение бывшего епископа в оскорблении императорского величия. Однако вынесение решения по такому делу выходило за рамки соборных полномочий, о чем и сообщалось императору: «Да соблаговолит твое величие определить, надлежит ли ему быть отправленным в ссылку или же понести наказание, соразмерное этому злодеянию». Эти слова завершали послание собора императору, которому предоставлялась инициатива начать процесс об оскорблении величия и, возможно, даже вынести предусмотренный за него смертный приговор. В своем жизнеописании Златоуста епископ Палладий сообщает, что оскорбление величия заключалось в том, что Иоанн сравнил императрицу с Иезавелью, заступившись за обиженную Евдоксией вдову, о чем мы уже говорили выше. После этого инцидента прошло около двух с половиной лет. Тогда двор не дал делу никакого хода, и, очевидно, и в этот раз не собирался привлекать Златоуста к ответу. Приговор же о лишении сана получил высочайшее утверждение, сопровождавшееся приказом о том, что Иоанн должен быть незамедлительно отправлен в ссылку. Чтобы выполнить его потребовалось, однако, почти трое суток. Уже во время заседаний собора «Под дубом» народ вышел на улицы. Поддерживая своего епископа, люди громко требовали, чтобы его дело рассмотрел другой, более представительный собор. Когда просочилось известие, что император утвердил соборный приговор и приказал при удалении Иоанна, при необходимости, не останавливаться перед насилием, толпы хлынули ко Святой Софии и оставались у собора две ночи подряд. В это же самое время у епископского дворца народ задерживал офицеров, которым было поручено отвезти Златоуста в ссылку.

На утро третьего дня Иоанн Златоуст вошел в окруженный сотнями, если не тысячами его сторонников собор, чтобы произнести свою прощальную проповедь. Его первые слова были призывом сохранять спокойствие и поддерживать его молитвой. Он останется их епископом, потому что узы, связывающие его с его церковью, также неразрывны, как супружеские. Он уходит в ссылку, повторяя слова Иисуса Христа «И се, Я с вами во все дни до скончания века» и утешаясь ими. Затем Златоуст благодарил за бессонные ночи, проведенные в его поддержку. Во второй части, подлинность которой неоднократно ставилась под сомнение, тон проповеди меняется на чрезвычайно полемический. Златоуст с возмущением спрашивает: в чем же заключается причина его изгнания? Ответ он находит сам: он удалил от себя роскошь и отказался лицемерно благословлять ненасытность имущих. Не называя имени, он делает выпад против Феофила Александрийского. Как некогда в Египте жена Потифара покушалась на целомудрие Иосифа (Быт 39), говорит он, так и ныне другой египтянин делает тщетное попозновение разлучить его с его невестой в Духе, его паствой. Иоанн не обходит молчанием и самого императора также, разумеется, не называя его имени, а обращаясь к образу царя Давида: как образец для правителей, он никогда не посягал на истинную веру и не поддавался влиянию своей жены. В проповеди звучат также прозрачные намеки на Иезавель, взявшую на душу грех убийства Навуфея, и на виновницу смерти Крестителя Иродиady⁶². Свое изгнание автор проповеди сравнивает с гонениями на пророков. Еще вчера императрица называла его тринадцатым апостолом, сегодня она клеймит его именем Иуды. Еще вчера ее речь была исполнена милости, сегодня она набрасывалась на него, подобно дикому зверю. «Но что бы ни случилось, будем вспоминать слова

⁶² См. 3 Цар 21; Мк 6:14-29.

Иова, который при всех испытаниях говорил лишь: “Да будет благословенно имя Господне!”»

Судя по тону этой прощальной проповеди, можно подумать, что Иоанн намеревался воспротивиться своей высылке из столицы. Однако это было не так. Он не хотел становиться причиной кровавых беспорядков. Около полудня третьего дня, когда подгоняемые жарой и более или менее урезоненные люди стали понемногу расходиться, Иоанн покинул собор и предал себя в руки начальника императорской полиции. Возможно, он заранее оповестил власти об этом шаге. Поздно вечером солдаты сопроводили его в порт. За небольшим эскортом тянулась гигантская толпа. Слышался плач и проклятья в адрес епископов собора «Под дубом». Постепенно опускалась тьма. Подняли паруса и корабль с Иоанном Златоустом на борту вышел из Босфора в Мраморное море по направлению к Пренету, торговому центру между Еленополем и Нико медией. Той же ночью Иоанн был доставлен в небольшое поместье вблизи от Пренета. Куда должен был лежать дальнейший путь, мы не знаем. Продолжения у этого путешествия не было.

В Константинополе удаление глубоко почитаемого народом епископа вызвало мощные беспорядки. Гнев протестующих был направлен как против властей, так и, в первую очередь, против епископов, вызвавших падение Златоуста. Севериан Гавальский, не желая упускать возможности прилюдно похвалиться победой над павшим соперником, заявил в одной из проповедей: «Если бы даже Иоанн и не совершил ничего, достойного осуждения, достаточным оправданием его изгнания была бы одна его гордость. Ибо Бог прощает людям любые грехи, и лишь одним гордым Он противится, как учит Писание»⁶³. Эта бестактность только подлила масла в огонь почти всеобщего возмущения.

На следующий день в царских покоях, как об этом завуалированно выражается Палладий, произошло несчастье. Другой источник более определенен: у императрицы случился выкидыш. Чуть больше полугода назад, 10 февраля 403 года, Евдоксия произвела на свет своего четвертого и последнего ребенка, Марину. Будучи, как мы уже говорили, благочестивой и даже склонной к суеверию женщиной, она не могла не увидеть в своем преждевременном и неудачном разрешении ничего другого, кроме Божьего наказания за изгнание из города того, кому была препоручена вся константинопольская паства. Аркадий поддался ее мольбам и отдал приказ о возвращении сосланного епископа.

Передать приказ было доверено Брисону, камергеру императрицы и другу Златоуста. Евдоксия вручила ему также и свое собственное письмо. В нем она уверяла Иоанна, что лично не принимала участие в направленных против него интригах, которые были, по ее словам, делом рук дурных людей. Она же продолжает чтить его в качестве крестившего ее детей. Брисон потратил немало усилий, прежде чем разыскал изгнанника, однако уговорить его последовать за собой в столицу он так и не смог. Иоанн, ссылаясь на действующие каноны, настаивал на том, что, поскольку он был отрешен от кафедры решением собора, для его возвращения в город и возобновления епископского служения необходим новый собор, который отменил бы решение предыдущего. Трижды высочайшие делегаты — в их числе был даже личный адъютант Аркадия — пытались склонить Златоуста к компромиссу. Его последним словом было согласие остановиться у границы города. При входе в Босфор епископа ждали бесчисленные лодки. Ликованию встречающих не было конца. Императрица предоставила в его распоряжение собственный пригородный дворец Марианай. Здесь Златоуст намеревался ждать до тех пор, пока несправедливость решения о лишении его кафедры не будет признана официально. Как долго он настаивал на таком развитии событий, мы не знаем. Нам известно лишь то, что непрекращающиеся народные петиции и просьбы императора, в конце концов, возымели свое действие и побудили Иоанна вернуться в Константинополь. Пройдет полгода, и то, что он не дождался

⁶³ Иак 4:6.

формального соборного определения, станет решающим и неотразимым аргументом его врагов.

Решение о возвращении было принято Иоанном под давлением обстоятельств. Его наиболее решительными противниками были монашеские банды, признававшие одного лишь Исаака. Когда стало известно, что изгнанный епископ возвращен и находится во дворце Марианай, монахи задумали отчаянную выходку. С дубинами в руках они захватили Святую Софию и вооружились целым арсеналом камней. Доступ в храм был перекрыт, приходящим мирянам монахи кричали, чтобы они отрекались от своего епископа, не желавшие уходить добром попадали под их дубины. Крещальная купель баптистерия наполнилась кровью. Власти приняли меры и подтянули войска. При поддержке жертв монашеского террора они начали штурм собора. Под сводами Святой Софии появились первые трупы.

В этой непростой ситуации император и его супруга еще раз обратились к Златоусту, убедительно прося его, не теряя времени, вернуться в город. Ему было обещано, что для повторного и беспристрастного рассмотрения его дела будет создан новый собор, который обойдется с ним по справедливости. Таковы были обстоятельства, заставившие Златоуста вернуться в Константинополь. Когда разнесся слух о том, что Иоанн должен снова появиться в городе, Феофил, его египетские епископы и Исаак в спешке погрузились на быстроходный парусник и отбыли в Александрию. Исчез также и Северная, а вместе с ним епископы, голосовавшие на соборе за извержение Иоанна из сана. Нельзя сказать, что они поступили неправильно: расправа разъяренной толпы нависала над ними. Слышались угрозы бросить египетского патриарха в море, если только он попадется.

В начале октября 403 года св. Иоанн торжественно вошел в Константинополь. Шествие возглавлял представитель императорской консистория⁶⁴, за ним шли тридцать епископов, оставшихся до самого конца верными Иоанну. Вокруг ширилось бесконечное человеческое море. Не переставая звучали псалмы, торжественные гимны и радостные песнопения. Люди несли в руках горящие факелы. Здесь был весь Константинополь. В виде исключения полупустым стоял ипподром, где как раз в это время проходили увлекательные заезды. По пути к епископскому дворцу нужно было проходить мимо церкви Апостолов. Иоанн остановился и сказал, что приглашает всех войти в храм. Здесь он произнес краткую приветственную проповедь: «Что скажу, какие подберу слова? Благословен Бог! С этими словами я уходил, пусть они прозвучат первыми при моем возвращении. Вместе с Иовом говорил я тогда: “Да будет благословенно имя Господне во веки!” Вместе с Иовом снова повторю: “Благословен Бог”, попустивший мне быть сосланным, попустивший мне быть возвращенным, посылающий ясные летние дни после суровой зимы. Различными были обстоятельства, но и тогда и сейчас за нами одна Божественная воля, одно Божье провидение! Буря не разделила, а только теснее сплотила нас. Не зря говорил я вам: “Кто будет мужественен в искушениях, получит от них великую пользу”. Страдания и невзгоды были жребием апостолов, поэтому я привел вас к ним⁶⁵. Волки бежали, разбойники и прелюбодеи рассеялись⁶⁶, и храм не вмещает многочисленного стада. Мне не было нужды прибегать к мечу, щиту или пике: вы изгнали их своими слезами и молитвами. И вот они в горе, один на один с жестокими укорами совести, а вы в радости. Господь да благословит и вас и ваших детей, мы же возблагодарим всемилостивого Бога. Ему же слава во веки. Аминь»⁶⁷.

В ближайшее воскресенье св. Иоанн служил Божественную литургию в храме Святой Софии. Благословив с горнего места народ, он, тем самым, вновь приступил к исполнению своих епископских

⁶⁴ Императорский консисторий представлял собой государственный совет, его члены носили титул *comites consistoriam*.

⁶⁵ Т. е. в церковь апостолов.

⁶⁶ Всякий, посягающий на таинственную связь между Богом и Его церковью, епископом и его паствой является прелюбодеем, потому что эта связь мыслится подобной брачным узам, ср. Еф 5:32. Как прелюбодеяние нарушение верности Богу интерпретируется у пророка Осии (Ос 3).

⁶⁷ Проповедь приводится с сокращениями по Chr. Baur, *Johannes Chrysostomos und seine Zeit*, Bd. 2, 229-230.

функций. Сохранилась его проповедь, сказанная в этот день. Она открывается сравнением Феофила с фараоном, который попытался взять к себе жену Авраама и был постигнут от Бога тяжкими ударами (Быт 12:10—20). Затем Иоанн благодарил паству за сохраненную ему верность. В заключении он произнес похвалу Евдоксии, которую он незадолго до того порицал в своей прощальной проповеди. Теперь он рассказал, с какой энергией императрица способствовала его возвращению. Были переданы ее слова о том, что достижение этой цели для нее драгоценнее царского венца. Все присутствовавшие были в восторге.

Несколько недель прошли для Иоанна весьма благополучно. Изгнание и триумфальное возвращение способствовали увеличению его популярности. С канонической точки зрения, однако, ситуация была далека от ясности, и, сознавая это, Златоуст настаивал на том, чтобы император как можно скорее созвал собор. Аркадий сделал подобающие распоряжения и велел разослать приглашения епископам. Феофил Александрийский вместе с приглашением получил распоряжение отчитаться в Константинополе о произошедшем. Ехать, по понятным причинам, ему не хотелось. Феофил ответил, что в настоящий момент он не может покинуть Александрию, опасаясь, что его отъезд может вызвать беспорядки.

Между тем, в столице состоялся собор, на котором присутствовало почти шестьдесят архиереев. Они признали Иоанна законным епископом Константинополя, а решения собора «Под дубом» не имеющими силы. Получив такую поддержку, Златоуст продолжал вести дела своей епархии, несмотря на то, что большой собор, на проведении которого настаивал он, так и не был созван. Только подобный собор обладал достаточным каноническим авторитетом для его полного оправдания. Своего бывшего архиерея Серапиона Иоанн рукоположил на место почившего епископа Гераклеи Павла. Тем самым он удалил из Константинополя человека, который хотя и был не популярен, но, однако, пользовался его неизменным доверием.

Враги Иоанна — некоторые из них к тому времени уже успели вернуться в Константинополь — тем временем начинали исподволь подумывать о новом низвержении ненавистного им епископа. Пока отношения между Златоустом и двором оставались благоприятными, шансов на успех у них не было. Оставалось ждать подходящего случая. Таковой представился быстрее, чем они ожидали. В середине ноября городской префект Симплиций распорядился установить между сенатом и Святой Софией серебряную статую императрицы Евдоксии. Статуя, поддерживаемая колонной из порфира, на цоколе⁶⁸ которой была сделана надпись на двух языках, изображала Евдоксию со всеми атрибутами августы. К ее открытию были приурочены народные гуляния, пляски, состязания борцов, выступления музыкантов, увеселения и всевозможные представления. Празднество достигло своего апогея в один из воскресных дней в ноябре 403 года. Гул с площади мешал молитве в Святой Софии. Иоанн обратил на это внимание и ясно выразил свое недовольство. Он сказал, что шумные гуляния во время Божественной службы оскорбительны для церкви. Не остановившись на этом, Златоуст публично обрушился на организаторов праздника. Подобные заявления с амвона были выдающимся политическим безумием. Уже историк Сократ сетует на то, что Иоанн повел себя именно так вместо того, чтобы просто попросить прервать празднества на время богослужения. Иоанн обидел и тех, кто задумал установить статую, и, конечно, в первую очередь, саму Евдоксию. Помимо этого, не исключено, что его слова могли быть истолкованы как желание вмешаться в высокую политику. Дело в том, что в западной части империи присвоение Евдоксии титула августы (это произошло 9 января 400 года) было воспринято без энтузиазма. На Востоке пытались добиться от Запада официального признания титула путем различных пропагандистских мероприятий. К ним относилось и повсеместное установление статуй императрицы, которое на Западе проводилось без уведомления соответствующих властей. В июне 404 года император Запада Гонорий в специальном послании, о котором мы еще будем говорить

Этот цоколь сохранился до наших дней.

ниже, выразит протест против этой практики. Кто-то мог задуматься: а не подыгрывает ли епископ Иоанн Западу? Мы будем иметь случай убедиться в том, что эти подозрения совершенно несправедливы. Однако полностью беспочвенными назвать их все же нельзя: у Златоуста были самые лучшие связи в западной части империи.

Евдоксия восприняла слова Иоанна как оскорбление своего достоинства августы. Ее расположение к Иоанну сменилось немилостью. У императрицы снова появилась идея созвать собор для окончательного устранения Златоуста. Главным обвинением на этот раз должно было стать то обстоятельство, что св. Иоанн возобновил свое епископское служение, не дождавшись формального снятия всех прежних обвинений. Эта идея, приведшая, в конце концов, к желаемому результату, была, без сомнения, подсказана советниками императрицы из рядов духовенства. Принимая ее, Евдоксия, по-видимому, забыла или не захотела вспомнить и о том, что именно она заклинала Иоанна всем святым, не медля ни минуты, возвращаться в Константинополь, и о том, что двор до сей поры ратифицировал все его действия.

В свою следующую стадию конфликт между Евдоксией и Иоанном перешел благодаря последнему. В проповеди по случаю праздника св. Иоанна Крестителя — мы не можем сказать с уверенностью, была ли она произнесена в городе или же в Гебдомоне, где хранилась почитаемая святыня — глава Предтечи — Иоанн Златоуст с риторическим напором произнес: «Вновь беснуется Иродиала, вновь она танцует, вновь требует на блюде голову Иоанна»⁶⁹. Говоря о евангельских событиях в настоящем времени, Златоуст абсолютно точно не подразумевал Евдоксию. И он сам и другие отцы церкви подобным же образом нередко полчеркивали актуальность ежегодно повторяющегося церковного праздника. Но в тогдашней напряженной атмосфере упоминание имени Иоанна рядом с именем жены царя Ирода не могло быть истолковано иначе, чем как выпад в адрес правящей императрицы. Ей было тут же донесено, что епископ злонамеренно и недвусмысленно сравнил императрицу с царственной особой, имевшей на совести невинную кровь.

Мало-помалу в Константинополь начали пребывать епископы, вызванные императором на собор. Предполагая, что его целью будет реабилитация епископа Иоанна, они свободно общались со Златоустом. Однако весьма скоро им было дано почувствовать, что как власти, так и двор не одобряют этого шага. В декабре появились и давнишние враги Златоуста. Они объединились с Северианом и написали письмо в Александрию Феофилу, информируя его о последних веяниях в Константинополе и прося присоединиться к ним. Феофил не стал торопиться и предпочел остаться в Египте. Вместо него в столицу отправились три его епископа, которым он дал подробные наставления. Феофил был уверен, что на этот раз его новая тактика должна принести успех.

Перед Рождеством стала явной напряженность отношений между двором и епископом. По традиции, императорская семья приходила на рождественскую службу в собор. В этом году, однако, Аркадий письменно оповестил Иоанна о том, что ни он, ни его супруга не считают для себя возможным вступать в какое бы то ни было общение с ним до тех пор, пока с него не будут официально сняты обвинения собора «Под дубом».

Вплоть до Пасхи 404 года казалось, что линия, которую изберет двор, еще не вполне установилась. Противники Златоуста использовали это время для того, чтобы воздействовать на верных ему клириков. Некоторые из них действительно перешли в противоположный лагерь. Другие, уклоняясь от давления, предпочли удалиться из Константинополя, не нарушая верности своему епископу.

Иоанн, между тем, с огромным успехом продолжал свои проповеди. Народная любовь к нему не остывала. Именно это обстоятельство заставляло партию его противников действовать с

⁶⁹ Ср. Мк 6:14-29.

осторожностью. План возвращения к решениям собора «Под дубом» и их ратификации был, в связи с этим, признан непригодным. Противники Златоуста взяли на вооружение тактику Феофила, который переслал в Константинополь каноны Антиохийского собора 341 года. Тогда было принято, что всякий епископ, который, будучи лишенным своей кафедры по решению собора, приступит к исполнению своих функций, не дожидаясь нового собора, должен быть извергнут из сана пожизненно. Апелляция к вышестоящей инстанции в этом случае не допускалась.

Этот ход ставил Иоанна Златоуста и его приверженцев в тяжелое положение. На встрече представителей обеих враждующих партий в присутствии императора сторонники Иоанна попытались выбить оружие из рук противника, доказывая, что решение Антиохийского собора неприменимо к Златоусту. Их аргументы сводились к тому, что Иоанн не был извержен из сана в соответствии с канонами, но лишь подвергнут ссылке по приказу императора. Возвратился же он не по собственному желанию, но, уступая настойчивым требованиям самодержца. Что касается Антиохийского собора, то собравшиеся на нем епископы были еретиками-арианами, что делает их решения не имеющими никакой силы для православных. Поначалу Аркадий, казалось, дрогнул, но затем он дал противной стороне убедить себя в том, что собор 341 года недвусмысленно осудил Ария и поэтому не может быть отмечен как еретический. Жребий, таким образом, был брошен: двор принял тактику Феофила Александрийского, решив лишить Иоанна кафедры, опираясь на каноны Антиохийского собора.

Кровавая Пасха

Перед Пасхой 404 года противники Иоанна Златоуста собрались вместе и решили, что необходимо форсировать события. Они испросили аудиенцию у императора и объявили ему, что ситуация требует решительного вмешательства. В пасхальную ночь должны будут принять крещение сотни людей. Неужели их окрестит тот, кто, согласно канонам, больше не является епископом? Сам император и его супруга, вероятно, также не захотят принять причастие в день светлого праздника из рук этого человека. При этом, скорее всего, имело место и открытое давление на Аркадия с требованием снять Иоанна. Как бы то ни было, император коротким распоряжением велел передать Златоусту, что он должен оставить свой храм. Св. Иоанн, однако, повиноваться отказался и написал императору: «И этот храм и попечение о духовном благе народа передано мне Спасителем Богом. Поэтому оставить их я не могу. Если же такова твоя воля, то примени силу — ибо светская власть находится в твоих руках, — чтобы я в извинение моего дезертирства (Иоанн употребляет здесь военный термин) мог указать на твой приказ»⁷⁰. В ответ император приказал поместить Иоанна под домашний арест. Палладий замечает, что во дворце решили не торопиться с ссылкой, опасаясь Божественного отмщения. Произойди что-то, что нужно было бы понимать как Божье наказание, и находившегося под арестом в собственном епископском дворце Иоанна можно было бы быстро доставить обратно в его церковь. Палладий здесь намекает на императрицу, которую он изображает главной виновницей несчастий святого. Императора же он, напротив, стремится выгородить. Так, по его словам, Аркадий призвал к себе епископов Антиоха и Акакия и предостерег их от подачи ему плохих советов. В ответ иерархи взяли всю полноту ответственности на себя: «Царь, за смещение Иоанна мы отвечаем головой!»

Сторонники Златоуста предприняли последнюю попытку сменить гнев самодержца на милость. По обычаю, в Страстную пятницу император с женой посещали часовню Мучеников. Около сорока епископов преградили путь царскому кортежу. Со слезами на глазах они трогательно умоляли августейшую пару ради великого праздника и множества ищущих крещения пошадить церковь Христову и вернуть им их епископа. Император не согласился. Не исключено, что тон при этом

⁷⁰ Палладий, Диалог 9, 127-132. Palladius, Dialogus de vita Joannis Chrysostomi, 9, 127-132.

задавала Евдоксия, возможно, она даже пригрозила применить силу. Предположить это заставляют слова епископа Кратен Павла, обращенные к ней: «Евдоксия, убойся Бога и будь милостива к своим детям. Не оскверняй Христова праздника кровопролитием!»

В ночь с Великой субботы на воскресенье был обычай крестить оглашенных, которые Великим постом готовились к принятию таинства. Епископ находился под арестом. Посовещавшись, Златоуст и верные ему священники пришли к решению, что вместо него крестить должны сами священники. Поздним пасхальным вечером 16 апреля 404 года в церквях Святой Софии и св. Ирины начались торжественные крещальные священнодействия. Узнав об этом, епископы враждебной партии немедленно потребовали от двора вмешаться и помешать верующим принять участие в этих богослужениях. Министр финансов и одновременно начальник дворцовой гвардии Анфимий отказался применять силу. На дворе ночь, собравшихся много, как бы не вышло беды — таковы были его резоны. Епископы надавили, так что, в конце концов, Анфимий сдался и, скрепя сердце, предоставил в их распоряжение офицера с солдатами, повторив свои предупреждения. Под командой вышеназванного офицера по имени Луций (сообщается, что на тот момент он еще был язычником) около четырех сотен новобранцев выступили по направлению к обеим церквям. Они проложили себе дорогу вовнутрь и тут же начали насильно изгонять собравшихся. Произошедшее с трудом поддается описанию. Спустя несколько недель Иоанн Златоуст передает некоторые подробности в своем письме папе Иннокентию I. Необученные новобранцы действовали грубой силой. Ударами палок служившие священники были вытолканы вон. Раздевшиеся перед крещением женщины были вынуждены бежать без одежды. Вода в купели окрасилась кровью. Солдаты проникли и туда, где хранились хлеб и вино. Святыня была осквернена.

После насильственного изгнания верующие и священники из обеих церквей собрались возле терм Констанция и стали служить пасхальную литургию. Но солдаты прогнали их и отсюда. Тогда они снова соединились за городом и продолжили богослужение там. В середине следующего дня император, совершая конную прогулку, наткнулся на стоящий посреди поля церковный народ. Новокрещенные еще не успели снять белые крещальные одежды. Сопровождавшие объяснили Аркадию, что это еретики. Несколько священников арестовали, толпа была разогнана. Палладий называет число около трех тысяч. Эта цифра завышена и ее следует понимать, скорее, как воспоминание о количестве крещеных в Иерусалиме в первый день после Пятидесятницы, согласно свидетельству Деяний Апостолов⁷¹. Этим богослужением под открытым небом начался скорбный путь последователей св. Иоанна Златоуста, вскоре после этого получивших наименование иоаннитов.

Два месяца Иоанна держали под арестом в собственном доме. Можно предполагать, что, помня о прежних демонстрациях и жертвах, власти остерегались действовать против него силой. За это время было предотвращено несколько попыток покушений на Златоуста. Некто, вооруженный кинжалом, пытался проникнуть в епископский дворец. Несколько источников единодушно сообщают о том, что Иоанн послал к городскому префекту несколько епископов с просьбой проявить к этому человеку снисхождение. Другим подосланным убийцей оказался слуга священника по имени Елпидий, который на соборе «Под дубом» был одним из свидетелей обвинения. Он также был задержан. Чтобы успокоить народ, городской префект приказал наказать его несколькими ударами.

Между тем, Иоанну было предложено уйти с кафедры добровольно подобно тому, как это сделал его знаменитый предшественник св. Григорий Богослов. Один из наших источников утверждает, что этот совет ему дала лично императрица Евдоксия. Иоанн, согласно тому же источнику, сказал, что поступить так ему не позволяет совесть. Императрица предложила взять всю ответственность на себя. Иоанн ответил, что за свои поступки каждый отвечает сам. За ее спиной он может прятаться не с большим успехом, чем Адам за спиной Евы. Если этому рассказу можно

См. Деян 2:41.

доверять, то подобное сравнение должно было снова больно задеть Евдоксию. Сообщается, что она пожаловалась Аркадию, что эти слова наносят обиду не только ей, но и ему самому.

Сам же Иоанн предпринял решительный шаг. Он написал уже не однажды упоминавшееся письмо папе Иннокентию I (402-417) и попросил его о поддержке. Послания подобного же содержания он направил двум наиболее влиятельным, наряду с папой, епископам Запада: Венерию Миланскому и Хроматию Аквилейскому. Это послание представляет собой исключительно важный источник. Доставить его по адресу Златоуст поручил представительной делегации из четырех епископов и двух диаконов. Послание Иннокентию начинается такими словами: «Моему высокопочтительному и святейшему господину епископу Иннокентию Иоанн о Господе радоваться. До твоего благочестия, вероятно, еще до прибытия нашего письма дошли слухи о тех беззакониях, которые с дерзостью были сотворены у нас. Ибо размах ужасных деяний слишком велик, чтобы хотя бы некая часть земного круга осталась в неведении о тяжелой трагедии. Весть о ней уже достигла пределов земли, оставляя везде за собой горе и стенания. Нам же, однако, подобает не только плакать, но и искать, как можно поправить дело, чтобы улеглась сия тяжелейшая буря церкви». Затем Иоанн представляет всех шестерых членов своего посольства, которые доставили послание в Рим, и описывает печальные события, начиная с приезда Феофила в Константинополь вплоть до подробностей кровавой Пасхи. При этом, многие детали он опускает. Златоуст не ставит перед собой цель составить исчерпывающую картину событий; будучи убежденным в том, что неискупленная несправедливость в одной из частей церкви наносит ущерб всему Ее телу, он стремится возбудить на Западе тревогу по поводу происходящего в Константинополе. Возможно также, что Иоанн одновременно рассчитывал через посредство трех виднейших епископов донести свое дело до самодержца западной части империи с тем, чтобы он оказал влияние на восточную политику. В верность и надежность своих адресатов он глубоко верит. К ним он обращается с просьбой заявить о неправомерности его осуждения письменно, поскольку сам он не мог защищаться и был судим теми, кто не имел на это никакого права. К посланию на имя римского папы прилагались письма сорока лояльных Иоанну епископов и обращение верного ему клира.

9 июня 404 года, в четверг после Пятидесятницы Акакий, Севериан, Антиох и Кирин — четыре главных противника Иоанна — взяли инициативу в свои руки. Они попросили у императора аудиенцию и объявили ему, что вопиющим образом попираемый общественный порядок можно восстановить лишь при том условии, если епископ Иоанн будет, наконец, удален из города. Аркадий все еще колебался и прождал до 20 июня. В этот день к Иоанну явился его секретарь Патриций с приказом оставить церковь и город и отправиться в ссылку.

Св. Иоанн принял это известие спокойно. Он ждал его уже не одну неделю. Используя возможность, он еще раз заявил свой протест: происходящее с ним незаконно, ни разу у него не было случая для защиты. Он вышел из своего дворца и пошел в баптистерий Святой Софии. Здесь он в последний раз переговорил со своими епископами. Ему сообщили, что офицер и солдаты готовы и ждут его. Офицер — это был тот самый Луций, который командовал рекрутами на Пасху — передал, что он имеет приказ сломить любое сопротивление. Иоанн попросился с епископами. Сказал несколько слов Олимпиаде и трем другим диакониссам, Пентадии, Прокле и Сильвине. Обращаясь ко всем, он попросил быть лояльными к новому епископу, без епископа церковь не может жить. Тем временем в Святую Софию потоком лился народ в надежде последний раз увидеть Златоуста.

Иоанн опасался столкновения. Поэтому он пошел на хитрость: приказав привязать своего оседланного мула, на котором он обычно ездил по городу, у западного входа в храм, он проскользнул боковым ходом через восточные ворота и отдал себя в распоряжение дежурившего там офицера. Его сопровождали два епископа и несколько пресвитеров. Не привлекая к себе внимания, небольшая группа достигла порта. Здесь все поднялись на корабль и переплыли Босфор. Был понедельник, 20 июня, вторая половина дня. Иоанн Златоуст больше никогда не увидел Константинополя. Палладий пишет: «Вместе с епископом удалился и ангел церкви».

Вторая ссылка

Иоанна и сопровождавших его священнослужителей повезли сушей в Никею (ныне Изник), город, в котором император Константин Великий в 325 году созвал I Вселенский собор. Стояла жара и путешествие было утомительным. Несмотря на это, Иоанн чувствовал себя хорошо, о чем упоминается в двух его письмах к Олимпиаде, написанных из Никеи. Охрана, как подчеркивает Златоуст, обращалась с ним приветливо. В Никее пришлось около двух недель дожидаться сообщения об окончательном месте ссылки.

Когда в Константинополе стало известно, что Иоанна увезли из города в изгнание, это вызвало настоящую бурю в храме Святой Софии. Как мы помним, там собралась огромная толпа людей, желавших попрощаться со своим епископом. Не успели солдаты увести Златоуста в направлении порта, как его противники, опасаясь, что народ ринется вслед за ним и попытается его освободить, уже забаррикадировали все входы в церковь. Наиболее решительные из тех, кто оказался взаперти, пытались выломать дверные створки и разбить камнями замки. В общей суматохе кто-то незаметно поджег настенные ковры и деревянную облицовку стен поблизости от епископской кафедры. Пламя перекинулось на потолочные балки, и скоро весь храм был охвачен огнем. Сильный северо-восточный ветер задувал искры через соседние дома и улицы, по которым люди ходили как под огненной радугой, и гнал их на здание сената, которое также загорелось. Через три часа храм Премудрости Божьей и сенатский дворец перестали существовать. Вместе с последним погибли и бесчисленные произведения искусства, собранные там по приказу императора Константина.

Город был взбудоражен слухами и подозрениями. Кто совершил поджог? Озlobившиеся сторонники ссыльного? Или его противники, чтобы окончательно дискредитировать и самого Иоанна и его людей? Палладий не сомневается в том, что пожар был Божьей карой. Власти не теряли времени и создали весьма представительную комиссию для расследования. Ее возглавлял городской префект Студий, который относился к Иоанну Златоусту с уважением. Другим ее членом стал получивший должность министра финансов комит Иоанн, человек, который, по всей видимости, ненавидел Иоанна. Комиссии было предложено исследовать версию, согласно которой пожар подготовил незадолго до своего ухода из храма сам Златоуст. Его целью было, якобы, скрытие исчезновения дорогостоящей церковной утвари, которую он сбыв на сторону. К счастью для подозреваемого, благодаря своему положению и характеру постройки храмовая сокровищница не пострадала от огня. Поэтому хранители церковной казны диаконы Герман и Иоанн Кассиан смогли предоставить в распоряжение комиссии как сами хранившиеся в ней предметы, так и их точный перечень. Подозрения против Иоанна, между тем, не рассеялись и даже стали более определенными. По этой причине комиссия, в качестве своего первого шага, распорядилась арестовать и отправить в цепях в Халкедон всех тех епископов и других клириков, которые сохраняли верность Златоусту.

Менее чем через неделю после удаления Иоанна и как раз на тот момент, когда преданные ему епископы находились в заключении, противники сосланного пастыря поспешили поставить все точки над «i», ускорив назначение его преемника на константинопольской кафедре. Новым епископом стал Арсакий. С ним мы уже встречались в качестве обвинителя на соборе «Под дубом». Он был братом предшественника Иоанна Нектария. На момент избрания ему было восемьдесят лет. Арсакия считали человеком мягким, но говорили, что он «немее рыбы и неподвижнее лягушки». О нем рассказывали, что много лет назад брат хотел сделать его епископом Тарса. Арсакий отказался. Тогда Нектарий сказал: «Ты, как видно, ждешь моей смерти, чтобы стать епископом в Константинополе». В ответ Арсакий поклялся на Евангелии, что он никогда не примет никакой епархии.

Многие не признавали нового епископа и собирались для богослужений на окраинах города, поскольку в храмы для них доступа не было. Узнав об этом, Арсакий пожаловался на них властям. Это дало повод разгонять собрания иоаннитов при помощи вооруженной силы. Было выпущено несколько

эдиктов, запрещавших эти собрания. Тем, кто несмотря ни на что, отваживался принимать участие в несанкционированных богослужениях, угрожали значительные штрафы, офицеры подлежали разжалованию, ремесленники облагались значительными штрафами.

Продлившийся четыре года иоаннитский раскол перекинулся со столицы на провинцию. Толчок этому процессу дало непомерное усердие противников смещенного епископа. Начало второй ссылки Иоанна совпало по времени со смертью высоко чтимого им епископа Флавиана. Хорошо известным нам сирийским епископам Севериану, Акакию и Антиоху стало известно, что антиохийскую кафедру должен занять один из сторонников Златоуста. Они поторопились в Антиохию, желая, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому. Понимая, что у их собственного кандидата Порфирия нет никаких шансов, они сделали ставку на молниеносную акцию. Когда епископы появились в Антиохии, их встретил абсолютно пустой город: все жители были в Дафне на олимпийских играх. Вместе с Порфирием все трое поспешили в Большую церковь. За взятку клирики отворили им двери храма. Впопыхах рукоположив своего человека в епископы Антиохии, епископы тут же скрылись из города. Когда под вечер антиохийцы вернулись домой, они узнали, что у них есть новый архипастырь. Вечер и ночь прошли без эксцессов, но с первыми лучами солнца толпы недовольных, вооруженные факелами и охапками хвороста, стали собираться у епископской резиденции с намерением изгнать непрощенного гостя. Порфирий чуял недоброе и заранее успел скрыться под защиту военного префекта. Последний, не останавливаясь перед жестокостью, рассеял начинавшие собираться демонстрации. Таким было начало антиохийского раскола. Подобные же события происходили и во многих других городах империи. Ставленники Иоанна Гераклид Ефесский и Серапион Гераклеяский были изгнаны со своих кафедр, а шестеро малоазиатских епископов, которых Златоуст в Ефесе изверг из сана за симонию, с честью вернулись назад.

Между тем, в Константинополе продолжалось расследование причин произошедшего пожара. Тюрьмы были переполнены арестованными. В заточении иоанниты пели псалмы, «превращая узилища в храмы». Комиссия не остановилась перед применением пыток. Среди приверженцев св. Иоанна появились мученики. Одного из чтецов Златоуста искромсали заживо железными крючьями и гребнями. Серапион был бит и сослан в Египет. По пути он бежал и с тех пор прятался у готов. Златоуст будет писать об этом Олимпиаде.

Саму Олимпиаду также вызвали в суд. Судья спросил ее, почему она подожгла церковь. Она ответила, что нет ничего более чуждого всему ее образу жизни, чем подобные поступки. До сих пор она только и делала, что расходовала свое немалое состояние на то, чтобы, наоборот, строить церкви. На это судья саркастически заметил, что ее образ жизни ему хорошо известен. Олимпиада не растерялась и ответила, что тогда он должен попроситься в прокуроры, а на место судьи пригласить кого-нибудь другого. Ведший следствие высокопоставленный чиновник Оптат испытал на ней метод пряника. Он принялся ласково уговаривать Олимпиаду признать Арсака епископом; тогда дело закроют, и все будет хорошо. Олимпиада отказалась и заявила, что удивлена тем, что должна выслушивать какие-то требования после того, как проверка клеветнического навета, по которому она была арестована, не дала никаких результатов. Она напомнила о своем праве прибегнуть к помощи адвокатов. Оптат закрыл заседание. На следующий день Олимпиаду вновь вызвали к Оптату. В ответ на ее повторный отказ признать Арсакия он приговорил ее к денежному штрафу в размере двухсот фунтов золота. Вскоре Олимпиада отправилась в Никомедию. Оттуда она писала Иоанну Златоусту, здесь же получала его письма, которые, однако, не могли утешить ее в вынужденной разлуке. Она пережила Златоуста всего на десять месяцев. 25 июля 408 года она умерла.

Несмотря на все аресты, следственная комиссия не смогла удовлетворить возлагавшимся на нее ожиданиям. Поэтому 29 августа 404 года был издан эдикт, объявлявший, что, поскольку поджигатель не был найден, содержащимся под стражей даруется свобода. Епископам из других городов предписывалось покинуть столицу. Это распоряжение вынудило уехать в том числе и Севериана с Акакием и Антиохом.

Таким образом, за время ожидания в Никее окончательного определения места своей ссылки Златоуст получил несколько неприятных новостей. В Константинополе уже приступил к делам занявший его место епископ, в Ефесе и Гераклее его друзья лишились кафедр. Помимо этого Иоанн узнал о том, что богатые владельцы загородных вилл, противившиеся постройке рядом с их домами госпиталя для больных проказой, немедленно после его отъезда добились распоряжения о прекращении работ и вдобавок заблокировали собранные на строительство деньги. В письме к Олимпиаде Златоуст спрашивает о ее самочувствии и надеется, что она вскоре освободится от охватившего ее чувства подавленности. Со словами утешения и ободрения он обращается и к томившимся в халкедонской тюрьме братьям.

К исходу второй проведенной в Никее недели наконец пришло столь долго заставившее себя ждать назначение: местом ссылки должен был стать крошечный армянский городок Кукуз. Златоуст надеялся, что попадет в столицу Армении Севастию (ныне Сивас). Там его уже ожидал загородный дом, предоставленный одним из богатых друзей. 4 июля началось длительное изматывающее путешествие. Благодаря военной карте IV века мы можем проследить его маршрут: на пути Златоуста и его эскорта лежали два крупных города — Анкира (теперешняя столица Турции Анкара) и Кесария Каппадокийская (ныне Кайсери). Солдаты шли пешком, св. Иоанн провел, по крайней мере, часть пути, занявшего около семидесяти дней, в своего рода носилках на спине мула. Тем не менее, дорогу он переносил тяжело. В письмах он упоминает о грязной питьевой воде, черством заплесневелом хлебе. Еще хуже были одолевавшие его припадки лихорадки и постоянная опасность нападения банд исавров, рыскавших по горам Армении. К величайшей радости Златоуста, в лежавших на пути хуторах, селах и городах его тепло встречали. Нередко люди, собираясь в небольшие группы, приходили издалека, чтобы со слезами на глазах поприветствовать гонимого епископа. Так и на пути в ссылку Иоанну было дано ощутить любовь простого народа.

В отличие от него, а также от низших членов церковной иерархии большинство епископов выдерживало по отношению к Златоусту значительную дистанцию. В одном из писем к Олимпиаде Иоанн замечает, что он не был уверен, удастся ли ему выбраться живым из Анкиры, настолько враждебно был настроен местный владыка Леонтий. Следующим крупным городом на пути Златоуста была Кесария. Тамошний епископ Фаретрий сообщил Иоанну, что готов принять его, как друга. Полумертвый от потрясавших его приступов лихорадки, св. Иоанн рухнул на постель в первой попавшейся ночлежке на окраине Кесарии. С большим трудом призванным врачам удалось несколько унять болезненную дрожь. Стоило Иоанну немного прийти в себя, как начались визиты. Митрополит Каппадокийский, однако, так и не появился, попросив передать, чтобы Иоанн как можно скорее двигался дальше. Не было ли изменение его отношения следствием соответствующего сигнала из лагеря противников Златоуста?

Спутники Златоуста еще не успели как следует обдумать ближайший отрезок пути, как по Кесарии распространилось ужасающее известие: в провинцию вторглись банды исавров, они сожгли близлежащую деревню и вырезали местных жителей. Еще более непосредственной была для Иоанна опасность, исходившая от своры распропагандированных монахов, которые собрались перед ночлежкой, где остановился Златоуст, требуя, чтобы он немедленно убирался, а не то они подожгут дом. Угрозам подверглись и солдаты сопровождения: монахи объявили им, что на их счету уже не один избитый гвардеец.

Солдаты, уступая монахам числом, не стали испытывать собственное мужество и настаивали на немедленном отправлении. Появился городской префект, но и ему не удалось усостыжить отшельников. Префект послал к вдохновителю этой травли епископу Фаретрию с просьбой о нескольких днях отсрочки. Тем временем стемнело. На следующее утро монашеское улюлюканье за окном продолжилось. Св. Иоанн и его сопровождавшие были уже на выезде, как вдруг обладательница хорошо укрепленной виллы в окрестностях Кесарии, богатая женщина по имени Селевкия пригласила

Златоуста стать ее гостем. Фаретрий узнал об этом и тут же принялся обрабатывать гостеприимную хозяйку. После некоторого сопротивления — Селевкия уже было отдала распоряжение своему управляющему собрать работников для отражения монахов — она слалась. Чтобы сохранить хорошую мину, она прибегла к хитрости. Посреди ночи в спальню Иоанна ворвался один из сопровождавших его священников Евефий: «Вставай! Варвары! Ближе!» Маленькая группа поспешно бежала в близлежащие горы.

В письме к Олимпиаде Иоанн описывает драматические события этой ночи. Златоуст крикнул, чтобы зажгли факелы. Евефий велел их потушить, он боялся, что свет привлечет внимание варваров. В темноте мул Златоуста оступился на крутом горном подъеме, и Иоанна вышвырнуло из носилок на землю. Евефий за руку потащил его вверх по склону. К рассвету они поняли, что мнимое нападение исавров было инсценировано для того, чтобы посеять панику. Поведение кесарийского епископа Иоанн в одном из посланий назовет невозможным и непростительным. Бросается в глаза противоречие между официальным распоряжением о том, чтобы солдаты охраны обращались со ссылкой уважительно, и тем «приемом», который оказывали ему некоторые епископы. По всей видимости, власти были на тот момент заинтересованы лишь в том, чтобы удалить опасного, с их точки зрения, человека из Константинополя и поместить его как можно дальше от столицы. Враги же Златоуста из числа духовенства хотели, более того, еще и унижить своего лишнего кафедрного собрата. Св. Иоанн писал Олимпиаде, что епископов — за исключением нескольких — он боится больше, чем кого бы то ни было. Своих корреспондентов Златоуст просит ничего не рассказывать о том, как с ним обошлись в Кесарии. Скорее всего, он опасался, что ненависть его врагов может вылиться в еще более жестокие формы. «Страдаю же я за свои грехи», — писал он.

Конец путешествия был несколько скрашен тем, что один из врачей, принесших Иоанну облегчение в Кесарии, согласился ехать вместе с ним. 20 сентября 404 года ссылкой прибыл в Кукуз. Кукуз (ныне Гексун расположен на высоте 1400 м над уровнем моря посреди гор Антитавра. Все ведущие к нему дороги проходили по достаточно труднопроходимым ущельям. В те времена Кукуз нередко использовался как место изгнания. В 351 году сюда был вывезен сосланный императором Констанцием константинопольский епископ Павел. Иоанн знал о его судьбе: Павел был задушен солдатами охраны. Хотя поначалу это местечко, где не было ни форума, ни торговых лавок, показалось Иоанну самым унылым и заброшенным на свете захолустьем, вскоре он неплохо прижился в нем. Прогулки на свежем воздухе укрепляли его здоровье, а многочисленный гарнизон городка служил надежной гарантией от нападений варваров. Переехав на виллу в деревне, один из состоятельных горожан предоставил в распоряжение Иоанна свой просторный городской дом, позаботившись к тому же, о том, чтобы жилище было наилучшим образом подготовлено к приближающейся зиме. Исключительно любезен был и Сопатр, наместник провинции Первая Армения. К тому же, на второй день после приезда Иоанна в Кукуз здесь появилась приехавшая из Антиохии его пожилая тетка, диакониса Сабиниана. Немного позднее должен был приехать и кандидат на антиохийскую кафедру Констанций, который остался ни у дел благодаря поспешному рукоположению Порфирия. Иоанн приободрился и, как он писал Олимпиаде, чувствовал себя лучше, чем в Константинополе.

Прошло чуть больше двух недель после того, как Златоуст прибыл в Кукуз, когда не перенеся повторного выкидыша, умерла императрица Евдоксия. 30 сентября над Константинополем разразился необычайной силы град. Тут же по городу поползли перетолки, что это было Божье наказание за несправедливое смещение и изгнание епископа Иоанна. Через шесть дней императрица была мертва. После нее осталось четверо маленьких детей. Тело Евдоксии было похоронено в императорской усыпальнице при церкви Апостолов. У иоаннитов вспыхнула, было, надежда, что теперь власти проявят к ним снисхождение. Однако, произошло обратное. Более или менее расположенный к иоаннитам городской префект Студий в середине ноября был заменен известным своей жесткостью язычником Оптатом. Именно он, как мы помним, вел расследование причин пожара в Святой Софии.

Уже 18 ноября наместники провинций получили новый эдикт. Им предписывалось обеспечивать подавление любых проводящихся помимо официальной церкви богослужений и побуждать всех христиан поддерживать церковное общение с тремя первунствующими епископами Востока: Арсакием Константинопольским, Феофилом Александрийским и Порфирием Антиохийским. 11 ноября 404 года умер Арсакий. Среди иоаннитов вновь зародилась надежда, что вакансия константинопольской кафедры создает предпосылку для возвращения Иоанна Златоуста. Но прошло четыре месяца, и епископом был назначен Аттик. Он был родом из Армении и, скорее всего, уже при Нектарии стал служить в качестве пресвитера в Святой Софии. Проповеднического дара у Аттика не было, его слово никого не захватывало. Ценили его за располагающую манеру общения и административные таланты. На соборе «Под дубом» он выступал в качестве свидетеля обвинения. Став вторым приемником Иоанна по константинопольской кафедре, Аттик соединил в своих руках все главные нити нового заговора против него.

Мы уже не раз упоминали о том, что за несколько недель до своей второй ссылки Иоанн отправил послание папе Иннокентию I. Теперь уместно рассказать немного подробнее о контактах церкви Востока с римским престолом. Послание Златоуста было не первым известием о неприятных событиях в Константинополе, полученным в Риме. За три дня до прибытия к папе отправленной Златоустом делегации Иннокентий получил сообщение от Феофила, в котором последний лапидарно уведомлял его о том, что он изверг константинопольского епископа Иоанна из сана и что епископ Иннокентий поэтому должен разорвать с ним евхаристическое общение. Поведение александрийского патриарха и, в особенности, тот факт, что епископ Рима, о мнении которого Феофил даже не поинтересовался, просто-напросто ставится в известность об исходе этого дела, вызвали неудовольствие Иннокентия.

Вскоре после этого Иннокентий принял представителя епископа константинопольского в Риме диакона Евсевия. Евсевий попросил папу еще некоторое время подождать с вынесением своего мнения по этому делу, поскольку он сам еще не имеет точных известий о подробностях, по всей видимости, драматических событий в Константинополе. Через три дня после получения послания из Александрии в Рим прибыли шестеро посланцев Иоанна. Они передали папе три письма, о которых уже шла речь выше, и дополнили их своими рассказами. Иннокентий ответил и Феофилу и Иоанну Златоусту. В сдержанных выражениях он написал о том, что не может признать законным то решение, которое, как кажется, вынес Феофил. Далее Иннокентий требовал созвать для окончательного рассмотрения дела новый независимый собор с участием епископов из обеих частей империи. В качестве последнего пункта, он заявлял, что не разрывает церковного общения ни с одним из своих корреспондентов.

За несколько дней до того, как Феофил получил папское послание, в Рим прибыла еще одна делегация александрийского патриарха: пресвитер Петр из Александрии и константинопольский диакон Мартирий. Недошедшее до нас полностью послание Феофила, которое они привезли с собой (к нему также прилагались деяния собора «Под дубом»), на этот раз было достаточно пространном. Сохранившиеся благодаря компилятору шестого века⁷² выписки из этого документа показывают Феофила с его наиболее отвратительной и примитивной стороны. По его словам, Иоанн продал душу дьяволу. Он называет его врагом человеческого рода и главой всех осквернителей святынь. «Иоанн опутан такими сетями, которые уже невозможно разорвать. И за свои злодеяния предстоит ему услышать грозный глас Христов: “Рассудите Меня с Иоанном! Когда Я ожидал, что он будет творить правду, он соделал неправду, и не сотворил праведного суда, но лишь безрассудный вопль”»⁷³. Тот же самый злой дух, которым был одержим царь Саул⁷⁴, пишет Феофил, заставляет Иоанна преследовать своих же братьев. Позднее Феофил заказал перевод бесстыдной книжонки на латынь бл. Иерониму

⁷² Перевод этих отрывков сделан по изданию Chr. Baur, *Johannes Chrysostomos und seine Zeit*, Bd. 2, 281.

⁷³ Ср. Ис 5:3-7.

⁷⁴ См. 1 Цар 16:14-23.

для того, чтобы и говорящие на этом языке, выражаясь его словами, узнали «что за человек был Иоанн».

Как Иннокентий воспринял эту мрачную хулу, остается неизвестным; его ответ Феофилу не оставляет места даже для догадок на этот счет. В то же время, нельзя сомневаться в том, что он основательно проштудировал второй из присланных ему документов — деяния собора «Под дубом». Они донесли до папы три в высшей степени подозрительные подробности. Деяния были подписаны тридцатью шестью епископами, ровно двадцать девять из них приехали из Египта и находились, таким образом, в зависимости от Феофила. Среди пунктов обвинения не было ни одного, достаточного для извержения из сана. И, наконец, Иоанн был осужден в свое отсутствие. Тон второго послания Иннокентия Феофилу становится, таким образом, заметно определеннее и резче. Он останется при своем мнении, «сколько бы ты нам ни писал». Пока не будет вынесено безупречное определение по этому делу, он не может прервать евхаристическое общение с епископом Иоанном. Таким образом, необходим новый собор, на котором должен присутствовать Феофил. В конце своего послания Иннокентий пишет о том, что церковь Рима признает лишь решения Никейского собора. Именно на них должен опираться и новый собор. Тем самым Иннокентий лишил главной опоры всю аргументацию Феофила, который построил обвинение Иоанна на канонах Антиохийского собора 341 года. Феофил немедленно понял, что шансов на подобном новом соборе у него будет немного. Отсюда следовала и ясная цель; не допустить его любыми средствами.

Помимо этого, Иннокентий отправил на Восток еще два письма: одно сосланному св. Иоанну, а другое оставшемуся ему верным клиру в Константинополь. Иоанна он старается утешить, делая одновременно два вполне определенных заявления: во-первых, папа совершенно уверен в его невинности, во-вторых, он ничем не может ему помочь. Тон послания к клиру резче. Здесь папа вновь настаивает на созвании нового собора и объявляет не имеющими силы антиохийские каноны 341 года, на основании которых было проведено извержение епископа Иоанна из сана.

В июне 404 года император Гонорий письменно обратился к своему августейшему брату Аркадию. Это обращение вывело константинопольский скандал на орбиту высокой политики. С ноября 403 по июль 404 года Гонорий и Стилихон находились в Риме, что делает весьма вероятной их консультации с папой Иннокентием. Послание начинается с выражения Гонорием своего неудовольствия в связи с распространением статуй его невестки Евдоксии. Затем он обращается к событиям Пасхи 404 года: аресты священнослужителей, изгнание епископа, кровопролитие в храме, что это, как не обиды, нанесенные Самому Богу? После этого Гонорий затрагивает недавнее второе и окончательное выдворение епископа Иоанна. Он с осуждением пишет о том, что все связанные с его судьбой решения принимались поспешно и без участия римского папы, к которому, тем не менее, обе стороны сочли необходимым обратиться впоследствии. Послание императора, очевидно, было согласовано с обоими вышеупомянутыми письмами Иннокентия, причем Гонорий, в качестве самодержца, не стеснял себя авторитетами и выражал свое мнение вполне непосредственно.

В первые июльские дни 404 года пресвитер Феотекн передал папе подписанное примерно двадцатью пятью епископами обращение из Константинополя, где сообщалось об уже известных нам по предыдущему изложению последних событиях. Новые свидетельства доставили Палладий (он прибыл в Рим в сентябре 404 года) и диаконы Герман и Иоанн Кассиан, которые описали в том числе и преследования иоаннитов. Палладий воспользовался гостеприимством Мелании Младшей. Она вместе со своей бабкой Меланией Старшей (обе они впоследствии были канонизированы) принадлежала к высшим кругам римской аристократии. В этот же круг входили также Проба и Юлиана, с которыми Златоуст будет переписываться из ссылки.

Лагерь противников Златоуста предпринимал попытки перетянуть папу на свою сторону, но Иннокентий уже вполне определил свою позицию. По его распоряжению, императора Гонория

держали в курсе всех сообщений, поступавших на имя папы. По договоренности с ним в начале лета 405 года Иннокентий созвал собор, в котором приняли участие италийские епископы (в их числе был Хроматий Аквилейский, которому Иоанн направил личное послание наряду с папой), а также несколько епископов, бежавших в Рим с Востока. Этот собор в сильных выражениях опроверг воздвигнутые на Златоуста обвинения и принял решение об извержении из сана главных действующих лиц константинопольской драмы — Феофила, Арсакия и находившихся с ними в заговоре епископов. Собор обратился к Гонорию с просьбой пригласить епископов обеих частей империи на большой Вселенский собор в Фессалоники. Выбор этого города был приемлем для обеих сторон: римские папы уже давно искали пути для того, чтобы превратить фессалоникийского епископа в подчиненного им викария Иллирийского, политически же этот регион зависел от Нового Рима. Гонорий удовлетворил обращение собора и повторно написал своему царственному брату Аркадию. Именуя его «твое благосердие», Гонорий просил об окончательном восстановлении справедливости в деле епископа Константинополя Иоанна. Другая просьба заключалась в предоставлении епископам Востока возможности встретиться со своими западными собратьями на соборе в Фесаллониках. Его настоящим требованием было личное присутствие на этом соборе Феофила Александрийского. К императорскому посланию прилагались письма епископов Рима и Аквилеи, на что Гонорий указывал особо.

Для передачи посланий были избраны шестеро клириков, возглавляемые епископом Эмилием Бенеventским. Весьма вероятно, что делегация отплыла в направлении Константинополя вскоре после 11 марта 406 года, то есть дня, когда возобновлялось судоходство. Ее сопровождала целая группа греческих епископов — в их числе был и св. Палладий, — желавших вернуться на родину. Это путешествие было начато под несчастливой звездой. Церковным противоречиям между Востоком и Западом соответствовала нарастающая политическая напряженность между обеими половинами империи. В начале 405 года Стилихон, могущественный министр и военачальник Гонория, отказался признать префекта претория Анфимия в качестве консула начавшегося года. На Востоке хорошо знали, что Стилихон готовится к тому, чтобы вновь установить контроль над Иллирией. На фоне подобной угрозы требование соборно пересмотреть дело Иоанна не могло не восприниматься как демонстративное вмешательство во внутренние восточные дела. Все это не могло не сказаться на приеме, который ожидал делегацию с Запада в Константинополе. Однако, не будем забегать слишком далеко вперед.

Дурные вести и подступающая зима 404/405 годов изменили по началу бодрый настрой св. Иоанна. Златоуст начал измощающую борьбу за выживание. По его словам, он чувствовал себя ближе к смерти, чем к жизни. Весной 405 года он пишет Олимпиаде, оглядываясь на прошедшие зимние месяцы: «Я возвращаюсь назад от самых врат смерти. Как хорошо, что твои посланцы не застали меня в этом состоянии! Зима в этом году выдалась необычайно суровая, и от этого усилились мои желудочные недуги. В первые два месяца мне было хуже, чем покойнику. Жизни во мне оставалось ровно столько, чтобы ощущать набросившиеся на меня страдания. В остальном все вокруг — ночь и тьма... Я не вставал с постели. Что только я не перепробовал, чтобы избавиться от чувства холода. Зажигал огонь, терпел непродыхаемый дым, кутался в бесчисленные одеяла, не показывал на улицу и носа, а боли все же были ужасные. Болела голова, никакого аппетита, рвота, бессонница... Но только потеплело, как все вдруг прошло само собой». В другом письме Олимпиаде Иоанн пишет, что припадки малодушия и уныния переносить было труднее, чем физические страдания. Здесь затрагивается тема, игравшая важную роль в переписке между Златоустом и Олимпиадой. К сожалению, дошло лишь семнадцать писем самого св. Иоанна, письма Олимпиады, так же, как и всех остальных его корреспондентов, утрачены. Обращаясь к Олимпиаде, Златоуст старается изобразить свое положение в позитивных тонах и внушить ей оптимизм. Как правило, это удается ему достаточно легко: даже в наиболее критические моменты своей жизни Златоуст сохраняет оптимистический настрой, порой даже вопреки очевидному положению вещей. У Олимпиады же и его ссылка, и

разразившаяся над константинопольской церковью беда, и общее состояние церковных дел на Востоке вызвали глубокую депрессию, с которой она так и не смогла окончательно справиться. Иоанн то и дело заговаривает в письмах о ее состоянии и настроении, надеется, что она вскоре расстанется с печалью. Иногда тон его меняется, и он призывает Олимпиаду не отдаваться полностью во власть грустным мыслям. Он убеждает ее в том, что, при подобном недуге, как и при болезнях тела, для исцеления необходимо содействие самого страждущего. Его подчас кажущийся несколько наивным оптимизм связан с убеждением, что наше духовное благополучие зависит, в том числе, и от усилий нашей собственной воли. Олимпиада — ее мысль прочитывается из ответа Златоуста — однажды написала о том, что была бы рада следовать его советам, но у нее нет сил. С таким объяснением Иоанн был решительно не согласен: «О наперсница Божественной Премудрости, я знаю силы твоей души!» В том же письме Иоанн повторяет слова Олимпиады о том, что ее мучит разлука с ним, что она без устали повторяет: «Где этот голос? Почему мы не можем радоваться его речам? Кто утолит наш голод? Мы испытываем то, что некогда терпели иудеи в пустыне: мы алчем, но не хлеба, жаждем, но не воды. Наш голод — по божественному учению».

Из писем Олимпиады Иоанн узнавал о страданиях преследуемых иоаннитов. Отвечая, он говорил об испытаниях, выпавших на долю апостолов, напоминал о том, что и Сам Христос был оклеветан и предан. Все более глубоким смыслом наполнялись для него и слова праведного Иова (Иов 1:21): «Господь дал, Господь взял — да будет благословенно имя Господне!» Нередко его ободрения подкрепляются образом трех юношей в печи (Дан 3). Письма Златоуста отличаются друг от друга и объемом, и содержанием. Некоторые представляют собой скупые заметки, предназначенные для того, чтобы просто держать Олимпиаду в курсе дел. Другие больше напоминают проповеди. Все вместе, они являются живым свидетельством глубокого доверия и духовной близости между двумя необыкновенными людьми.

За годы ссылки Златоуст писал и многим другим людям. Письма и беседы с людьми, приезжавшими навестить его, были для него единственной формой общения. До нас дошло двести сорок его писем. Написано было, без сомнения, гораздо больше: некоторые так и не дошли по назначению, другие были утрачены впоследствии. Письма адресованы более чем ста лицам в Константинополе и других городах. Содержание их весьма различно. В одних мы находим множество интересных подробностей о жизни в ссылке, другие читать достаточно скучно. Но именно в этом отношении последние свидетельствуют о том чувстве одиночества, которое автор испытывал в своем вынужденном бездействии. Иоанн с живейшим интересом воспринимал любую новость о возможных изменениях своей дальнейшей судьбы. Из писем мы узнаем, что Олимпиада и еще несколько влиятельных друзей хлопотали о его переводе в более крупный и менее удаленный от Константинополя город. Златоуст благодарит их за заботу, но отвечает, что он ни в коем случае не хотел бы еще раз перенести все неудобности дальней дороги с тем, чтобы, возможно, очутиться в еще более отрезанном от мира месте. По некоторым письмам можно судить о том, что св. Иоанн не пренебрегал своими епископскими обязанностями даже в ссылке. Священникам он пишет о том, чтобы они с усердием исполняли свое служение. Его заботит, найдется ли достойный приемник рукоположенному им епископу готов Униле. По дороге в Кукуз Златоусту удастся убедить встреченного им отшельника оставить свою келью и идти проповедовать Евангелие в Финикию (область, приблизительно совпадающая с современным Ливаном): тамошнее язычество было еще достаточно сильно. Из писем мы узнаем о постройке новых церквей. В одном из них Иоанн обеспокоен тем, успеет ли его адресат закончить церковную кровлю до наступления зимы. Одно из писем к Олимпиаде продолжает миссионерскую тему: Златоуст просит особое внимание ставшему к тому времени епископом г. Майфарката Маруте, который ему по-прежнему нужен для проповеди христианства в Персидской империи. Понятной эта просьба становится в контексте поведения самого Маруты, который в этот момент находился в лагере противников Златоуста. В другом письме к

Олимпиаде говорится, что для находящегося под арестом ефесского епископа Гераклида, возможно, было бы лучше получить свободу ценой отказа от сана, — шаг, который Иоанн для самого себя полностью исключал. Целый ряд писем обращен к занимавшим заметное положение римским друзьям Златоуста, среди которых есть как женщины, так и мужчины. Выше мы уже говорили о Пробе и Юлиане, почтенных также и письмами блаженного Августина. Эта корреспонденция показывает, насколько тесными были связи св. Иоанна с Западом. О том же говорит и тот факт, что трое из четырех женщин, с которыми Златоуст прощался в баптистерии Святой Софии, носили латинские имена: Пентадия, Прокла и Сильвина.

Лето принесло с собой новые трудности: теперь Иоанн страдал от жары. Желудочные болезни также не поддавались лечению, приходилось выдерживать строгую диету. Но хуже всего были набеги исавров. 405 год выдался неурожайным, и исаврам угрожал голод. Поэтому они во все возрастающем числе спускались с гор, опустошая огнем и мечем окрестные деревни. В одном из писем Иоанн сообщает о резне и поджогах. Нападения продолжились и зимой, чего не было в предыдущие годы. В опасности оказались даже города. Военное командование сочло за лучшее эвакуировать мирное население из Кукуза. Посреди зимы Златоусту пришлось переехать за восемьдесят километров в приграничный город Арабис. Здесь он разместился в крепости. Положение было очень опасным. Город был переполнен беженцами, начинал ощущаться недостаток в продуктах. Однажды ночью около трехсот исавров попытались захватить Арабис. Вылазка не удалась, варвары были отбиты. Иоанн спал и не слышал шума ночного штурма, переживания и страх охватили его лишь поутру, когда все было уже кончено. Жизнь в Арабисе — мы не знаем точно, сколь долго продлился этот период — была для Иоанна еще более безрадостной, чем в Кукузе, поскольку здесь его никто не навещал, и, вдобавок, он был лишен возможности получать письма. Весьма скрашивало его положение радушие местного епископа. Когда все немного успокоилось, он пригласил Златоуста переехать в его дом. Вероятно, летом 406 года Иоанн Златоуст вернулся в Кукуз. Здесь возобновились визиты друзей, что его очень поддерживало. Со своей стороны, в годы ссылки Златоуст проявил незаурядные духовнические качества, утешая и ободряя людей, приходивших к нему. Олимпиада и другие диакониссы присылали ему лекарства и сладкое масло для больного желудка. На присланные Олимпиадой деньги Иоанн смог выкупить людей, уведенных исаврами в плен. Большое значение для святителя имело то, что в Кукузе у него была возможность проповедовать. Порой вокруг него собиралась немалая толпа слушателей. В особенности много людей приходило послушать его с севера, из Севастии и с юга, из Антиохии.

В Кукузе ссыльный епископ приходит к мысли о необходимости поделиться своими убеждениями и опытом с широким кругом читателей. Так возникают два богословских трактата. Первый из них часто называют по его начальным словам: «О том, что ничто не сможет повредить человеку, не совершающему несправедливости по отношению к самому себе». Заглавие выражает квинтэссенцию этой небольшой книги. Ею св. Иоанн хотел придать мужества Олимпиаде и всем тем, кто ради него терпел преследования и тяготы ссылки. Переносящий на себе подобные же испытания епископ ставит вопрос: «В чем заключается истинная ценность человека?» Его ответ: «В глубоком усвоении истинного учения и праведной жизни». Этого не отнимет у нас самый могущественный враг, во власти которого может находиться наша свобода и даже жизнь. Ценность, которой измеряется человек, не связана с его здоровьем, положением или свободой, она заключается в его внутренней цельности. В качестве примера Златоуст приводит трех юношей, брошенных в печь по приказу царя Навуходоносора. Их вера и непорочность сохраняют их невредимыми в величайшей опасности. Затронутые константинопольским проповедником темы осмыслились в греческой литературе, начиная с Сократа и Платона. Особую значимость они приобрели в философии стоиков. Выработанная задолго до св. Иоанна максима гласила: лучше переносить несправедливость, чем совершать ее. Ничто не способно по-настоящему повредить истинно хорошему, остающемуся во внутренней гармонии с

самим собой человеку. Примеры, которыми кукузский ссыльный иллюстрирует свои мысли, взяты из Библии. Развиваемые им идеи имеют, по большей части, стоическое происхождение.

Второй возникший в ссылке трактат называется «О Божественном провидении». Его основная мысль заключается в том, что Божественное провидение непостижимо для человеческого разума. Своей измученной гонениями константинопольской пастве Иоанн рисует образы праведников Ветхого Завета. Они, не имея еще твердой веры в воскресение, преодолевали любые невзгоды упованием на Божий промысел. У нас, христиан, для этого есть еще большие основания, и, прежде всего, обещание, данное Самим Господом: «Претерпевший до конца спасется» (Мф 10:22). В заключении трактата Златоуст проецирует свое учение на события недавнего прошлого. Церковь истинная гонима церковью, которую поддерживает государство. Священник — без сомнения, автор имеет в виду нового константинопольского епископа Аттика — вредит своему стаду хуже, чем волк. За другой условной фигурой угадывается городской префект Оптат, о котором уже неоднократно шла речь выше. Подобные намеки могли дорого обойтись изгнаннику, если бы его сочинение попало в руки советских или церковных властей.

Обратимся теперь к судьбе посланников Гонория и Иннокентия. Сообщение о состоявшемся в Риме соборе и его требованиях пересмотра всей церковной политики Константинополя за последние два года вызвало на Востоке сугубое раздражение. По приказу префекта претория Анфимия, неугодная в столице делегация при появлении в восточной части государства должна была встретить на своем пути как можно больше препятствий. Как только корабль с посланниками обогнул Пелопонесс и взял курс на Афины, он попал под непрерывное военное наблюдение. В конце концов, плавание было прервано. Поднявшись на борт, греческий офицер объявил, что запланированной высадки в Фессалониках не будет. Палладий, сам участник западного посольства, подробно описывает дальнейшие события: «Нас пересадили на два других судна. Вскоре поднялся невообразимый шторм, который носил нас — без всякой еды — по Эгейскому морю и проливам. Наконец, на третий день около полудня мы достигли Константинополя возле пригорода Виктор». В Константинополе делегаты были задержаны портовой охраной. Греков отделили от латинян и изолировали в различных местах. Власти потребовали передачи всех документов. В ответ на заявление, что передать послания они должны лично императору Аркадию, офицер вырвал их силой, сломав при этом большой палец епископу Мариану. На следующий день западных клириков попытались подкупить: в обмен на значительную сумму в три тысячи золотых монет им предлагалось вступить в церковное общение с Аттиком. Последовал отказ. После этого, поняв, что делать на Востоке им, в сущности, нечего, послы попросились домой. Препятствий это желание не встретило. Делегатов посадили на полусгнившую посудину. Пронесся слухок, что капитан взял деньги, чтобы доставить их на дно. Через несколько миль корабль, и в самом деле, начал тонуть. Пришлось высадиться в Лампсаке и продолжить путешествие отсюда. Спустя двадцать дней они достигли Калабрии. Что касается восточных епископов, то по началу казалось, что они, после того, как их развезли по разным местам, словно провалились сквозь землю. В народе поговаривали, что они, наверное, утонули, а, скорее, были утоплены. На самом же деле архиереев со всеми предосторожностями сопроводили в отдаленные города, где они жили под военным надзором в течение ближайших лет.

С другими верными св. Иоанну епископами поступили не лучше: кто был сослан в Македонию, кто в далекую Боеру или аравийскую Пальмиру⁷⁵, кто за Иордан в Петру. Св. Палладий попал в Асуан, что в Верхнем Египте. Путь к месту изгнания был отдельным и тяжким испытанием. Конвой задавал убийственный темп движения. Жалкая пища, запрет посещать по дороге храмы, ночлеги в сомнительных притонах. Палладий пишет, что в Тарсе ссыльных епископов оставили ночевать в борделе. Один из них утешал своих собратьев: «Ну и что? Разве мы пришли сюда сами? Может, и тут

⁷⁵ Этот город находится на территории современной Сирии.

есть Божий промысел. Может, глядя на наши унижения, кто-то из этих девок придет в себя и одумается». Иным еще до ареста посчастливилось бежать. Они скрывались где-то в пещерах или даже в самом Константинополе. Брат св. Палладия Бризон добровольно сложил с себя сан. Ему ничего не сделали, и он благополучно вернулся в свое небольшое имение и занялся садоводством.

Между тем, члены западного посольства на Восток сухопутным путем вернулись в Рим и были выслушаны папой. Пренебрежение папским и императорским посланиями и уничтожение полномочных представителей Запада были восприняты подобно плевок в лицо. Однако заправлявший восточными делами министр Анфимий хорошо знал, что никаких ответных действий Константинополю опасаться не следует. Итальянские войска были связаны оборонительной борьбой с остготами, которых Стилихону удалось разбить при Фиезолах возле Флоренции лишь в августе 406 года. У папы Иннокентия I оставался лишь один способ ответить на брошенный вызов: он разорвал евхаристическое общение и всяческие церковные связи с Феофилом Александрийским, Атикком Константинопольским, Порфирием Антиохийским и всеми прочими видными противниками Иоанна Златоуста. Тем самым установился первый церковный раскол между Востоком и Западом. Обе половины империи и их церкви стали с этого момента все более и более отдаляться друг от друга. Через шестьсот пятьдесят лет, в 1054 году последовал новый раскол, который в полной мере признавался обеими сторонами до 1965 года, и так и не преодолен полностью по сей день.

Тем временем, Иоанн с волнением обдумывал поступающие к нему в Кукуз сообщения, которые поначалу вызвали у него надежду на то, что его ссылка может вскоре завершиться. Западным епископам он пишет благодарственные письма, выражая свою признательность за их содействие. Одно из них адресовано Хроматию Аквилейскому, которому принадлежит главная заслуга в подготовке Римского собора и его решений. В других посланиях проскальзывает предчувствие, что западная делегация, скорее всего, ничего не достигнет. Обращаясь же к Венерию Медиоланскому и епископу Брешии Гауденцию Златоуст, напротив, просит их удвоить свои усилия. В последнем дошедшем письме к Олимпиаде Иоанн уверенно убеждает, что ее вызванная долгой разлукой печаль вскоре иссякнет, поскольку его ссылка подходит к концу. Папе же Иннокентию, скорее всего, в начале лета 407 года святитель сообщает сногсшибательную новость: есть слухи, что его ожидает не освобождение, а новая ссылка.

На смертном марше

В Константинополе приняли решение перевести Иоанна из Кукуза в Питиус. В те времена это затерявшееся на северо-восточном побережье Черного моря местечко было восточным форпостом Римской империи, который от столицы отделяли почти тысяча двести километров. Сейчас Пицунда (современное название Питиуса) расположена на территории Грузии примерно в семидесяти пяти километрах к северо-западу от Сухуми. В Питиусе был отличный порт и мощная крепость, которая, однако, не могла помешать исаврам то и дело спускаться с отрогов кавказских гор и совершать набеги на город.

В биографии святителя Палладий сообщает о том, что возраставшее число посетителей Иоанна и притягательная сила его проповедей вызывали все большее раздражение у давно знакомых нам епископов Севериана Гавальского и Порфирия Антиохийского. Именно они нижайше ходатайствовали перед двором об изменении места ссылки. Их желание было удовлетворено избранием Питиуса. Предполагалось, что посетителей отпугнет дальняя дорога, а установленные за три прожитые в Кукузе года связи прервутся сами собой. Вмешательство сирийских епископов было, однако, лишь одной из причин, оказавших влияние на решение императора. Важным политическим фактором стала позиция Запада. В Константинополе хотели любой ценой предотвратить собор, созвание которого римские церковные и политические власти продолжали требовать с большим

нажимом даже после неудачи, постигшей западное посольство. Прежде чем у Рима вновь появилось бы достаточное количество военной силы для того, чтобы придать необходимый вес своим требованиям, следовало упрятать бывшего епископа Иоанна на самую дальнюю границу империи, где бы он был, практически, недостижим.

Точная дата прибытия в Кукуз отделения преторианцев, которые должны были вести святителя к месту его новой ссылки, неизвестна. Единственным источником о последнем отрезке жизни св. Иоанна остается биография Палладия. Последний пишет, что весь нечеловечески тяжелый путь до Понтийских Коман⁷⁶ занял три месяца. Для расстояния примерно в триста километров это очень большой промежуток времени. Отсюда возникло предположение, что имелись в виду не месяцы, а недели. Если это так, то Златоуст вышел из Кукуза около 25 августа.

На пути из Никеи в Кукуз охрана обращалась с эскортируемым хорошо. Теперь же, очевидно, повинуюсь соответствующему приказу, Иоанна безжалостно гнали вперед. Носилки, так помогавшие ему во время первого этапа, теперь были запрещены. Дорога шла строго на север через несколько горных хребтов. Солнце пекло лысую и ничем не покрытую голову Златоуста, но никакая жара не останавливала солдат. Не заставляли их свернуть в укрытие и любые ливни. Один из конвойных оказывал святому знаки сочувствия, но делал это всегда тайно от других. Если этап проходил по городу, люди, как правило, не скрывали своей симпатии к Иоанну, однако в городах остановки никогда не делались, очевидно, чтобы избежать массовых изъявлений солидарности с гонимым епископом. Преторианцам было обещано продвижение по службе в случае, если арестованный умрет дорогой.

12 сентября группа вошла в местечко Лазимон (современный Токат) в лесистой долине Ириса. В долине этой же реки, примерно в пятидесяти километрах к западу, находясь в своем поместье, Василий Великий около пяти десятков лет назад написал своему другу Григорию Богослову восторженное письмо. В нем описывается окружающая природа, водопад, чудесный вид, мир и покой, нисходящие на душу в этих местах. Письмо, которым Василий хотел завлечь к себе друга, стало одним из первых глубоко прочувствованных изображений ландшафта в литературе.

12 сентября 407 года от идиллии не было и следа. Иоанн находился на исходе последних сил. Пешком еще предстояло пройти около сотни километров. Промежуточной целью был, скорее всего, порт г. Полемонион. Оттуда предстояло плыть в Питиус на корабле. Иоанну срочно требовалось несколько дней отдыха. Но уже на следующее утро командир преторианцев скомандовал продолжение пути. Вне себя от лихорадки, Иоанн, напрягая последние силы, потащился вперед. По мосту, который можно видеть и сейчас, они перешли Ирис и вошли в Понтийские Команы. Город проследовали без остановки. Только, примерно, в восьми километрах за Команами после шестнадцати километров борьбы со смертью Златоуст смог передохнуть на небольшом хуторе, посреди которого стояла часовня мученика Василиска⁷⁷. Здесь было решено заночевать. В этом месте Палладий вплетает в свое, в общем, достаточно сдержанное и трезвое повествование рассказ о двух сновидениях. Этой ночью св. Иоанну во сне явился Василиск и сказал ему: «Брате Иоанне, крепись, завтра будем вместе». Другой раз мученик явился за несколько дней до того служившему в его часовне священнику и сказал: «Приготовь место для брата Иоанна, он уже близко».

На следующее утро, 14 сентября, Иоанну было так плохо, что он попросил солдат подождать с выходом до пятого часа (т. е. до одиннадцати часов утра). В просьбе было отказано. Кое-как Иоанн проплелся еще пять километров. После этого силы его оставили. Поняв, что дело серьезное, солдаты отнесли умирающего назад к часовне святого Василиска. Готовясь к смерти, Иоанн попросил, чтобы его облачили в белое. По примеру отца монахов Антония, чье житие он очень любил, Иоанн раздал свою одежду окружающим его людям. Священник причастил его. После этого святитель произнес свою

⁷⁶ Ныне Гуменек в северо-восточной Турции. Место окончательного назначения Питиус так и не было достигнуто.

⁷⁷ Теперешнее название этого местечка — Бизери (Bigen)..

предсмертную молитву, которая заканчивалась венчающими всю его жизнь словами «Слава Богу за все». «После этого ноги его приподнялись над ложем, — Палладий намеренно употребляет здесь те же слова, какими описывается смерть библейского патриарха Иакова и Антония Великого в житии Афанасия, — и он приложился к своим отцам». На момент наступившей от последствий перенесенных мучений смерти св. Иоанну было приблизительно пятьдесят восемь лет. Новомученик был погребен рядом с мучеником Василиском, принявшим смерть за Христа в 311 году.

Запоздалая реабилитация

Известие о кончине великого мужа распространилось быстро. Палладий пишет, что отовсюду: из Сирии, Киликии, Армении, Понта и других мест начали стекаться благочестивые миряне, монахи и монахини, желавшие проститься с усопшим. Еще и сейчас в развалившейся бизерийской часовне показывают могилу под мраморной плитой, которая считается первоначальным местом упокоения Иоанна Златоуста. Здесь его останки находились около тридцати лет.

Императрица Евдоксия умерла примерно за три года до кончины Златоуста — 6 октября 404 года. Аркадий ненадолго пережил его: он последовал за своей супругой 1 мая 408 года, будучи всего тридцати одного года от роду. Идея наследственной передачи власти к тому времени уже укоренилась настолько, что трон практически безболезненно перешел к Феodosию II, которому на тот момент было всего семь лет. Ранняя смерть августейших супругов еще долго давала пищу для благочестивых домыслов. Способствовали этому и рассказы о немирной кончине, якобы постигшей сразу несколько епископов из числа подписавших осуждение св. Иоанна на соборе «Под дубом». Палладий пишет, что один из них заболел водянкой, другой заживо сгнил, третий был парализован и, онемевав, восемь месяцев дожидался смерти, не имея возможности произнести ни слова. Еще один епископ упал с лошади и сломал ногу, что, в конце концов, привело его к гибели. Последний, с тяжелой опухолью языка, все же подписал исповедание своей вины. Мы не можем проверить справедливость этих сообщений по другим источникам. Заметим, что, независимо от того, насколько историчны рассказы Палладия, они заставляют вспомнить о популярном в литературе древности мотиве страшной смерти злодея или врага. Так, Деяния Апостолов с шокирующими подробностями сообщают о смерти Иуды⁷⁸. Одна из функций подобных описаний — нравоучительная: такая, стало быть, судьба ожидает предателей. Злодей или злодейка получают заслуженное наказание, и это вызывает у читателя не страх, а одно лишь удовлетворение. Церковный писатель Лактанций (ум. после 317 года) составил целую книгу о «Видах смерти преследователей», в которой он изобразил, как находили в своей смерти праведное и суровое наказание гонители христиан. Между тем, главный виновник постигших св. Иоанна несчастий, Феofil Александрийский почил с миром в 412 году. Другой его неизменный противник, Акакий Веррийский умер в возрасте ста шестнадцати лет в почете и уважении. В случае Феофила, однако, о восстановлении справедливости позаботилась поздняя легенда. В ней рассказывается, что, находясь на смертном одре, Феofil долго не мог умереть. Тогда ему поднесли изображение Златоуста. Почтив его подобающим образом, Феofil спокойно преставился.

Приверженцы Златоуста сохраняли ему верность и после смерти святого. Вопрос о преемнике почившего епископа ими сознательно оставался открытым. Тем самым, не исключалась возможность, что расколу, рано или поздно, может быть положен конец. Правительство объявило амнистию, и государственное преследование иоаннитов прекратилось. Оставаясь хладнокровным политиком, Феofil Александрийский прекрасно понимал, что затягивающаяся схизма с Западом лишь ослабляет восточную церковь, и что его собственные испорченные отношения с папой могут

⁷⁸ См. Деян 1:18. Смерть Иуды, кроме того, с отвращением изображает и епископ фригийского г. Иераполя Палий, см. Папий, фрагмент 6 по изданию *Schriften des Urchristentums, Dritter Teil. Papiasfragmente*. Hirt des Hermas, hrsg. von U.H.J. Kortner und M. Leutsch, Darmstadt, 1998, 58-61.

быть нормализованы единственно при условии примирения с приверженцами Иоанна. Поэтому он написал Аттiku, который в 406 году стал епископом Константинополя, и понудил его отменить все церковные меры наказания, наложенные на иоаннитов.

Последние, однако, этим не удовлетворились. Они требовали включения имени св. Иоанна в диптихи. Возвращение имени Иоанна Златоуста в список епископов было также тем неизменным условием, от выполнения которого римский папа ставил в зависимость восстановление евхаристического общения с Востоком. Аттик самым решительным образом отверг это требование. И это не удивительно, ведь его выполнение означало бы, что Аттик признает извержение св. Иоанна из сана — и, стало быть, тем самым, и свое собственное назначение на его кафедру — незаконным.

Время, между тем, работало на сторонников почившего епископа Иоанна. Навязанный в 404 году антиохийцам в качестве епископа Порфирий умер в 412 году, так и не успев стяжать ни уважения ни даже приязни. Его сменил Александр (412-416), который много лет назад вполне мог служить вместе с молодым Златоустом при епископе Флавиане. Александр пользовался в церкви большим уважением, в том числе и за свою благочестивую воздержанную жизнь. Церковный мир он ценил куда больше воспоминаний о причинах давно отшумевших конфликтов. Во главе своей паствы он направился в храм, где собирались приверженцы умершего много лет назад епископа Павлина. Последние не смогли противиться его обаянию и последовали за Александром в Большую церковь. Это событие положило конец длившемуся уже не одно десятилетие расколу, излечить который пытался после своего назначения в Константинополь и сам св. Иоанн. Следующим шагом Александра стало обращение к гораздо большей по количеству группе иоаннитов. С ними удалось найти общий язык после того, как Александр восстановил имя Иоанна в диптихах антиохийской церкви и, к тому же, вернул двух сосланных иоаннитских епископов на их кафедры в Сирии. Об этих деяниях Александр поставил в известность римского папу. Иннокентий немедленно выразил свое удовлетворение и вступил в церковное общение с патриархом антиохийским.

Тем самым увеличилось давление на Аттiku Константинопольского. Папа Иннокентий I довел до сведения заинтересованных в восстановлении церковных отношений с Римом кругов, что он готов к этому шагу на тех же условиях, на которых произошло воссоединение с Антиохийской церковью. Соответствующее заявление было сделано папским нунцием (апокрисиарием) в Константинополе Бонифацием¹⁰⁴. В 414 году в столицу прибыл епископ Александр с тем, чтобы побудить Аттiku совершить столь многими ожидаемый примирительный жест. Скорее всего, его миссия не имела никакого успеха. И лишь после проповеди Александра, где он открыто призвал внести имя св. Иоанна в диптихи и привел, тем самым, константинопольскую улицу на грань открытых манифестаций, Аттик, скрепя сердце, сдался. Он отправился за советом к тринадцатилетнему императору Феодосию II. Тот, узнав мнение префекта претория Анфимия, вынес решение: не будет вреда, если ради мира и спокойствия, имя давно усопшего будет внесено в диптихи.

Внутреннее сопротивление, которое преодолевал Аттик, совершая этот шаг, хорошо чувствуется в письме, написанном им александрийскому патриарху Кириллу. В 412 году Кирилл сменил на александрийской кафедре своего дядю Феофила, от которого он унаследовал ненависть к Иоанну Златоусту. Аттик пишет, что поступил вопреки своей совести под давлением народной толпы. Его действия, добавляет он, однако, не нарушают церковных канонов, поскольку в диптихах записаны имена не одних епископов, но и пресвитеров, диаконов и мирян, среди которых есть даже женщины. Ведь и Давиду не ставится в вину то, что он с честью предал земле прах Саула. И теперь, продолжает Аттик, он просит Кирилла, чтобы тот, со своей⁷⁹ стороны, также вписал имя «этого мертвого человека» — Аттик, по всей видимости, был не в состоянии назвать Иоанна по имени — в диптихи, чтобы в церкви вновь воцарились мир и единодушие. В своем ответе Кирилл упрекает

⁷⁹ Бонифаций был папой в 418-422 годах.

константинопольского коллегу за уступчивость: подобный поступок, пишет он, заставляет думать, что Атик переметнулся к иоаннитам и, таким образом, хочет разорвать связи с Египтом. Далее Кирилл говорит о том, что, по его сведениям, имя Иоанна читается в диптихах вместе с именами других епископов. А это равносильно тому, как если бы Иуда вновь был бы принят в число двенадцати апостолов, а выбранный на его место Матфей был бы из него исключен. Поэтому Атику следует изгладить имя Златоуста из диптихов. Но через несколько лет после написания послания, где делается столь неуместное для отца церкви уровня св. Кирилла сравнение Иоанна Златоуста с Иудой, александрийский патриарх смирился с необходимостью сделать шаг, которому он так долго противился. Здесь сыграло свою роль и давление властей, и желание Кирилла восстановить отношения с Римом, где этот шаг ставили в зависимость от реабилитации Иоанна Златоуста. Весьма характерным для поведения Кирилла является то, что мы ничего не знаем о дате внесения имени св. Иоанна в диптихи Александрийской церкви. Весьма вероятно, что это могло произойти в 418 году. Как бы то ни было, Кирилл до конца жизни оставался убежденным в справедливости вынесенного собором «Под дубом» решения об извержении из сана епископа Иоанна. Надо сказать, что он сам присутствовал на этом соборе, сопровождая своего дялю.

Добившись внесения почитаемого ими епископа в диптихи, иоанниты одержали свою первую победу, которой они, однако, не удовлетворились. Сознывая, что в диптихах содержатся, в том числе, и такие имена, которые попали туда не по причине святости их носивших, а из церковно-политических соображений, чтившие память св. Иоанна требовали более определенного знака признания его особого статуса. Наиболее же твердые из иоаннитов не собирались примиряться до тех пор, покуда тело почитаемого ими святого покоится вдали от столицы в скромной могиле, а сами они лишены возможности молиться у его мощей и получать от них новые силы. Ждать выполнения своих желаний обеим группам пришлось не один год. В 428 году константинопольским епископом вновь стал пресвитер из Антиохии, которому также суждено было лишиться своей кафедры. Его имя — Несторий (428-431). Судьба Нестория многими подробностями напоминает карьеру Златоуста. Среди них можно назвать реформаторский пыл, отсутствие должного такта в обращении с другими епископами, конфликт с политически влиятельной сестрой императора Феодосия II Пульхерией. Несторий был учеником Феодора Мопсуэстийского, который учился вместе с Иоанном в Антиохии. Одностороннее подчеркивание самостоятельности человеческой природы Иисуса Христа, выразившееся, в частности, в предположении, что Иисус заслужил соединение с Божеством благодаря Своей добродетельной жизни, настолько далеко увело Нестория от магистрального направления церковного учения, что, в конце концов, привело к тому, что он был осужден на подготовленном Кириллом Александрийским Ефесском соборе 431 года и был вынужден оставить свою кафедру. Однако именно Несторий 26 сентября 428 года впервые отметил память своего земляка св. Иоанна Златоуста в богослужебном порядке, воздав ему подобающую честь за литургией перед престолом Господним. Это действие в православной традиции эквивалентно западной канонизации.

Реабилитация Иоанна Златоуста получила свое окончательное завершение 27 января 438 года. Именно в этот день корабль с мощами святого на борту вошел в Босфор. Гроб был вывезен из Коман по инициативе константинопольского епископа Прокла при деятельной поддержке как самого императора Феодосия II, так и, в особенности, его сестры Пульхерии. К вечеру у берегов Босфора собрались невиданные толпы жителей Константинополя. При свете заходящего зимнего солнца в заливе и дальше в открывавшейся дали Мраморного моря виднелись сотни лодок и небольших кораблей. С наступлением сумерек их огни заискрились по спокойной глади моря, многократно преломляясь в воде, как в огромном зеркале. На берегу, готовый ко встрече со святым, стоял окруженный свитой император. Когда гроб перенесли с корабля на сушу, над гигантской толпой установилась глубокая тишина. Император опустился перед гробом на колени и, прикоснувшись к нему лбом, попросил у усопшего прощение за то, в чем по неведению перед ним оказались виноваты

его родители. Затем торжественная процессия во главе с патриархом и императором при свете факелов тронулась к городу. Мимо церкви св. Ирины и вновь отстроенной Святой Софии путь лежал к церкви Святых Апостолов. Здесь, по желанию патриарха Прокла, гроб поставили возле епископской кафедры. Из толпы, в которой жила память о сосланном и загнанном до смертного изнеможения епископе Иоанне, раздался крик: «Взойди на свое место, отец!» Некоторые говорили, что в ответ они услышали тихий голос, произнесший слова епископского благословения: «Мир вам!»

Церковь Апостолов стала местом последнего упокоения Иоанна Златоуста. Рядом, в примыкающем к храму мавзолее были похоронены Константин Великий, Констанций II, Феодосий I, а также Аркадий и Евдоксия. Это соседство продолжалось не одно столетие. Неизменно, каждое Пасхальное воскресенье византийские императоры в сопровождении торжественной процессии приходили к церкви Апостолов, чтобы помолиться у могил святого Иоанна Златоуста, святого Григория Богослова и святого императора Константина.

В ходе четвертого Крестового похода Константинополь был с 12 по 14 апреля 1204 года разграблен венецианцами. Среди захваченных сокровищ оказались и мощи святых, в том числе Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Их перевезли в Рим. Здесь они вплоть до недавнего времени находились в Капелле дель Коро на территории собора святого Петра. В ноябре 2004 года за торжественным богослужением римский папа Иоанн Павел II передал мощи Вселенскому патриарху Варфоломею I. Так святые через восемьсот лет вернулись в Константинополь.

Помимо мощей нам, что, быть может, даже важнее, остались проповеди, письма и богословские трактаты Златоуста. «Они облетели весь обитаемый мир с быстротой сверкающей молнии», — замечает на полях древней рукописи переписчик посвященного Иоанну Златоусту раздела книги блаженного Иеронима «О знаменитых мужах». «Мои книги будут с тобой в мое отсутствие», — писал Златоуст Олимпиаде. Эти слова можно отнести и к каждому из нас.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Albert, Gerhard: *Goten in Konstantinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400*, Paderborn 1984.
2. Baur, Chrysostomus: *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*. 2 Bde., München 1929-30.
3. Brändle, Rudolf: *Matth. 25,31-46 im Werk des Johannes Chrysostomos. Ein Beitrag zur Geschichte der Exegese und zur Erforschung der Ethik der griechischen Kirche um die Wende vom 4. zum 5. Jahrhundert*, Tübingen 1979.
4. Brändle, Rudolf: Art. „Johannes Chrysostomus I.“, in: *Reallexikon für Antike und Christentum*, Bd. 18, 1997, Sp. 426-503.
5. Brown, Peter: *Die letzten Heiden. Eine kleine Geschichte der Spätantike*, Berlin 1986.
6. Brown, Peter: *Die Keuschheit der Engel. Sexuelle Entsagung, Askese und Körperlichkeit am Anfang des Christentums*, München 1991. (Deutsche Übersetzung von ders.: *The Body and Society. Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity*, New York 1988.)
7. Campenhausen, Hans von: *Johannes Chrysostomos*, in: ders.: *Griechische Kirchenväter*, Stuttgart 1955, S. 137-152.
8. Kelly, John Norman Davidson: *Golden Mouth. The Story of John Chrysostom. Ascetic, Preacher, Bishop*, London 1995.
9. Levi, Doro: *Antioch Mosaic Pavements*. 2 Bde., Princeton 1947.
10. Liebeschuetz, John Hugo Wolfgang Gideon: *Antioch. City and Imperial Administration in the Later Roman Empire*, Oxford 1972.
11. Stockmeier, Peter: *Johannes Chrysostomus*, in: Martin Greschat (Hrsg.): *Gestalten der Kirchengeschichte*. Bd. 2, Stuttgart 1984, S. 125-144.
12. Wilken, Robert Louis: *John Chrysostom and the Jews. Rhetoric and Reality in the Late 4th Century*, Berkeley 1983.